ПИОНЕР 2

ФЕВРАЛЬ ● 1978 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РАССКАЗЫ О КОНСТИТУЦИИ

Владимир СТЕПАНЕНКО

Священный долг

Рисунок И. КРАСУЛИНА

Передо мной новая Конституция. Вчитываюсь в мудрые, исполненные глубокого смысла слова Основного Закона нашей жизни. Радуюсь заботе о благе советского человека, о судьбе нашей Родины.

Мне, ветерану Великой Отечественной войны, никогда не забыть тех огненных суровых лет. В тяжелых, кровопролитных боях завоевана наша Победа над фашизмом. Я видел, как началась война, — в первый бой наша часть вступила на рассвете 22 июня 1941 года. Дошел до Берлина. Видел, как победно реял над рейхстагом наш флаг в мае 1945 года...

Конституция станет законом жизни не одного поколения. И для всех будут священными слова: берегите Родину, Отечество.

Одна из глав нашей новой Конституции так и называется — **«Защита социалистического Отечества»**. В ней записано: **«Долг Вооруженных Сил СССР перед народом — надежно защищать социалистическое Отечество, быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору»**.

Дальше, в главе об основных правах, свободах и обязанностях советских граждан записаны торжественные слова: **«Защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР»**.

Наше поколение воспитывалось на книгах о героях гражданской войны. Мы восхищались воинами, сражавшимися на Халхин-Голе, и бойцами интернациональных бригад в революционной Испании.

Когда началась война с фашистами, пришел наш черед встать на защиту Родины...

В памяти народа навсегда остались имена героев Великой Отечественной войны, остались как символы воли, доблести и геройства.

Вы знаете эти дорогие каждому советскому человеку имена — Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, Александра Матросова, политрука Клочкова и многих других солдат и офицеров.

В тягчайших фронтовых обстоятельствах они сохранили верность воинскому долгу, своей социалистической Родине...

Сегодня я хочу рассказать еще о двух героях Великой Отечественной — летчиках, гвардейцах 88-го истребительного полка Александре Николаеве и Николае Колоскове.

Познакомился я с ними на аэродроме в деревне Долгие Буды летом 1943 года перед началом сражения на Курской дуге.

...Николаев и Колосков много летали, участвовали в воздушных боях, но фашистских летчиков им сбить еще не удавалось. Однажды они вылетели на перехват фашистского разведчика. Долго патрулировали над передним краем, но самолет не обнаружили. Подошло время возвращаться на свой аэродром, и вдруг неожиданно из облака вывалился немецкий бомбардировщик Ю-88. Он появился так внезапно и так быстро исчез в облаках, что Николаев не успел открыть огонь.

Летчики бросились в погоню. Скоро они настигли «юнкерс» и атаковали его.

Из правого мотора бомбардировщика вырвалось пламя. Взрывная волна высоко подбросила истребитель Николаева, и летчик с трудом выровнял самолет.

«Юнкерс» развалился на куски. Николаев облегченно вздохнул. Надо торопиться на свой аэродром: горючее на исходе. Но за время преследования летчики потеряли ориентировку и не представляли, где они сейчас находятся.

Сзади ударили зенитки, — значит, летчики над территорией, занятой врагом...

Первый снаряд разорвался рядом с самолетом ведомого. Колосков бросил машину к земле, но ее настиг второй снаряд.

Когда Николаев обернулся, он не увидел своего товарища.

А Колосков тем временем делал все, чтобы

23 ФЕВРАЛЯ —
60 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ АРМИИ
И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

спасти подбитую машину. Мотор не тянул, скоро встал и винт. Летчик пошел на снижение. Самолет коснулся земли и пополз по ней, зарываясь в мягкую пахоту. Алюминиевые лопасти винта загнулись, как огромные рога.

Николаев быстро развернулся и под огнем зенитчиков пошел на поиски товарища. Ему удалось заметить лежавшую посреди поля знакомую машину и Колоскова возле нее.

К полю уже мчались фашистские мотоциклы. Николаев спикировал на них и обстрелял из пушек и пулеметов. Выпустил шасси и зашел на посадку. Не выключая мотора, подрулил к лежащему истребителю.

— Скорей! — крикнул он.

Колосков подбежал к самолету, втиснулся в кабину. Николаев дал полный газ, и под огнем мотоциклистов истребитель запрыгал по неровному полю, ускоряя бег, и взлетел. Николаев набрал высоту, развернулся на девяносто градусов и взял курс на восток...

На родном аэродроме у самолета Николаева собрались все летчики истребительного полка, техники, мотористы, оружейники. Поздравлял летчиков и старший лейтенант Александр Горовец.

Свой подвиг Николаев совершил летом 1943 года. Со дня на день должно было начаться одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны — Курская битва, когда было сорвано последнее наступление фашистских войск.

Именно в те летние дни младший лейтенант Николаев показал пример истинного боевого братства. Эстафету победоносного воздушного боя приняли от Николаева его товарищи по полку — Костя Новиков и Александр Горовец.

Когда 5 июля на равнине под Курском началась битва и в бой пошли танки, наши летчики бесстрашно вели затяжные воздушные бои по всему фронту.

Оперативная сводка Совинформбюро за 13 июля 1943 года, отмечая успешное наступление наших войск на Орловско-Курском и Белгородском направлениях, сообщала:

«...Летчики Н-ской гвардейской части за три дня боев сбили 156 немецких самолетов. Герой Советского Союза гвардии лейтенант Новиков сбил 5 вражеских самолетов. Летчик гвардии старший лейтенант Горовец встретился в воздухе с группой немецких самолетов. Вступив с ними в бой, товарищ Горовец сбил 9 немецких бомбардировщиков».

Девять сбитых самолетов в одном бою! История воздушных сражений не знала такого подвига...

«Защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР».

Так записано в Конституции. Об этом надо помнить каждому. И хотя для тебя не пришло еще время произносить торжественные слова воинской присяги, помни о своем долге гражданина, защитника Родины. Помни и готовься стать отважным воином — защитником социалистического Отечества.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Москва 1978 г.
Издательство «Правда»

Борис ДУБРОВИН

Те, кто сегодня на посту

На рубежах своей страны
Стоят Отечества сыны,
И зорко смотрят в темноту
Те, кто сегодня на посту.

Встречают юности расцвет
Под сенью крыльев и ракет
И охраняют высоту
Те, кто сегодня на посту.

В сердцах мужающих сынов
Отвага дедов и отцов,
И славят красную звезду
Те, кто сегодня на посту.

Несокрушимые, они
Прочней испытанной брони:
Ведь охраняют мир в цвету
Те, кто сегодня на посту.

Граница

Мы снова с оружием вышли,
Нам снова на службу пора.
Надежной дозорною вышкой
Нам служит любая гора.
Мы видим движенье травинок
И птиц неожиданный взлет.
Здесь ночью и днем — поединок,
И враг не пройдет.

Здесь молодость наша в дозоре,
Мы ловим в молчанья ночей
Дыхание неба и моря,
Дыханье пустынь и полей.
На кромке отвесных тропинок
Засада лазутчика ждет.
Здесь ночью и днем — поединок,
И враг не пройдет.

Покой нам теперь и не снится,
Здесь каждый суров и упрям:
Сегодня охрану границы
Отчизна доверила нам.
И в мужестве каждого сына
Уверен советский народ:
Здесь ночью и днем — поединок,
И враг не пройдет.

Над вечным огнем

Неслышно иду по гранитным ступеням
Безоблачным солнечным днем,
И кажется, только всего на мгновенье
Я замер над вечным огнем.
Мне чудится:
Путь я военный измерил,
Прошел я дорогой отца,
И наши удачи и наши потери
Я видел глазами бойца.
Я понял:
Над памятью время не властно,
Хотя не бывал на войне...
Отцовское сердце вовек не погаснет,
Горит его пламя во мне.
И дело отца продолжается свято,
Пусть годы летят и летят,
Отец мой, я рядом!
Даю тебе клятву:
Я тоже — солдат!

Рисунок А. БОРИСОВА

«Людям старших поколений, юность которых была овеяна горячим дыханием революции, чей характер и воля закалялись на стройках первых пятилеток, в битвах Великой Отечественной войны, приятно сознавать, что комсомольцы, юноши и девушки изучают и сердцем воспринимают героическую историю Коммунистической партии и Советского государства, чтят память павших, окружают заботой ветеранов, семьи погибших воинов, активно участвуют в коммунистическом строительстве».

Л. И. БРЕЖНЕВ

(Из приветствия участникам VIII Всесоюзного слета победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа)

Дорогами войны

Об удивительных находках и интересных встречах красных следопытов Симферополя и Керчи рассказывает **Герой Советского Союза, генерал-майор в отставке Андраник Абрамович КАЗАРЯН.** Он уже двенадцать лет руководит Крымским областным штабом Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

Тайны крымской земли

Вот уже несколько лет пионеры и комсомольцы 17-й средней школы города Керчи ведут поиск безвестных героев минувшей войны.

Как-то на школьном вечере наметили следопыты план поисков в Аджимушкайских каменоломнях. Бывший партизан И. М. Голиков согласился стать проводником в подземных лабиринтах. Поход оказался удачным. Ребята нашли штык, солдатскую флягу, ложку и другие предметы. Эти находки сейчас в школьном музее.

За первым походом провели другой, третий... И вот однажды...

Подземелье. Звенящая тишина. Дышать трудно: воздух сырой и тяжелый. Следопыты шли цепочкой. Впереди — десятиклассник Валерий Лукьянченко. Нечаянно он задел один из камней. Камень куда-то провалился. Ребята расширили отверстие. Валерий первым отважился спуститься в кромешную тьму. За ним остальные.

...Полевая сумка командира. Списки и адреса десятков людей. Партийный билет Захария Владимировича Табунца. Удостоверение личности лейтенанта Андрея Сергеевича Остапишина, красноармейская книжка Ивана Егоровича Ярофеева...

Свои находки следопыты отдали Керченскому краеведческому музею.

Потом в разные концы страны полетели письма. Искали родных и друзей тех, кто пал смертью храбрых в борьбе против гитлеровских захватчиков.

Первыми получили ответ пионеры 5-го класса «А». Писал сын старшего лейтенанта Григория Карповича Мищенко Андрей. На письма школьников откликнулись не только родные, но и однополчане. Из города Тавды, Свердловской области, письмо прислал Иван Данилович Демидов.

В Керчь приезжали родственники героев. Жена Ивана Егоровича Ярофеева — Анисья Архиповна после гибели мужа одна вырастила шестерых детей. Вместе с матерью все они приехали почтить светлую память отца и поблагодарить следопытов.

Потом у ребят гостила семья Захария Вла-

димировича Табунца: его жена Герой Социалистического Труда Елена Дементьевна Табунец и четверо детей.

Еще много тайн хранят горы, леса, подземелья крымской земли. Юные друзья Советской Армии, следопыты 17-й средней школы города-героя Керчи раскрывают их.

Строгий командир

В поселке Гвардейском, Симферопольского района, живет бывший офицер Войска Польского.

В феврале 1943 года Станислав Костецкий стал подпоручиком Войска Польского. Подпоручик Костецкий оказался требовательным командиром. Часто солдаты не понимали: почему они должны переворачивать лопатами тонны земли? Какая надобность тащить орудия на руках, если рядом есть кони?

Но Костецкий знал: самая тяжелая учеба в тылу легче фронтовой действительности.

Уважать его солдаты стали после первого боя у станции Киверцы. А полюбили, когда на Висле попали в самое пекло войны и десять дней и ночей без отдыха поддерживали артогнем переправу. За эти десять суток солдаты не раз вспоминали добрым словом учебный лагерь у спокойной русской реки с певучим названием Ока. Бойцы гордились своим дальновидным командиром. И поражались выносливости и выдержке подпоручика. Казалось, он ничего не видел, кроме пушек, кроме целей в боевых порядках врага, но всегда оказывался рядом с теми, кому приходилось труднее всего, находил нужное слово, порою просто устало улыбался, просил продержаться еще самую малость. И человек держался.

Войну Станислав Костецкий закончил поручиком.

После войны вернулся в Советский Союз, где он родился и вырос.

Станислав Леонтьевич, сидя за столом, перебирает фотографии военных лет, документы. Перед следопытами лежат военные награды: советские, польские.

— Это за освобождение Варшавы, это за взятие Берлина, это за Одер и Нейсе и выход к Балтике, вот орден «Крест храбрых», а это «Знак Грюнвальда»,— перечисляет Костецкий. Показывает грамоту: «Искренне благодарю Вас за Вашу честную и самоотверженную службу в Войске Польском... Демократическая Польша никогда не забудет того неоценимого вклада, какой внесли Вы, советские воины, в дело освобождения и возрождения Польской республики, в дело укрепления вечной дружбы Красной Армии и Войска Польского. 19.VII.1946».

★

VIII Всесоюзный слет победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа проходил в сентябре 1977 года в городе Иванове. Одна из участниц слета, девятиклассница Марина Захаржевская, рассказала нашему корреспонденту **М. МАТВЕЕВОЙ** о своем отряде красных следопытов «РВС». Отряд организовали ребята средней школы № 1 города Красный Луч.

«РВС»

Шли дожди, и вести раскопки было нельзя. Небольшими группами, человек по пять, они ходили в ближайшие деревни, расспрашивали старожилов. На карте появились четыре новых крестика — места гибели совет-

ских самолетов. Теперь таких мест они знали одиннадцать.

Палатки протекали, костер долго дымил, и на нем лениво варился обед. Председатель колхоза, узнав об этом, предложил: переселяйтесь в школу, школьная кухня в вашем распоряжении.

За гостеприимство положено платить. Добром. Помощью. С этого дня они помогали собирать помидоры на плантациях колхоза имени XXI съезда КПСС.

Через две недели раскопки шли вовсю, но теперь выматывала жара. Работали с десяти утра до четырех-пяти часов дня. Кругом степь, ни деревца. До деревни шесть километров. Туда шли пешком, а обратно часто возвращались на попутках.

На раскопки отряд «Разведчиков военной славы» берет нескольких пятиклассников, шестиклассников: пусть учатся, привыкают. Ребята постарше их опекают. Как отберешь лопату у Люси Мищенко, когда ей кажется, что самое интересное, самое главное должна найти именно она?! Маленькая, шустрая, как мальчишка, она появляется то с одной стороны воронки, то с другой, и нет никакой возможности ее угомонить.

Юра Такаленко и Света Русева работают красиво, размеренно, подшучивают над нетерпением остальных. Они на раскопках не первый раз. Юра и Света — студенты, бывшие бойцы «РВС», верные своему отряду.

Один крестик на своей карте они зачеркнули. В кукурузе раскопали не самолет. Там просто ржавела старая машина.

Решили вернуться к месту раскопок 1971 года. Тогда их предшественники ничего не нашли, хотя перерыли всю воронку. Но старожилы утверждали, что самолет надо искать именно там.

Первые метры земли снимал бульдозер. Копали в нескольких шагах от старого раскопа. И вдруг крик: «Нашли!» Все, отталкивая друг друга, бросились к яме, прямо из-под гусениц выхватывали куски металла. Потом землю, которую сгреб бульдозер, стали перебирать и просеивать. Дальше копали осторожно, саперными лопатками.

Из ямы подняли винтовую часть самолета. Жаль, что не сохранился мотор, по которому легко установить и марку машины и номер. Но все равно винтовая часть — большая удача.

Подошли колхозники, сбежались местные ребятишки. Пока взрослые рассматривали винт, обшивку носовой части, ребята крутились вокруг них и жадно прислушивались к разговорам. А говорили взрослые о том, что, очевидно, это истребитель Як-1 и что произвел он таран вражеского самолета, потому что к обшивке припаялись куски инородного металла и что специалисты по этим обломкам установят марку машины.

Як! Як-1! А вдруг это самолет «Белой лилии»?

...Осень 1941 года. Командование принимает решение сформировать под руководством Героя Советского Союза Марины Михайловны Расковой женский авиаполк. Предпочтение отдавали спортсменкам, парашютисткам, членам аэроклубов.

В 1943 году за успешное выполнение заданий командования 46-му женскому полку присваивается звание гвардейского, а за участие в освобождении Таманского полуострова полк получает наименование Таманского.

Гвардейский Таманский авиационный полк был награжден орденом Красного Знамени и орденом Суворова III степени. Среди летчиц и штурманов полка 23 Героя Советского Союза.

Это был единственный в истории авиации целиком женский полк.

Ребятам как можно больше хотелось узнать про Таманский авиаполк, потому что летом 1943 года летчицы полка сражались над их городом и многие погибли за их город. В одну августовскую ночь не вернулась с задания Лида Литвяк. Светловолосая, всеми любимая Лида. В полку ее звали «Белая лилия».

Узнав эту историю, «разведчики» дали слово найти место гибели Лиды и рядом со своей школой поставить ей памятник — колонну с белым цветком. Летний поход отряда «РВС» назывался: «Операция «Белая лилия».

Вот и весь рассказ про минувшее лето «Разведчиков военной славы». Отряду десять лет. Принимают в него всех желающих со второго по десятый класс. Все эти годы руководит отрядом Валентина Ивановна Ващенко, преподаватель истории.

Рисунки В. КОСТИЦИНА

С КОМСОМОЛЬСКИМ БИЛЕТОМ

1918—1978

Сегодня наш сбор-поиск посвящен трем комсомольцам, Героям Советского Союза. Их нет среди нас — они погибли, защищая Родину на фронтах Великой Отечественной войны. Мы очень мало знаем об этих ребятах. Только то, что сохранилось в приказах, донесениях, что рассказали их товарищи. Перед тобой их комсомольские билеты. Сейчас они хранятся в Центральном Музее Вооруженных Сил СССР. А в суровые дни войны комсомольцы шли с ними в бой и побеждали.

ОПАЛЕННЫЕ ОГНЕМ

О. МОСКОВАЯ,
И. ПАВЛЕНКО

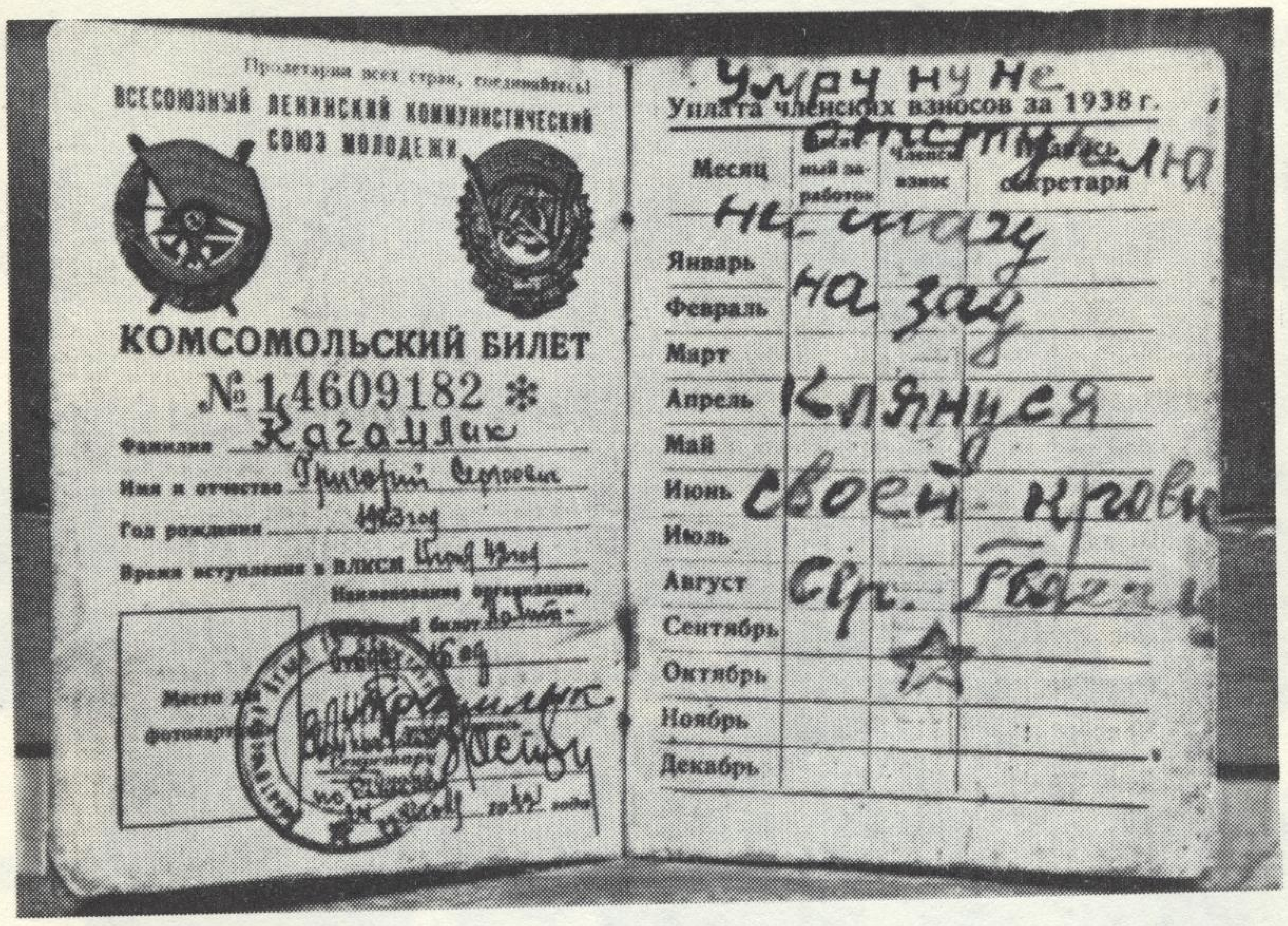
Подвиг сапера

Василий Колесник ушел на фронт в 1942 году, бесстрашно воевал с гитлеровцами до Победы. Но в мае сорок пятого года война для него не кончилась: часть Василия направили на Дальний Восток, где шли бои с японскими империалистами.

Рота, в которой сражался Василий, готовилась к бою за высоту. Сапер Василий Колесник получил задание проложить путь в заминированных проволочных заграждениях врага — они защищали линию вражеских окопов. Василий полз под пулеметным огнем из вражеского дзота и, пригибаясь к земле, резал колючую проволоку, обезвреживал мины. Наконец путь открыт. Оставалось уничтожить пулемет. Василий достал гранату и метнул ее в амбразуру. Пулемет не умолкал... Василий бросил еще одну... Еще... Когда не осталось ни одной гранаты, Василий подполз к дзоту и закрыл амбразуру грудью...

В сентябре сорок пятого года Василию Колеснику посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Не прошел ни один танк



В феврале сорок третьего года шел бой за деревню Никольское в Курской области. Это было за несколько месяцев до начала Курской битвы. Отделение комсомольца Григория Кагамлыка — десять человек с противотанковыми ружьями — вот уже несколько часов сдерживало наступление вражеских танков на правом фланге. Танки надвигались, солдаты, близко подпустив их к себе, стреляли по этим мощным, бронированным громадинам. И машины останавливались, оседали на простреленных гусеницах, загорались. Ни один танк не прошел через рубеж, который защищало отделение Григория Кагамлыка.

Григорий Кагамлык был трижды ранен, но не покинул поле боя. И бойцы заражались храбростью раненого командира. Они стояли насмерть, чтобы задержать, насколько возможно, наступление врага.

В эти часы Григорий кровью написал на своем комсомольском билете: «Умру, но не отступлю ни шагу назад. Клянусь своей кровью». И сдержал клятву...

После боя он был представлен к званию Героя Советского Союза посмертно.

Девятнадцатилетний командир

Когда началась война, Боря Дмитриев учился в девятом классе 243-й московской школы. После окончания школы по путевке райкома комсомола его направили на курсы подрывников. Боевое крещение он получил в Белоруссии, в партизанском отряде имени Рокоссовского.

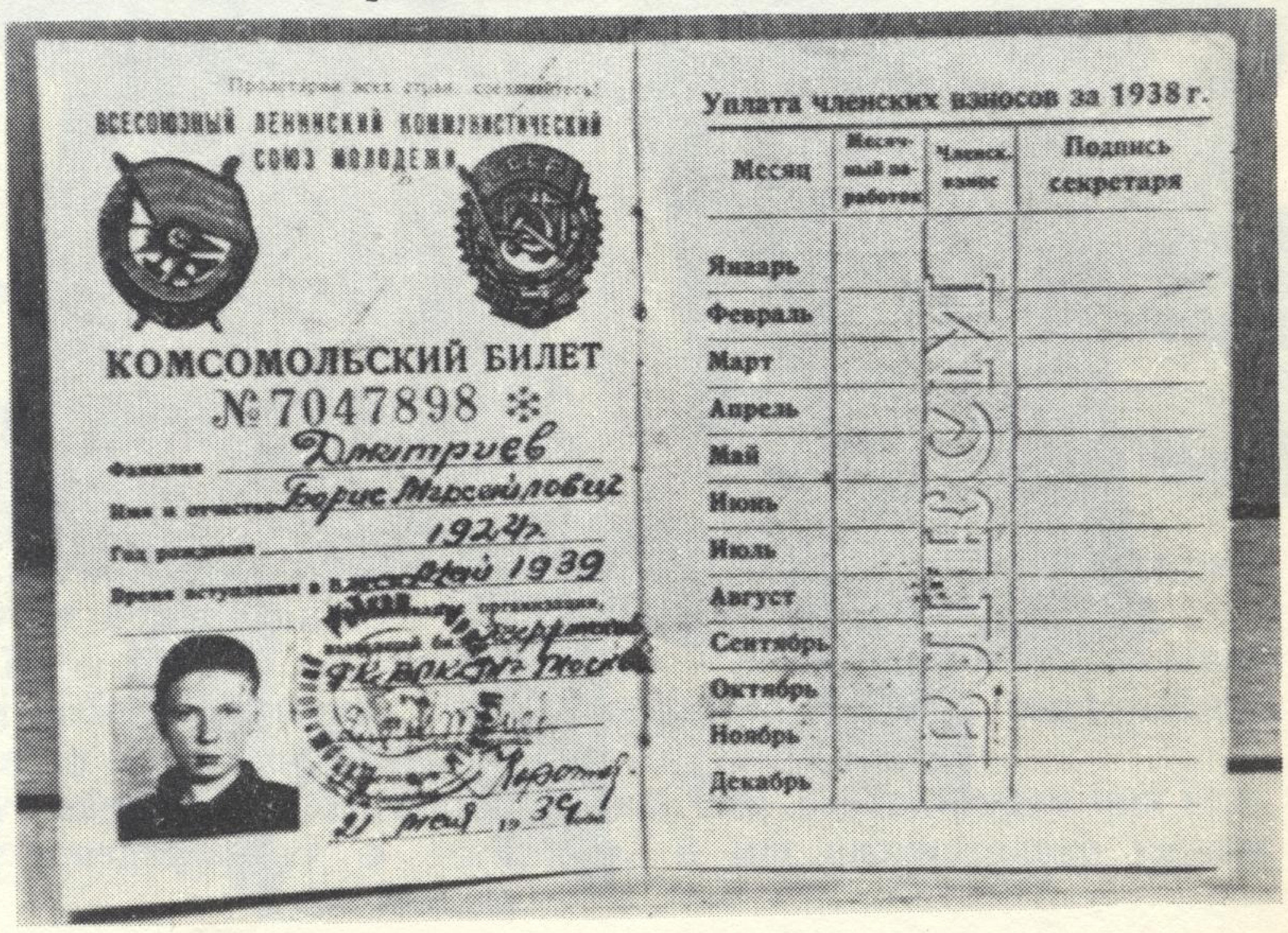
В девятнадцать лет Борис уже руководил группой подрывников, которая уничтожила одиннадцать железнодорожных и тридцать два шоссейных моста. На его боевом счету восемнадцать вражеских эшелонов. А каждый выход на задание в тылу врага был смертельно опасен.

23 февраля 1944 года, в день Советской Армии Борис был у деревни Каменичи на партизанской заставе. Партизаны расставляли такие заставы у соседних с отрядом деревень.

Неожиданно на заставу напал карательный отряд. Начался бой. В первые же минуты погиб командир заставы. Борис заменил его, был ранен, но продолжал командовать боем. Его маленький отряд не мог отступить, не мог укрыться в лесу — фашисты уничтожили бы жителей.

Партизанская застава погибла, не пропустив в деревню фашистов.

Борису Дмитриеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.



Юрий ЯКОВЛЕВ

ПРИКАЗ КОМИССАРА

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Окончание. Начало в № 1.

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Очень хорошо, что будут выступать артисты. Я постараюсь их уговорить. Я привезу их полковому комиссару — выполню приказ. И он наверняка будет доволен. А как же мои ребята? Я старался не думать о них. Старался думать об артистах. Сегодня в госпитале будут выступать артисты. Не откажутся же они от поездки на фронт?

После концерта я подошел к танцорам и сказал:

— Здравствуйте, я из политуправления армии. Нам нужны танцоры для выступления перед солдатами.

Мы договорились, что завтра утром они придут в госпиталь и мы окончательно решим о дне выезда.

— Что, договорился? — спросила меня тетя Валя, которая тоже была на концерте. — Ну и ладно. — сказала она. Вздохнула. И больше ни о чем меня не расспрашивала.

Я опять стою перед дверью и не решаюсь постучать. Постучу — никто не отзовется. А так еще есть надежда. Крохотная надежда. В Ленинграде все, что нужно человеку, крохотно. И хлеб, и тепло, да и сама жизнь недолговечна. Я стою перед дверью и уже прощаюсь с Тамарой. Завтра утром придут артисты — они легки на подъем, может быть, сразу и двинемся на Московский вокзал. А паровоз-кукушка потащит свой единственный вагончик от станции «блокада» к станции «фронт», из огня да в полымя. Прощай, Тамара!

И тут я все же ударяю кулаком в дверь. Ударяю и жду, прислушиваюсь. Я ничего не слышу, но дверь вдруг отворяется. На пороге стоит сизоволосая женщина в пальто. Она кашляет, подносит ко рту платок и смотрит мимо меня.

— Здравствуйте! Тамара Самсонова... дома? — спрашиваю я, когда женщина перестает кашлять.

— Нет.

У женщины хриплый голос.

— Но она живет... здесь? Она придет? — Я стараюсь говорить спокойно, но волнуюсь, а женщина продолжает смотреть мимо меня, не проявляя ко мне ни малейшего интереса.

— Тамара иногда по нескольку дней не приходит.

— Я обязательно зайду завтра!

— Как хотите, — с полным безразличием говорит соседка и снова кашляет и закрывает дверь. Я сквозь дверь слышу ее приглушенный кашель. А когда возвращаюсь домой, к тете Вале, дверь мне открывает Женя.

Я с порога смотрю на нее и улыбаюсь.

— Ребята отпустили меня, — говорит Женя и тянет меня в дом, — они решили: раз для фронта, значит надо.

— Вот и хорошо, вот и прекрасно, чадо мое!

Тетя Валя молчит, тянет из кружки кипяток и искоса поглядывает на меня.

На другой день с утра я пойду за Сережей, а Женя разыщет Вадика. И будет дома Тамара.

Тамара Самсонова... Сережа Марков... Шурик Грачев... Вспомнил его фамилию — Грачев... Шурик Грачев... Вадик Ложбинский. Алла Петунина... Тамара. Тамару я уже называл. Эрна Тамм...

Я не сплю. Я провожу ночной смотр. Я подаю команду: по порядку номеров рассчитайсь!!. Товарищ полковой комиссар, вы не смотрите на их рост. Это прекрасные танцоры, они не подведут.

На Сережином доме был флюгер: железный флажок, на котором можно было разглядеть цифры 1837, означающие то ли год, когда построили дом, то ли год, когда соорудили флюгер. Год рождения флюгера, год смерти Пушкина!

Сережа очень гордился этим флюгером. Высокий малоразговорчивый мальчик, он не собирался связать свою жизнь с балетом. Его воображение волновала стратосфера, полеты в неведомое. Над его столом висела фотография стратостата, погибшего незадолго до войны. До сих пор я не понимал, что привело Сережу к нам в ансамбль.

Я легко отыскал дом с флюгером, но Сережи дома не оказалось. Тяжелая дубовая дверь времен Пушкина не открылась под натиском моих ударов. Зато из соседней двери выглянул старик с лицом, заросшим седой бородой, казалось, он надел на лицо серебряную маску.

— Вы, вероятно, к Сереже, товарищ военный?

— К Сереже.

— Он поехал за водой и, вероятно, задержится. Там очередь. Желаете подождать?

Ждать я не хотел. Кивнул старику в серебряной маске и поспешил вниз.

Я шел к Неве, и навстречу мне шли люди, которые на саночках везли воду.

Я не сразу узнал Сережу. Он был в шинели, которая была ему до пят. Наверное, отцовская. Сережа стоял на льду у проруби и литровой кружкой с длинной ручкой черпал воду из проруби и наливал ее в большой молочный бидон, который стоял на саночках.

За ним тянулась очередь.

А в это время посреди залива шел небольшой буксир и тянул за собой баржу с дровами. Залив был покрыт льдом, но прошел ледокол и освободил ото льда фарватер.

Вид этого бойкого буксирчика, его громкое, на весь невский простор, пыхтение, шлейф черного дыма завораживали людей, живущих в холоде и малоподвижности. Сережа черпал воду и любовался буксиром.

— Молодой человек, побыстрей!

И он снова черпал и наливал, черпал и наливал...

А потом повез свои саночки к берегу, оглядываясь на буксир.

И тут буксир загудел хрипло и радостно, изо всех своих слабых силенок, он посылал привет родному городу.

И на какое-то время стук метронома сменился стуком машины, которая работала, отбивала свой нетерпеливый ритм в чреве маленького, но бойкого пароходика.

— Сережа!

Мальчик оторвал взгляд от буксира и огляделся.

И вдруг увидел меня, узнал и, путаясь в своей не по росту длинной шинели, побежал.

Мы вдвоем впряглись в саночки, на которых стоял бидон с водой. Мы шли и я рассказывал Сереже о том, что собираю наших ребят, что мы поедем вместе на фронт и будем выступать перед бойцами. Я был уверен, что Сережа с радостью поедет с нами. Но он покачал головой:

— Не смогу я. Вот вожу воду больным и старым. Они не выживут без воды, — сказал Сережа.

— А другого человека нет?

Другого не было. Все ребята были очень слабыми...

В это время над городом завыли сирены. Голос диктора объявил об артналете. И сразу где-то неподалеку ухнул тяжелый взрыв. Видимо, немцы открыли огонь с Вороньей горы тяжелыми орудиями. Зазвенел пожарный колокол. Мимо нас промчалось несколько пожарных машин.

А мы шли и шли, тянули свои санки по той стороне, которая наименее опасна при артобстреле.

До Сережиного дома было еще довольно далеко.

Объявили тревогу. Отменили ее. А мы все продолжали шагать. Когда же свернули на Сережину улицу, то увидели, что Сережин дом окутан дымом. Точнее говоря, это уже были обгоревшие остатки знакомого дома. У дома хлопотали пожарные. Где-то наверху бушевало пламя, оно вздымалось к небу и касалось маленького железного флюгера, сооруженного в год смерти Пушкина.

Дом погиб, но не сдался.

Я посмотрел на Сережу. Он стоял неподвижно и смотрел на родной дом. В своей длиннополой шинели, в треухе, сдвинутом на затылок, он был похож на молоденького бойца. Но в уголках его синих глаз накапливались слезы, и губы его дрожали.

— Мама, — прошептал он, — мама.

— Где мама? — осторожно спросил я.

— На фронте, — был ответ.

Родной дом для Сережи был неразрывно связан с памятью о маме.

— Пойдем, — тихо предложил я. — Пойдем со мной. Выльем воду.

— Нет! Воду нельзя выливать, она всегда нужна.

Мы впряглись в саночки и двинулись дальше.

Потом сделали короткую остановку. Но эта остановка перевернула всю жизнь мальчика, сделала его взрослей и суровей.

Я вдруг подумал, что мог бы погибнуть под обломками Сережиного дома, если бы принял приглашение старика в серебряной маске седины и остался бы ждать Сережу.

Мы долго шли молча. Неожиданно Сережа сказал:

— До войны мне казалось, что надо жить для себя. Теперь я понял, что жить для других людей — главный смысл жизни. Ради кого я живу теперь?

— Ради солдат Ленфронта, ради победы над фашизмом!

*

Вечером мы пошли за Шуриком. В моем списке напротив фамилии Шурика Грачева стоял крестик. Значит, он есть, жив и, может быть, будет с нами.

Тамара, не отставая, шла рядом со мной. Ее маленькая головка была скрыта под большим платком, и я видел только нос, щеку и прядь волос, которая выбивалась наружу и тут же покрывалась инеем. Искоса поглядывая на девушку, я заметил, что лицо ее как бы покрылось окалиной, а возле рта появились две складки.

Неожиданно я поймал себя на том, что нынешняя Тамара, осунувшаяся, со складками у рта, бесконечно дорога мне... может быть, даже дороже прежней, довоенной. Странное беспокойство овладело мной. Что случилось с ней? Что случилось со мной? Тамара шла рядом, и это была радость. Невнятная, неосознанная радость.

Шурика не оказалось дома. Уже три недели он был в больнице. Упадок сил, страшная слабость, дистрофия...

В темной прихожей нас встретила бабушка. При свете коптилки я увидел, что вся прихожая

заставлена пустыми птичьими клетками, а на вешалке полно ребячьих пальто.

— Тут у меня собрались дети,— объяснила бабушка Шурика, перехватив мой взгляд,— из ваших питомцев здесь Алла Петунина. Они танцуют, играют.

Танцуют, играют... Я внимательно посмотрел на старую женщину. Но тут в разговор вмешалась Тамара:

— Самое страшное не голод, а неподвижность. Пошли посмотрим, что там делают ребята.

...Я вышел в прихожую. Тамара пошла за мной. В темноте вспыхнул слабый блуждающий огонек. Появилась бабушка Шурика. Ее лицо, освещенное слабым языком пламени, было озабоченно, усталые глаза смотрели грустно и удивленно.

— Как жаль, что вы уходите.

— Простите, пожалуйста, простите,— пробормотал я, натягивая шинель.— Я не привык... Не выдержал... Передайте Шурику привет. Пусть поскорее выздоравливает. Мы будем ждать его. Пусть справляется обо мне у тети Вали во Дворце пионеров.

— Я все передам ему,— отвечала бабушка.— Спасибо.

— Завтра после обеда мы едем... на фронт. До завтра, Тамара!

— Счастливо вам,— тихо произнесла старушка.

И я вышел на площадку.

Потом я шел по пустынному темному городу и как бы на ощупь находил дорогу.

Мне совсем трудно идти, не хватало воздуха. Ноги стали ватными, плечи опустились, в голове странный шум.

Сперва город был сумрачным, потом неожиданно стал черным. Я почувствовал, что теряю равновесие, что вот-вот упаду. Тогда я шагнул, вернее, меня шатнуло в сторону дома, я ухватился за водосточную трубу. Я прижался к ней. Я стоял, прижавшись к трубе, а все вокруг ходило ходуном. Перед глазами вертелись черные круги. Мне показалось, что сейчас труба, а вместе с ней и дом рухнут и раздавят меня. Я закрыл глаза...

Когда я очнулся, то оказалось, что я лежу на скамейке в теплом помещении и надо мной склонился капитан — комендант района. Я подумал, что это бред — неоткуда взяться капитану. Но тут он заговорил:

— Ну, Корбут, что же ты так? Приволок в город мешок жратвы, а сам от голода падаешь в обморок.

Я молча смотрел на капитана. Солдат подал мне кружку сладкого чая. Я сделал несколько глотков и хотел подняться.

— Лежи, лежи...— Капитан снова уложил меня.— Собрал артистов?

— Собрал,— глухо ответил я.— Как я попал сюда?

Солдат, который подал чай, сунул мне в руку черный сухарь.

— Хороших артистов собрал?— Капитан проявлял ко мне интерес. И все расспрашивал, расспрашивал.

— Мои артисты — дети, подростки,— сказал я.— До войны они танцевали в ансамбле песни и пляски Дворца пионеров. Ансамблем руководил Дунаевский. Я там был балетмейстером...

И чтобы подтвердить свои слова, я полез в карман и достал список своих ребят.

— Крестиками отмечены те, кто жив,— сказал я, протягивая список капитану.

Комендант внимательно рассматривал список.

— Мало крестиков,— наконец произнес он,— очень мало.

Он вернул мне список и стал ходить по комнате.

— Черт знает что!— бормотал он себе под нос.— Балетмейстер!

*

Домой я вернулся утром. На пороге столкнулся с тетей Валей: она шла на дежурство в госпиталь.

— Тебя опять арестовали? — настороженно спросила тетя Валя, глядя на вооруженного солдата, которому капитан приказал проводить меня до дома.

— Это мой товарищ,— соврал я.— Встретились на Невском. Поболтали. Тамара не приходила?

— Ты лучше расскажи, где был ночью,— строго спросила тетя Валя.— Мы тут все переволновались. Как же, ушел человек и не вернулся...

— Вернулся!— весело сказал я.— Все в порядке. Будем собираться в дорогу. Я пойду отберу костюмы.

— Костюмы все целы. Ключ от костюмерной на месте. Семнадцатая комната,— сказала тетя Валя. Она была строга и сдержанна, но мне показалось, что гардеробщица довольна. И тем, что я свалился на ее голову, и тем, что собрал ребят,— спаси ребят, Борис!— и тем, что жизнь маленьких танцоров начинает входить в привычное русло: потребовались костюмы.

Я медленно шел между длинными вешалками, на которых в строгом порядке были развешаны костюмы нашего ансамбля. И мне казалось, что я слышу знакомые мелодии.

— Гопак,— отмечал я про себя.

— Матросский танец.

— Яблочко... Испанский танец...

Тут я не выдержал и надел на голову широкополую шляпу с невысокой тульей. Надел, и мне послышались щелчки кастаньет. Я оглянулся — в дверях стояла Тамара.

— Пришла?

— Явилась по вашему приказанию!— Девочка тихо засмеялась.

Двинулось мое войско.
Мы пошли по ледяным сугробам
Невского проспекта.

И я заметил, что когда она смеется, складки на щеках пропадают.

Мы ходили с Тамарой по рядам вешалок, словно совершали путешествие в свое далекое-близкое прошлое.

И я сразу вспомнил «Тачанку», вспомнил во всех подробностях.

И заговорил, как на репетиции, горячо, рассекая воздух кулаком, глухо притопывая валенком:

— Вот тачанка вырывается из-за кулис на необозримый простор сцены. Давай! Давай! Пулеметная тачанка — все четыре колеса. Есть ребячьи ноги, тоненькие, но крепкие, проворные.

Гей! Гей! Возница натянул вожжи, а сам движется вприсядку, словно сидит на облучке. Пулеметчик — саблю под мышку — припал к пулемету: та-та-та! Боевой разворот. Кони метнулись в сторону, поднялись на дыбы! И снова очередь, похожая на звук трубы, вернее, звук трубы, похожий на очередь.

— Раз-два-три! Раз-два-три! Легче, легче! Раз-два... Руки, ноги, плечи... Из них создается стремительная тачанка.

И вдруг слышу аплодисменты.

В открытых дверях стоят ребята: худые, осунувшиеся, большеглазые, одетые кто во что.

— Помните? — Я киваю ребятам.

Ребята улыбаются: как не помнить!

И тогда я спрашиваю с опаской:

— А сможете?..

И вот мое войско стоит в строю. На снегу перед художественным корпусом.

Сережа Марков в отцовской шинели до земли и в рыжем треухе, который налезает ему на глаза и совсем скрывает брови.

Вадик Ложбинский поверх старого лыжного костюма напялил пальто, а на голове у него спортивная шапочка с помпоном. Руки он — это в строю-то! — держит в карманах, мерзнут у него руки.

Тамара Самсонова в огромном платке. Под платком пальто, на ногах ботинки.

Женя Сластная в шубке из козьего меха и в шапке-эскимоске с длинными ушами, заменяющими шарф.

Алла Петунина в пальто с меховым воротником и в меховой шапочке, а под шапочкой у нее шерстяной платок.

Я провожу смотр своему войску. Я гашу в себе чувство нежности и напускаю на себя суровость.

Командую:

— Равняйсь! Смирно!

Я говорю:

— С этого момента вы не просто ребята — вы бойцы Ленфронта.

Я командую:

— По порядку номеров рассчитайсь!

— Первый... второй... третий... четвертый... пятый...

Как будто с поля боя вернулись, думаю я. Было тридцать человек, осталось пять. Был взвод, осталось одно отделение.

— Вопросы есть? — спрашиваю сурово я.

Сережа, как в школе, поднимает руку:

— Нам дадут автоматы?

— У вас на фронте будут другие дела, — отвечаю, — главное, чтобы хватило сил танцевать.

Войско построено. Костюмы в рюкзаках. Рюкзаки погружены на Сережины водовозные сани.

Тетя Валя стоит на крыльце, как принимающий парад.

— Сейчас мы идем на Московский вокзал. Не забывайте о военной дисциплине. Тетя Валя, до свиданья... спасибо!..

Тетя Валя прячет лицо:

— Храни вас господь...

— На-пра-во! — скрипнул снег. — Ша-гом марш!

Двинулось мое войско. Не заиграл оркестр. Только метрономом — сердце города — отсчитывал шаг ребятишек. Раз-два, левой! Раз-два...

Мы идем по ледяным сугробам Невского. И вдруг Алла Петунина оглянулась.

— По-моему, нас кто-то догоняет.

Ребята остановились.

— Что случилось? — спросил я.

И тут до моего слуха донеслось:

— Ре-бя...

— Это Шурик! — крикнул Сережа и побежал назад.

Увидев меня, Шурик виновато улыбнулся:

— Ходить надо уметь, ходить надо любить, — пробормотал он.

— Правильно, — поддержал его Сережа и стал раздавать ребятам рюкзаки с костюмами, чтобы высвободить сани.

Шурика, «умевшего ходить», посадили на сани и повезли. А он все говорил, говорил:

— Ребя... я с вами... Я сбежал из стационара. Меня бы все равно через неделю выписали... Можно с вами, Борис Владимирович?

— Можно, — говорю я, хочу говорить строго, а сам улыбаюсь. — Ты уже с нами.

— Бабушка мне все рассказала... сегодня утром... И мы с ней решили.

— Ты наш лучший танцор, — неожиданно сказала Женя. — Мы без тебя не можем!

Лицо Шурика, бледное, осунувшееся от истощения лицо, посветлело:

— Ребя, верно! Верно, я хорошо танцевал?

— Ты тянул всю «Тачанку», — вдруг сказала Тамара. — Ты нам поможешь?

— Помогу, — неуверенно ответил Шурик и замолчал.

Его стало клонить ко сну.

И снова тихо. Скрип саней. До Московского вокзала недалеко. Улица Марата, следующая —

Пушкинская. Это до войны было недалеко, а сейчас...

Впереди показалась башня Московского вокзала.

Маленький паровозик с одним-единственным вагоном стоял под парами, ожидая часа отправления. Ждали, когда стемнеет и фашистские самолеты и артиллерия не смогут помешать паровозику двинуться к станции назначения, к фронту.

Прежде чем сесть в вагон, мои ребята обступили паровоз.

Наконец вагон вздрогнул, качнулся и вдруг поплыл, поплыл навстречу быстро наступающей мгле. Потом резко стемнело, и вагон как бы оторвался от земли и полетел в неведомую даль. И только стук колес на стыках напоминал, что под нами земля, вернее, сталь.

— Борис, мне страшно, — вдруг сказала Тамара.

— Ничего, все будет хорошо, — успокоил я девушку. И вдруг сам забеспокоился: меня послали за артистами, а я везу ребятишек, которые еле держатся на ногах. Выходит, я не выполнил приказа полкового комиссара?

Политотдел армии помещался в двухэтажном кирпичном здании пригородной школы на берегу Невы. Кирпичи побелили известкой, и казалось, будто здание запорошено снегом. На окнах огромными знаками умножения — крест-накрест — бумажные полосы. Но ни побелка, ни бумажные кресты не могли уберечь бывшую школу от фашистских снарядов. И правый флигель был разбит, исковеркан, покрыт ядовитой черной копотью. Середина здания и левый флигель уцелели.

Был уже поздний вечер, когда мы с моими ребятами прибыли к месту назначения.

— Это фронт? Это уже фронт? — спрашивал Шурик.

— Фронт.

Ребята разочарованно переглянулись. У них не было конкретного представления о фронте.

Мимо нас прошел караул. На часовых были длинные, до пят тулупы. Они появились из темноты, как призраки, и исчезли. Снег похрустывал под их тяжелыми валенками.

Часовой преградил нам путь.

— Это артисты, — сказал я часовому, — прибыли по распоряжению полкового комиссара.

— Сейчас вызову дежурного.

Издалека послышалось глухое уханье орудий, край неба опалил красный всполох. Где-то на переднем крае заговорили орудия.

Появился дежурный — высокий политрук с серым, усталым лицом.

— Прибыли артисты, — доложил часовой.

— По приказу полкового комиссара, — пояснил я.

— Странные артисты, — сказал дежурный, но пропустил нас.

Первую ночь мы провели в физкультурном зале — на жестких пыльных матах. Как легли, так сразу и уснули от усталости, от впечатлений, от слабости.

Я понимал, что сейчас главная моя задача подкормить моих ребят, дать им отдышаться, хоть немного набраться сил. И вместе с тем я решил с первого же дня начать занятия у станка. Двигаться, двигаться, двигаться.

Питание, зарядка, экзерсис. Экзерсис — наша боевая подготовка. Пробуждайся, «Тачанка»!

Утром к нам в физкультурный зал пришел пожилой человек в гимнастерке без петлиц и в гражданском треухе.

— Здравствуйте. Буду играть у вас на баяне.

— Здравствуйте, как вас зовут?

— Павел Филиппович Белов. Но вы зовите меня дядей Пашей. Я ведь человек не военный.

Он поставил на пол ящик и вынул оттуда инструмент. Критически осмотрел его. Взял несколько аккордов.

— Замерз баян, — сказал и, сев на ящик, заиграл.

Вечером меня вызвал подполковник Скоба, заместитель начальника политотдела армии.

— Ну, артист, явился?

— Явился.

— Выполнил приказ полкового комиссара?

— Выполнил.

Он задавал мне вопросы и так недобро смотрел на меня, словно ожидал от меня совсем иных ответов: не явился, не выполнил.

— Построй-ка свою команду, — сухо распорядился он. — Посмотрю, кого ты там привез.

— Они же не военные, — возразил я, но Скоба резко оборвал меня:

— Здесь все военные! Иди.

Я направился к двери.

— Вернись! Как положено отходить красноармейцу от начальника?!

Кровь ударила мне в лицо. И вдруг я почувствовал, что теперь я не один, у меня ребята и я — их командир и самый близкий им человек здесь.

Я выпрямился. Приложил руку к головному убору.

— Разрешите идти?

— Идите!

Как положено, повернулся через левое плечо, глухо стукнул валенком об пол и ушел. Я сказал своим ребятам:

— Вид у вас, конечно, не как у военных. Подтянитесь, застегнитесь на все пуговицы. Расправьте плечи и выше головы. Сейчас придет подполковник Скоба.

Но подполковник Скоба так и не пришел.

*

Ранним мартовским утром батальон отходил на отдых.

Брезжил рассвет, поднимался туман. Вокруг все казалось серым: и небо, и снег, и идущий батальон.

Идущие вдали солдаты как бы сливались в одну большую точку, и, казалось, по земле стелется тяжелая, серая туча. И был слышен частый, приглушенный снегом шум шагов. Батальон спешил: надо было до наступления дня пройти наиболее опасный участок, а этот участок был настолько велик, что его нельзя было даже назвать «участком».

Поражала общая напряженность — лица солдат были усталые, серые.

— Шире шаг!.. Шире шаг!.. — простуженным голосом командовали командиры. — Подтянись!

А в это время в физкультурном зале я занимался со своими ребятами экзерсисом. Станок заменила шведская стенка, а с ролью концертмейстера успешно справлялся дядя Паша: экзерсис мы делали под полечку. Я скинул валенки и в шерстяных носках показывал ребятам старые упражнения. И ребята старались, старались.

Они делали упражнения медленно, устало. Порой задыхаясь, порой останавливаясь от бессилия.

— Ногу, тяни ногу, Вадик! — командовал я. — Раз, два, три! Раз, два, три! Глубже приседайте... Алла, корпус! Выше поднимайте ногу!.. Отдохните! Восстановите дыхание! Шурик, можешь посидеть!

Неожиданно дверь открылась, и на пороге показался подполковник Скоба. Некоторое время он с любопытством разглядывал моих ребятишек, а я думал, что он сейчас уйдет, тихо прикроет дверь и уйдет.

Но произошло нечто совсем иное. Светлые глаза подполковника потемнели, и он ледяным голосом спросил:

— Это что?

Я не сразу сообразил, о чем он, и промолчал.

— Кого ты привез? — У подполковника дергался глаз.

— Артистов балета, — ответил я.

— Артистов! Где здесь артисты? Здесь детский сад!

И тут Тамара, сняв с головы платок, твердо сказала:

— Мы артисты, мы будем танцевать.

— Молчи! — сказал я Тамаре. — Здесь я командир и за все отвечаю.

— И ответишь! — нервно заговорил подполковник. — В штрафную роту пойдешь... за невыполнение приказа!

— Если заслужил — пойду! — сказал я.

Подполковник прошелся вдоль шведской стенки, заложив руки за спину. Потом остановился передо мной.

— Вот что, Корбут, вернется полковой комиссар, решит, что с тобой делать. А сейчас — шагом марш на гауптвахту!

Я посмотрел на своих ребят. Они замерли, вопросительно глядя на меня. Они думали, что теряют меня, остаются одни в этом суровом мире. И тогда, сдерживая волнение, я сказал деланно спокойно:

— Вадик, продолжи экзерсис!

И пошел к двери.

Подполковник зашагал за мной.

Я сижу на гауптвахте — арестован подполковником Скобой до приезда полкового комиссара. Я не выполнил приказ командования: вместо настоящих артистов привез на фронт слабеньких ребятишек. Забыл, что здесь фронт. Танковые прорывы, минометный огонь, бомбежка и обстрел с бреющего полета. Четыре стены. Цементный пол. Топчан и шинель. Окно забито досками, только сверху оставлена полоска — арестантский паек неба. А когда ночь, наверное, и этой полоски нет. Тьма и одиночество.

Что будет со мной? Будет судить трибунал? Отправят в штрафбат или вернут на батарею? Меня почему-то моя судьба не очень заботит. Полное равнодушие к себе. Может быть, я, как сломленный блокадой, менее дорожу жизнью?

Мои ребята. Как они сейчас? С каким трудом я вырвал их из блокадного города! «Борис,

Тамара развела руки
и притопнула каблучком.

спаси ребят», — приказала мне тетя Валя. Что будет с ними? Что с ними сейчас? Сию минуту. Они не приспособлены к военной жизни, к ее суровости. Может быть, их забудут накормить завтраком? Они же не стоят на армейском довольствии.

Зачем полковой комиссар приехал к нам на дамбу?

Разыскал меня среди тысяч других бойцов...

Мне захотелось на батарею, на открытую всем ветрам и всем вражеским снарядам дамбу, к моему орудию, в землянку, к ребятам. Так захотелось, словно в целом свете не было у меня роднее места.

И вдруг стук в окно, в узкую голубую полоску:

— Борис!

Вскакиваю на топчан. Прижимаюсь к стеклу лбом. Вижу Тамару. Ее глаза, большие, серые, тревожные.

— Тамара! Чадо мое, как ты попала сюда?

— Тише!

Ну, да, конечно, надо тише. Рядом караульное помещение.

— Как вы там? — спрашиваю.

— Нормально. С плацдарма на отдых приходит батальон. Понимаете?

— Ничего не понимаю.

— Мы дадим для них концерт...

— Вы с ума сошли!

— Мы ему покажем детский сад... Скобе.

— Тамара! Вы не сможете... вам надо набраться сил...

И тут Тамара исчезла так же неожиданно, как появилась. Я поднялся на носки, чтобы увидеть ее, но увидел лишь снег, увидел дорогу, которая выделялась черной полосой со следами пожаров. Но это начиналась весна, фронтовая весна, и снег утратил свою ледяную прочность не только от потепления, но и от колес, гусениц, солдатских сапог.

Я увидел дорогу и солдат, движущихся по ней серой шинельной тучей. Я услышал слившийся в единый хруст их шагов. Увидел их лица. Батальон подходил к политотделу.

Потом я уже не видел, как они остановились, как стали вливаться в узкие двери. Я слышал только команды:

— Батальон... стой! Справа по одному заходи...

Солдаты разделись, повесили шинели на школьной вешалке. Кто-то сунул в карман номерок, так, ради шутки. Оружие поставили к стенке. Потом прошли в столовую, расселись за столами, приготовили котелки, достали из-за голенища ложки.

И когда от полных котелков пошел пар и весело застучали ложки, в солдатскую столовую ворвалась «Тачанка». Ребята появились под музыку, в гимнастерках с красными полосами на груди, в суконных буденовках с малиновыми звездами. Эх, тачанка-ростовчанка! Что же ты, тачанка, так медленно берешь разгон? То ли повозка стала тяжелой, то ли кони давно не отдыхали? Молчит пулемет.

Дядя Паша сел с краю, прижался щекой к баяну, тонкими сухонькими пальцами пробегает по костяшкам клавиш. Хочет помочь тачанке музыкой. Кони движутся медленно, словно возвращаются из боя усталые, тяжело дыша, опустив головы.

В столовой не было сцены, и ребята танцевали в проходе между столами.

А бойцы ели кашу. Ели и смотрели на танцоров.

Но вот артисты понемногу разыгрались. Кони задвигались быстрее. Возница замахнулся кнутом. Пулеметчик заработал — молодец, Тамара! — «застрочил из пулемета пулеметчик молодой».

Танцуют, танцуют, помнят каждое движение. Им тяжело, а они танцуют.

Уже часть бойцов перестала есть, оторвались от котелков, часть ела, поглядывая на танцоров.

Тогда-то и приехал полковой комиссар. Вошел в здание политотдела, услышал звуки баяна. Тут же спросил:

— Что за музыка?

— Сейчас все выясню, товарищ полковой комиссар, — ответил подполковник Скоба.

Но полковой комиссар не стал ждать, а сам пошел туда, откуда доносилась музыка, и очутился в столовой.

Он увидел бойцов, на миг забывших о каше, увидел их спины в телогрейках, стриженые головы, а впереди за массой этих застывших солдат — артистов в гимнастерках с алыми нашивками на груди, в островерхих суконных шлемах-буденовках.

Вначале ребята только обозначали движения, а теперь разогрелись, стали танцевать темпераментней. Вырвалась тачанка на необозримый простор. И всем сидящим в столовой показалось, что они тоже мчатся следом за тачанкой. Давай, давай! Пулеметная тачанка, все четыре колеса! Нет никаких колес — есть ребячьи ноги, тоненькие, но крепкие. Они и колеса, они и подковы. Четыре коня вразлет. Гей, гей! Возница натянул вожжи. Пулеметчик — саблю под мышку — и припал к невидимому пулемету. Жмет на гашетку. И все видят, как пулемет трясется, дымится, а ветер срывает огненный язычок с дульного среза. Боевой разворот. Кони взметнулись на дыбы. И снова автоматная очередь, похожая на отрывистый звук трубы.

Где командир? Кто подает тачанке неслышные команды? Погоняй, погоняй! А командир на гауптвахте, посажен туда по приказу подполковника Скобы. Но они, мои ребятки, все помнят. Они танцуют, и я перед их глазами. Раз-два! Быстрее! Легче, легче! А теперь...

Полковой комиссар стоит в дверях и внимательно смотрит.

«Тачанка» пытается двигаться быстрее. Вот упал Шурик. Вышел на присядку — встать

не может. А сидящие в зале думают, что так и надо — ранило бойца.

— Помогите встать Шурику, — шепчет Тамара.

И двое ребят поднимают его. И тогда он продолжает.

А зрители забыли про кашу. Глаза оживились. Лица стали оттаивать.

И неожиданно в зале кто-то из бойцов закашлял и тонким голосом запел:

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса...

Еще несколько голосов подхватило:

Пулеметная тачанка,
Все четыре колеса!

И вот уже весь зал поет. Отвыкли петь. А тут вдруг запели: ожила в людях забытая песня. Полковой комиссар тоже начинает петь.

И вдруг дверь распахнулась — на пороге подполковник Скоба.

— Скорее... Вставай... К полковому комиссару.

Он берет меня за руку и тащит за собой. Я оставляю шинель и, как есть, без ремня, бегу за ним. Я слышу шум. Это солдаты стучат ложками по котелкам — ничего не понимаю.

А зал гремит, зал кричит:

— Браво! Еще!

Не зал, а столовая.

Ребята еле дышат, устали, не могут больше танцевать.

Дядя Паша уже выводил проигрыш цыганского танца.

И «на сцену» вышла Тамара.

Все произошло так быстро, и я сообразить не успел, что она задумала. А Тамара развела руки и притопнула каблучком. Она шла между столами, и плечи, ее худенькие плечи, расправлены, головка с пепельными, коротко подстри-

А подполковник Скоба нервничает, не понимая, что происходит, он смотрит на полкового комиссара и... неожиданно для себя тоже начинает петь.

Пар уже не идет из котелков — каша остыла, недоеденная каша.

А у моих ребятишек силы сдают, танец затухает, баян смолкает, Шурик падает на руки Сереже. Столовая заполняется радостным грохотом: бойцы не просто хлопают, а стучат ложками по котелкам. Так музыканты, выражая восторг дирижеру, стучат смычками по пюпитрам.

И тут начальник политотдела спрашивает Скобу:

— Где балетмейстер?

Тот в растерянности не знает, что ответить. Левый глаз у него начинает дергаться.

— Есть... сейчас будет... — говорит он невнятно и исчезает.

Я лежал на топчане, закрывшись с головой шинелью.

женными волосами гордо вскинута. На ней были гимнастерка, солдатские сапоги, суконный буденновский шлем с малиновой звездой. Нет, на сцене появилась не цыганка, а молоденький боец-буденновец, после боя решивший станцевать для товарищей «цыганочку». Большеглазый, с ввалившимися щеками. Раз рукой по каблучку, два... «Дядя Паша, почаще!»

Я слышу это «почаще» и показываю дяде Паше кулак. Но он не видит меня. Прижался щекой к баяну и смотрит одним глазом, зорким, внимательным, на который налезает густая рыжая бровь.

В стороне еще никак не может отдышаться разбитая тачанка. Шурик сидит на скамейке. Уронил голову. Руки повисли вдоль тела. И, несмотря на то, что тачанку перевернуло взрывом, пулеметчик-Тамара жива. Танцует, значит, и тачанка жива.

Я смотрю то на Тамару, то на полкового комиссара. Тамара держится. Полковой комиссар не бушует, неотрывно смотрит на танцующую девушку. Красноармейцы сидят вокруг. Притихли, покоренные ее искусством.

Но я-то знаю, что под гимнастеркой Тамары-пулеметчицы — кожа да косточки, лопатки остро выступают. Только бы Тамара не упала! Только бы... Эй, дядя Паша, кончай свою музыку! Если она упадет, то уж больше не поднимется. Но я не смею крикнуть: «Хватит!», не смею скомандовать: «Отставить!»

Я закрыл глаза, а открыл их только, когда в зале снова зазвучали аплодисменты. Тамара стояла на месте, не в силах сделать и шага. Может быть, даже не слышала, как хлопают бойцы ложками по котелкам.

Тамара держится рукой за стенку и бледными губами шепчет:

— Помогите мне... дойти.

И тогда полковой комиссар вышел на середину столовой и громко объявил:

— Концерт отменяется. Артистов — в госпиталь. Балетмейстеру — благодарность.

Бойцы дружно захлопали, загрохотали ложками по котелкам.

— А теперь расскажите, за что вы попали на губу? — спросил меня полковой комиссар, когда мы остались вдвоем.

Я пожал плечами:

— Подполковник Скоба не мог себе представить, на что способны мои ребята.

— Считаете, что и я не мог себе этого представить? — вдруг спросил полковой комиссар. — Как это вы додумались привезти на фронт детишек? Кто вам дал право рисковать их жизнью?

Я молча смотрел в глаза комиссара и терпеливо ждал, когда он скажет все. Будь я на его месте, я должен был бы сказать то же самое. Когда же полковой комиссар умолк, заговорил я:

— Вы считаете, что в городе, окруженном врагами, дети подвергаются меньшей опасности? Или там не рвутся бомбы и снаряды?

— Ну, Корбут! Ну, балетмейстер! — воскликнул полковой комиссар и заходил по кабинету.

Я почувствовал, что теперь он уже говорил не со мной, а как бы с самим собой, потому что, видимо, привык, прежде чем принимать решение, хорошо обдумывать его.

— Ну, Корбут! Ну, учитель танцев!

Он весь был в напряжении.

— А танцоры они действительно прекрасные... Когда они танцевали, у меня сердце обливалось кровью. Кто это додумался выпустить их?

— Они сами, — ответил я. — Хотели выручить меня.

— И выручили.

Полковой комиссар улыбнулся. И тут я понял, что он одобрил мои действия. Значит, приказ я выполнил.

Через некоторое время мне присвоили звание лейтенанта. А полковой комиссар стал называть меня «киндер-лейтенантом».

КОНЕЦ

САМИ О СЕБЕ

Упражнение МП-5

За свои четырнадцать лет чем я только не занималась: балетом, фигурным катанием, лыжами, плаванием... Даже в цирковой кружок ходила. Похожу год и бросаю. Очень уж я была непостоянная.

Иначе получилось со стрельбой. Попала я в кружок из любопытства. У моей мамы на работе группа женщин решила заняться стрельбой из пистолета. Сначала я иронически отнеслась к этой затее. А потом захотела посмотреть. Мама меня отговаривала. У меня ведь две маленькие сестренки, и если мы обе будем на занятиях, кто же за ними присмотрит? Так мне и не удалось заниматься вместе с мамой. Но вскоре я все же поехала в тир.

И начались тренировки. На первых порах я ничего не успевала. Ребята все старше меня года на два, на три. Думала, ничего у меня не получится.

Помню, как делала свои первые выстрелы. Стрельнула два раза по цели, и со всеми ребятами пошли мы смотреть мишень. Ни одного попадания нет. Сейчас, думаю, мальчишки смеяться будут. Ведь я единственная девчонка в группе пистолетчиков. Но они, наоборот, подбодрили меня.

Прошли первые месяцы. Я привыкла к режиму. Теперь каждое утро я делала зарядку. Мысленно размечала день, чтобы все успеть. С тех пор, как я начала заниматься стрельбой, я стала собраннее, спокойнее.

Тренировки у нас четыре раза в неделю. Кроме этого, по воскресеньям мы плаваем в бассейне, а зимой ходим на лыжах. Стрелку нужна хорошая общая физическая подготовка. Стрелок должен очень много работать. Если не будешь настойчив, не будешь разбирать каждый свой промах, каждый выстрел, то вряд ли добьешься хороших результатов.

Мое самое любимое упражнение МП-5: стрельба по круглой мишени и по силуэту. Стрельба по силуэту требует большой внимательности и умения. Силуэт разворачивается в три секунды. За это время надо успеть поднять руку, выровнять мушку и плавно (обязательно плавно!) нажать на курок. Вообще стрельба очень увлекательный вид спорта.

В декабре у нас были соревнования. Я сдала на второй взрослый разряд. Ура!

Светлана Грекова.
г. Ангарск.

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Василий Иванович Казаков, Маршал артиллерии, Герой Советского Союза, и ребята, участники первого финала игры «Зарница», перед началом «боевых действий».

«ЗАРНИЦА»

Солнце только-только успело высушить росу на траве, как к Сапун-горе под Севастополем стали стягиваться пионерские батальоны. Они занимали исходные рубежи, чтобы по сигналу ракеты пойти на штурм Сапун-горы. Той самой горы, которую брали в грозные дни войны солдаты и матросы, освобождая от фашистских захватчиков город-герой Севастополь.

На командном пункте с биноклем в руках стоял прославленный Маршал артиллерии Герой Советского Союза Василий Иванович Казаков. О чем он думал в те минуты? Об артподготовке под Сталинградом? О встречах с солдатами под Берлином? О параде Победы? А может быть, перед ним прошла, как в кинохронике, долгая и тяжелая военная дорога длиною в четыре военных года?

Он хорошо знал, как порой из-за неопытности, небрежности и неосторожности гибли бойцы. Вот почему маршал пионерского войска, первый командующий «Зарницей» был всегда требователен и строг. Беседуя с участниками игры, он любил повторять суворовский наказ: «Трудно в учении, легко в бою».

По сигналу В. И. Казакова взвилась в крымское небо зеленая ракета. Пионерские цепи пошли на штурм Сапун-горы.

Так одиннадцать лет назад начался первый финал пионерской игры «Зарница». Ребята, участники этого финала, давно отслужили в армии. И сегодняшние молодые бойцы, когда командиры спрашивают, кто научил их так ловко и быстро разбирать и собирать автомат Калашникова, ориентироваться на местности, метко стрелять, выпускать «Боевой листок», отвечают: «Зарница»!

«ЗАРНИЦА» — Всесоюзная пионерская игра. В ней сегодня участвует целое войско — **16,5 миллиона пионеров и школьников.** Она учит ребят смелости, мужеству, стойкости, умению преодолевать трудности. Она учит любить Родину, помогает узнать историю нашей армии и флота, овладеть армейскими специальностями. И, конечно, учит хорошо маршировать, звонко петь песни, крепко дружить с ракетчиками и танкистами, летчиками и моряками, ветеранами ратного подвига.

В школах, где любят «Зарницу», формируются юнармейские батальоны. Батальоном командует командир. У него есть заместитель по политической части. У батальона — свой штаб из семи-девяти наиболее опытных юнармейцев, авторитетных среди ребят.

Всех активистов «Зарницы» выбирают на общем собрании батальона, состоящего из отрядов юнармейцев.

Во главе отрядов — командир и его заместитель. В отряде назначаются разведчики, связисты, стрелки, санитары, редактор «Боевого листка», боевой расчет пожарных, пост инспекторов движения. Как видишь, и для мальчиков и для девочек найдется дело по душе в этой увлекательной игре.

Играть в «Зарницу» пионерам помогают взрослые: учителя физкультуры, воины подшефной воинской части, ветераны войны, родители, спортсмены. Обязательно обращайтесь к ним, и они подскажут, как лучше организовать и провести игру на местности.

Во главе «Зарницы» стоит **Всесоюзный штаб,** который издает приказы. Ты их можешь прочесть в «Пионерской правде». Приказ есть приказ, выполнять его обязаны все «зарничники».

Лучшие отряды участвуют в районных, городских, областных и республиканских финалах. Победители едут на Всесоюзный финал.

Победителей этого финала ждут награды: медали, значки, дипломы, специальные призы.

Боевой лозунг юнармейцев — **«Пятиконечная звезда и красный галстук рядом!»**

ШТАБ ПИОНЕРСКИХ АКТИВИСТОВ «ГОРН»

Сегодня вожатая Всероссийского пионерского лагеря «Орленок» ЕЛЕНА ТИТОВА и пионеры говорят о звене, о его жизни и заботах. Приглашаем тебя принять участие в этом разговоре.

Наше звено

Вожатая. «Горн» получил письмо от звеньевой Раи Гричанюк из города Благовещенска, Амурской области. Вот что она пишет:

«У нас с третьего класса звенья создаются по рядам. Я сижу во втором ряду, а моя подружка в первом. И нет интереса к работе. Потому что ты в одном звене, а твой закадычный друг в другом.

Я не знаю, с чего начать работу. Однажды я хотела оставить ребят на сбор, но они согласились остаться только «на пять минут».

Я знаю, что такие вопросы появляются у звеньевых нередко. Я попросила ребят одной из смен «Орленка» собраться вместе и ответить Рае и другим ребятам.

Как разделить отряд на звенья?

Илья Шевчик. Когда наш подшефный класс стал пионерским, нам пришлось думать, как разделить отряд на звенья. Мы сразу решили, что нельзя их составлять по рядам. В звене должны быть те ребята, которые дружат друг с другом. А еще надо, чтобы в звене были и мальчики и девочки.

Саша Пискунов. А мне кажется, что в звене должны быть ребята, которые живут рядом, недалеко друг от друга. Тогда звено может действовать не только в школе, но и на той улице, где ребята живут. Это касается особенно сельских ребят, которым не очень близко ходить в школу.

Таня Романова. Звено не должно быть большим. Подружиться легче, когда все делаешь вместе. Но и очень маленькое звено — плохо. У каждого будет слишком много работы.

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ЗВЕНЬЕВОГО

Положение о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина говорит о том, что в звене должно быть **ШЕСТЬ — ВОСЕМЬ** пионеров.

Как провести сбор звена?

Игорь Собенин. Начинает сбор звеньевой. Он говорит, о чем пойдет разговор на сборе. Но интересным сбор получится только тогда, когда у каждого из ребят есть о чем сказать, есть свое предложение.

Валера Лайняков. На сборе распределяют поручения, обсуждают, как шли дела в звене за последнюю неделю или две, вносят новые предложения в план работы, готовятся к сбору отряда. Может быть сбор, когда ребята собираются из-за чрезвычайного происшествия в звене: кто-то нарушил дисциплину, не выполнил поручения звена.

Сборы, мне кажется, не должны быть длинными. Не «пять минут», конечно, как пишет Рая Гричанюк, но и не больше получаса.

Вожатая. А сколько раз в месяц должно собираться звено? Одни ребята считают: «по необходимости», другие: раз в неделю, потому что на неделю легче составлять план работы. А я думаю, это зависит от того, как идет работа в звене. Если звено живет интересно, то и ребята любят собираться вместе, им есть что обсудить. Когда и где проходит сбор, решает все звено. Лучше, если день и время сбора будут постоянными.

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ЗВЕНЬЕВОГО

Сбор — это высший орган пионерского самоуправления. На сборе все звено вместе решает свои дела.

Какие поручения отряд дает звену?

Лиза Митюро. Я думаю, такие, которые ребята могут выполнять все вместе. Например, в первой четверти звено отвечает за спортивную жизнь отряда, во второй — проводит политинформации. В третьей четверти звено отвечает за то, чтобы ребята в отряде хорошо знали и соблюдали пионерские ритуалы — умели проводить линейки и сборы, горнить и барабанить.

Игорь Собенин. Может быть еще звено, которое организует на переменах игры, разучивает с отрядом новые песни. Может быть звено, которое ведет дневник отряда.

Вожатая. Срок для выполнения поручения должен быть такой, чтобы ребята успели хорошо справиться с делом, но он не должен быть слишком длинным — ребята могут «остыть», им надоест заниматься одним и тем же. Мне кажется, лучше назначать срок выполнения поручений — две недели. Но это решают сами ребята.

Выполнив поручение, звено обсуждает, что получилось хорошо, а что ему не удалось и почему не удалось.

Сережа Захаров. Мы в своем звене составили такой план на две недели марта.

ПЛАН РАБОТЫ ЗВЕНА

Что делаем ?	Кто ?	Когда, к какому сроку ?	Где делаем?
I. Подбираем материал для сбора отряда об истории Ленинского комсомола	Краснова, Кирелин, Захаров, Цветкова	к I4/Ш	в библиотеке
2. Проводим встречу с ветераном комсомола	все звено	к I7/Ш	в классе
3. Помогаем Чудину Толе исправить"двойку" по истории	Гончаров Саша	к I9/Ш	дома у Саши Гончарова
4. Готовимся к конкурсу отряда на лучший рисунок к XI фестивалю на Кубе	все звено	20/Ш	в классе

Лиза Митюро. Если звено дружное, ребята часто собираются вместе. Посмотреть телепередачу и обсудить ее, поговорить о коллекции, которую собирает кто-то из ребят, выполнить вместе сложное домашнее задание.

Илья Шевчик. Кого выбрать звеньевым? Ребятам, которые хорошо знают друг друга, не так трудно это решить. А вот надо ли переизбирать звеньевого время от времени? Конечно, если он работает давно, набрался опыта, то звено работает отлично. Но у нас в пионерской организации самоуправление. Это значит, что когда звеньевой научился руководить звеном, на отчетно-выборном сборе можно выбрать другого.

Дружное звено никогда не скучает: ребята вместе занимаются спортом...

Коля Гарулин. На сборе звена хорошо поговорить о том, как работал звеньевой, чтобы тот, кто его заменит, чему-то научился на его опыте. И новый звеньевой, если у него будут трудности, всегда может посоветоваться с советом отряда.

Таня Романова. Какие советы лично я дала бы звеньевому? Главное, найти каждому человеку в звене дело, которое ему интересно. Быть требовательным к себе, чтобы другие могли брать с тебя пример, и всегда быть внимательным к ребятам.

ОТ ШТАБА ПИОНЕРСКИХ АКТИВИСТОВ «ГОРН»

Ребята! А как работают ваши звенья? Что у вас не получается и почему? Какие интересные дела сплотили и сдружили ваше звено? «Горн» ждет от вас писем с рассказом о работе звена и вопросами.

...вместе собирают металлолом.

Фотографии В. ГУСЕВА

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

«Светлячки»

М. СЕРГЕЕВ

Есть у Гайдара рассказ «Пусть светит». «Пусть светит» — так называется и тимуровский клуб школы № 5 в Ростове-на-Дону. А ребят, которые в клубе работают, называют «светлячками».

История одной фотографии

«В 1935 году мы с Гайдаром были в Ростове-на-Дону. Как всегда, у него завязалась настоящая дружба с читателями. Эта дружба сохранилась и после отъезда Гайдара».

И. Халтурин

Несколько лет назад группа ростовских ребят приехала в Канев, в те места Украины, где погиб, спасая товарищей-партизан, Аркадий Петрович Гайдар. И там, в библиотеке-музее, они увидели большую фотографию. Под ней подпись: «А. П. Гайдар с ростовскими ребятами».

Ростовчане и раньше знали, что Аркадий Петрович дважды был в их городе, но этот снимок видели впервые. И захотелось им разыскать тех, кто рядом с Гайдаром на фотографии, услышать и записать рассказы о встрече.

Не один год длился поиск... И участников встречи тимуровцы разыскали уже немало. Записали их воспоминания. Особенно подружились с Марией Семеновной Жак. Это она сохранила письмо Гайдара к ростовским ребятам, сберегла его, когда Ростов-на-Дону был занят фашистами.

«Конечно, лучше, чтобы Алька остался жив, — писал Гайдар. — **Конечно, лучше, чтобы Чапаев остался жив. Конечно, неизмеримо лучше, если бы остались живы тысячи и десятки тысяч больших, маленьких, известных и безызвестных героев.**

Но этого в жизни не бывает...

Вам жалко Альку. Некоторые ребята в своем отзыве пишут мне, что им даже «очень жалко»... И все-таки это хорошо, что жалко. Это значит, что вы вместе со мной, а я вместе с вами будем еще крепче любить и Советскую страну, в которой жил Алька, и зарубежных товарищей...»

Тимуровский поисковый отряд обратился в областное Общество охраны памятников истории и культуры с просьбой: установить в Ростове-на-Дону мемориальную доску в память о пребывании здесь Гайдара. Для этого, кроме воспоминаний, потребовались документы.

Следопыты отправились в архивы и принесли в Общество охраны памятников статью из газеты «Большевистская смена» от 17 ноября 1934 года. В ней говорилось о том, что в Ростов-на-Дону для встреч и бесед с ребятами приехал писатель Аркадий Петрович Гайдар...

22 января 1974 года, в день, когда отмечалось 70-летие писателя, состоялся слет тимуровцев Ростова и области. Шел снег, вьюжило. На открытие мемориальной доски А. П. Гайдару к Дворцу пионеров пришли сотни тимуровцев.

Так начинался музей клуба «Пусть светит».

Хороших гайдаровских школьных музеев много. Этот, ростовский, особенный.

В нем есть главное, что отличает и книги Гайдара,— активное доброе действие, воинствующая доброта. А часто еще случается, что соберут ребята материал о жизни и творчестве Гайдара, создадут музей, и... все! Покажут экспонаты одному классу, другому, ну, пусть всей школе. Изредка подновят экспонаты — и снова бездействие.

«Светлячки», еще когда создавали свой музей, решили: быть тимуровцами — значит: знать жизнь и подвиг Гайдара, рассказывать о них — раз и помогать людям — два. Поэтому клуб проводит операцию «Горят тимуровские звезды».

Горят тимуровские звезды

«Дарить людям радость — это ведь тоже часть революционной работы».
С. С. Дзержинская.

Я спросил на почте: «Знаете вы «светлячков»?» Мне ответили: «Как не знать! Они

нам письма, телеграммы разносить помогают, корреспонденцию сортируют. Часто на станцию Ростов-сортировочная ходят — туда почта поступает целыми мешками. И там помогают тоже».

В детской библиотеке спросил: «Светлячков» знаете?» «Ну как же! — говорят.— Они у нас каждый день дежурят. Малышам помогают интересную книжку выбрать, библиотекарю — формуляр выписать. «Книжкину больницу» организовали. А к нерадивым читателям на дом ходят».

В детском саду «Тополек» полсотни малышей прокричали хором: «Знаем, знаем! «Светлячки» хорошие! Они нас научили в школу играть, а еще шить куклам платья и петь про улыбку!»

Аптекарь посмотрел на меня поверх очков и указал на коробочки с лекарственными растениями: «Молодой человек, люди, которые регулярно принимают отвар ромашки и березовых почек, каждый раз просят меня: поблагодарите от нашего имени этих маленьких... э-э-э... «светлячков». Заметьте, молодой человек, дети собирают травы бесплатно, но доброе дело, оно дорого стоит!»

Очень много забот у тимуровцев в микрорайоне школы. Дома в нем одноэтажные, небольшие, и хлопоты у жильцов почти те же, что и у сельских жителей. Кому воды натаскать, кому дрова или уголь в сарай перекидать, яблони окопать. Почти в каждом доме есть пожилые, одинокие люди, ветераны Великой Отечественной войны. Значит, надо в аптеку сходить, в магазин, прибрать в комнатах. «Подшефных» так много, что для того, чтобы никого не забыть, завели «светлячки» картотеку: на карточках писали фамилии, имя, отчество, адрес, в какой помощи нуждается человек.

А помощь нужна самая разная. У одного вдруг утюг сгорел. У другого распаялся чайник. У третьего не работает электрический звонок.

«Ну что ж! Утюг не телевизор,— рассудили ребята.— Если подучиться, то с утюгами управиться можно». И создали при клубе технический отдел. А консультантами стали учителя физики и труда.

Экзамен на прочность

— Олечка, сходила бы в магазин...
— Дедушка, ты же не с моей подшефной улицы!
(Из семейного разговора)

Читатель может заподозрить, что я придумал этот разговор. Но, уверяю вас, это чистая правда. Оля Горбатенко сама мне об этом рассказала.

— Ну, конечно, я сразу спохватилась, что глупость ляпнула,— говорила она, смеясь.— Потом, когда бежала в магазин, подумала: есть, наверное, такие горе-тимуровцы, которые так говорят: отстаньте, я тимуровец, у меня дел по горло! Вот и предложила ребятам провести операцию «Тимуровец у себя дома».

Создали «светлячки» оперативную группу. Задача у нее была, надо прямо сказать, деликатная. Ребята приходили к своему товарищу домой и родителей расспрашивали: помогает ли сын старшим да младшим — это не очень приятно. Товарища пришли проверять. Как им хотелось, чтобы все оказалось хорошо.

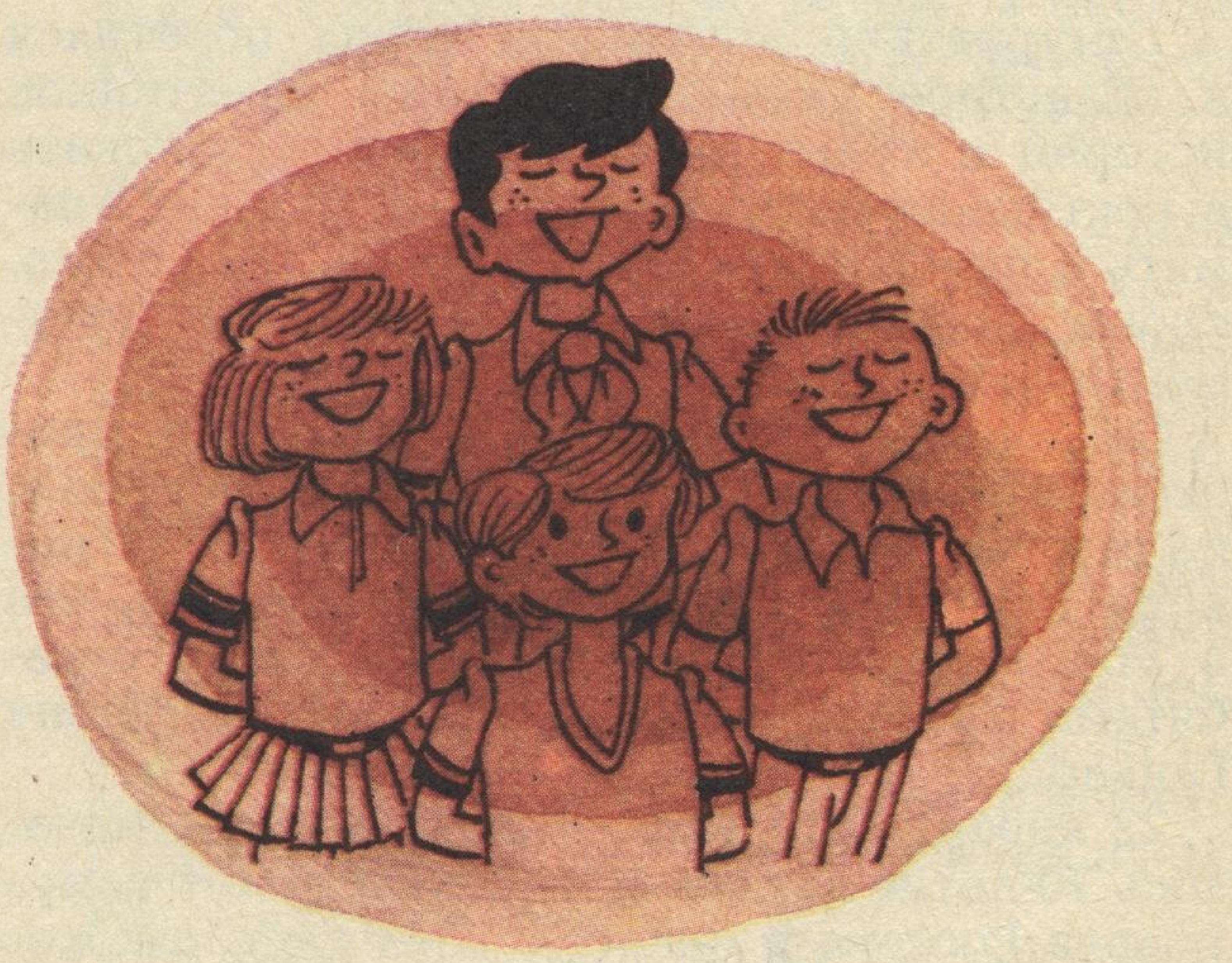
Но так было не всегда.

В одной семье мама рассказала, что стоит попросить сына посидеть с младшей сестренкой, как он шапку в охапку и на улицу. Кричит с порога: мол, есть дела поважнее!

А другой тимуровец узнал, что придут «светлячки». Его бабушка руками развела: «Что с внуком происходит? За два часа всю квартиру вымыл, а теперь пустые банки, что с осени на кухне пылились, собрал и побежал сдавать...»

После такой проверки «светлячкам» было о чем поразмышлять. Не может быть такого, чтобы тимуровец помогал чужим людям, а к своим близким оставался равнодушным, невнимательным. Что же, он только для «галочки» тимуровец?

Операция «Тимуровец у себя дома» помогла «светлячкам» взглянуть на себя со стороны и стать к себе более требовательными.



Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

Ким САРАНЧИН

ЛЫЖНЯ

РАССКАЗ

Рисунок В. КОСТИЦИНА

— Нельзя туда! Нельзя! — отчаянно закричал Ленька.

Учитель физкультуры повернул к нему удивленное лицо.

— Это почему же?

Ленька молчал. Молчали и пятиклассники. Петр Иванович пожал плечами и, легко опираясь на лыжные палки, начал подниматься по снежной целине на гору.

Ленька сердито смотрел вслед новому учителю. Сейчас все в Петре Ивановиче вызывало у Леньки раздражение: и его упругая походка и коренастая, квадратноплечая фигура. На крупной голове смешно и нелепо торчало изуродованное ухо. Вместо кисти левой руки у него — черный кожаный протез, но, несмотря на это, Петр Иванович ловко орудовал палками и продолжал быстро подниматься вверх, оставляя за собой глубокую ломаную лыжню. Хоть ему за пятьдесят, а ловок и вынослив.

Пятиклассники бросали на Леньку недовольные взгляды: впервые за много лет его святой запрет — не подниматься на Лесную гору — был нарушен. Товарищам даже было жаль Леньку: красный, со злыми глазами, он стоял, нахохлившись, крепко сжав узкими хваткими пальцами лыжные палки, и от досады кусал губы. Над верхней губой выступили капельки пота.

Петр Иванович уже взобрался на вершину горы, где густо стояли громадные деревья, покрытые белыми буханками снега. Он помахал ребятам здоровой рукой, потом чуть наклонил корпус и резко бросился вниз. Белая шишечка его спортивной шапочки затрепетала на ветру. Учитель быстро набирал скорость. И вдруг споткнулся обо что-то, лыжи приподняли его в воздух, и Петр Иванович скатился в глубокий рыхлый сугроб.

В груди Леньки что-то взорвалось. И, резко оттолкнувшись палками, он отъехал прочь. По щекам текли горячие слезы, и, чтобы их не видели товарищи, Ленька низко опустил голову.

Ленька с испугом подумал, как же он пойдет завтра на урок физкультуры. Вообще он считал, что физкультура — это предмет каждодневный, а у них она — только два раза в неделю: в понедельник и пятницу. Теперь, после случившегося три дня назад, Леньке не хотелось встречаться с Петром Ивановичем: уж слишком глубока была обида.

Ленька вытащил из ящика комода альбом с фотографиями, раскрыл его. Вот она, дедушкина фотография. На снимке был изображен тридцатилетний мужчина в широких лыжных брюках, шапке-ушанке, а через плечо висит полотенце с надписью: «Чемпион области». «Пастух, вот оттого и резвоногий», — говорила о нем бабушка. Его и дедушкой не назовешь — Ленькин отец и тот уже старше деда. Но более поздних снимков дедушки не сохранилось — этот сделан перед самой войной фотокорреспондентом для областной газеты.

— Баб, а баб! — окликнул Ленька. — Расскажи, как это было?

— Э-э, сколько раз можно об этом рассказывать! — Бабушка сидела за швейной машинкой и работала. — Фашисты тогда нашу деревню захватили. А со мной Федюшка, отец твой, только ему тогда было столько же лет, сколько тебе сейчас. Ну, вышла я под вечер во двор, а тут и начали стрелять. Гляжу, а с Лесной горы два лыжника несутся, а по ним и палят. Я сразу догадалась, что лыжники — наши. Потом один залег и стал отстреливаться. Другой успел съехать с горы и скрыться в лесу. Того, кто прикрыл его, гитлеровцы застрелили. — Бабушка тяжело вздохнула и смахнула со щеки слезу. — Кабы я знала, что это был мой Леша...

Но Ленька иначе представлял это событие. И знал об этом много. Его дедушка служил в специальном лыжном батальоне. По заданию командования вдвоем с другим разведчиком они проникли в тыл врага, уничтожили вражеский склад боеприпасов, разведали расположение ча-

Впервые за много лет его святой запрет — не подниматься на Лесную гору — был нарушен.

стей и стали возвращаться обратно. И вот на Лесной горе враги засекли советских разведчиков. Два бойца отстреливались до вечера. Они были со всех сторон окружены ротой фашистов, что расположилась в деревне. А Лесная гора была на виду. На верхушке ее рос молодой густой лес, за что и получила гора свое название.

С Лесной горы с одной стороны шел крутой спуск прямо к деревне, там, где начинался лес. Дедушка, как местный житель, знал об этом. И разведчики решили прорваться, когда окончательно стемнеет, — утром это было бы слишком рискованно. А сведения у них сверхважные.

И разведчики с присущей им дерзостью ринулись с горы прямо на гитлеровцев. Когда те опомнились, стали лихорадочно стрелять. Но дедушка успел прикрыть отход своего товарища...

Рядом с альбомом лежит коробочка, в которой хранится орден Красной Звезды. Ленька погладил гладкую эмаль ордена. «Был бы жив дедушка, обязательно бы носил орден!» Ленька

когда был поменьше, не раз прикладывал орден к груди и важно расхаживал по комнате. Ему очень хотелось быть похожим на дедушку. Только бабушка в таких случаях тихо плакала.

Ленька Лесную гору считал знаменательным местом. И не разрешал ребятам играть там. Лез с кулаками в драку, если его не слушались. И ребята отступились. А может, они просто поняли, что Ленька прав: здесь не стоит кататься. И взрослые жители считались с этим памятным местом, где погиб герой-разведчик, их односельчанин.

И вот новый учитель физкультуры, недавно приехавший в их деревню, нарушил этот неписаный закон и впервые за много лет проложил лыжню на Лесной горе...

Под вечер к Леньке прибежали его друзья — Генка и Витька. Запыхавшимися голосами оба враз выпалили:

— А наш Петр Иванович орденом награжден!

— За что? — недоверчиво покосился Ленька.

— А за участие в войне. Вызвали его сегодня в военкомат и вручили орден. Двадцать с лишним лет назад Петра Ивановича наградили, да след его потерялся, ранили очень тяжело...

— Бывает, я в газетах о таких случаях не раз читал... — растерянно пробормотал Ленька.

Это известие удивило его. Он и не думал, что их учитель физкультуры — герой войны. И выглядит он не старым, а прошло почти тридцать лет!.. На лыжах вон как хорошо ходит... Только теперь Ленька понял, почему у учителя протез и поврежденное ухо.

— Ты на него не сердись, а, Ленька? — сказал Генка, заглядывая ему в глаза.

Ленька задумался, а потом упрямо вскинул лобастую голову.

— И все равно он не смеет кататься с Лесной горы!

Голос его отчего-то дрожал.

Урок физкультуры был первым. Пятиклассники уже надели лыжи, когда появился Петр Иванович в зеленом лыжном костюме, ладно сидевшем на нем. Он внимательно и, как показалось Леньке, недовольно посмотрел на него, и Ленька неожиданно повысил голос на учителя:

— Раз вам дали орден, то и носите его. Мой дедушка обязательно бы носил!..

Нависла напряженная тишина. Даже слышно было, как мягко падает легкий снежок — с нежным шершавым шуршанием. Ленька нагнулся над лыжами, поправляя крепления, и заметил, как дрожат у него руки. Лицо его жарко пылало. Он испугался своего же выкрика, но упрямство не позволяло ему отступать.

— Ты прав, Леня, — мягким, хрипловатым голосом вдруг проговорил Петр Иванович, и легкие морщинки заструились по его обветренному скуластому лицу. — Орден дается для того, чтобы гордиться им...

Он круто повернулся и торопливо пошел к своему дому, который находился недалеко от школы. И вскоре вернулся. На зеленой лыжной куртке сверкал орден Красной Звезды. «Как у дедушки», — отметил про себя смущенный Ленька и растрогался. На его лице появилась легкая мальчишеская улыбка.

Учитель тоже улыбнулся.

— Будто вновь стал бойцом, — тихо промолвил он.

Ребята гуськом поднимались за учителем на Лесную гору. Ленька шагал за ним след в след.

— Пусть ребята катаются с этой горы, — говорил Петр Иванович, изредка оборачиваясь к Леньке. — Пусть гора напоминает им о подвиге отважного разведчика, пусть твои товарищи вырастут такими же смелыми и умелыми, как твой дед... А Алексею Федоровичу, деду твоему, мы памятник поставим, лыжные соревнования в школе учредим в его честь...

Ленька слушал учителя с гордостью и радостью.

— Петр Иванович, — вдруг взволнованно спросил он, — а это не вы тогда находились рядом с дедушкой?

— Нет, — ответил учитель и тоже замедлил шаг. — Я орден получил за форсирование Немана, в сорок четвертом году. До войны я плаванием занимался, данные у меня неплохие были. И вот однажды ночью протянул кабель по дну реки — задание такое было. Вода уж больно холодна была, весна все-таки... А потом меня ранило, и я мотался по госпиталям... Откуда я знал, что меня за такое дело наградят...

Он уловил огорчение на лице Леньки, ласково положил ему руку на плечо.

— А ты, Леня, не огорчайся, мы с твоим дедом за общее дело воевали, в одном строю... — И задумчиво добавил: — Большая честь сражаться рядом с таким человеком, который ради товарища жизни не жалеет...

У Леньки защипало в горле. Он резко пошел к горе.

Перед спуском они немного постояли на горе. Внизу лежала деревня, окаймленная густым мохнатым лесом. Ослепительно белый свежий снег блестел на мартовском солнце. Ленька вроде по-новому ощутил красоту родной земли и догадался, что это и есть самое, самое дорогое.

— Ну, пошли! — скомандовал Петр Иванович.

И первым поехал по снежной целине, прокладывая лыжню. Он ехал ловко, чуть согнув ноги в коленях, не пользуясь лыжными палками, и быстро набирал скорость.

Ленька помчался по лыжне, проложенной учителем, и сухой ветер певуче заиграл в его ушах. Лес стремительно приближался к Леньке, а носки лыж остро вспарывали осыпающийся на лыжню блесткий снег, ярко искрящийся перед глазами. И Леньке вдруг почудилось, будто он едет по лыжне, по которой некогда несся его дед, несся навстречу подвигу.

Зачем и почему?

**К нам в редакцию часто приходят письма
с самыми неожиданными вопросами:
Откуда взялись фамилии?
Из чего улитки делают себе домик?
Кто и когда изобрел очки?..
Авторы этих писем любознательны
и не ленятся думать.
И мы с удовольствием отвечаем на их вопросы.**

Вместо Полярной— голубая Вега

«Каким будет звездное небо в будущем? Мне рассказывал брат, что форма Ковша изменится».

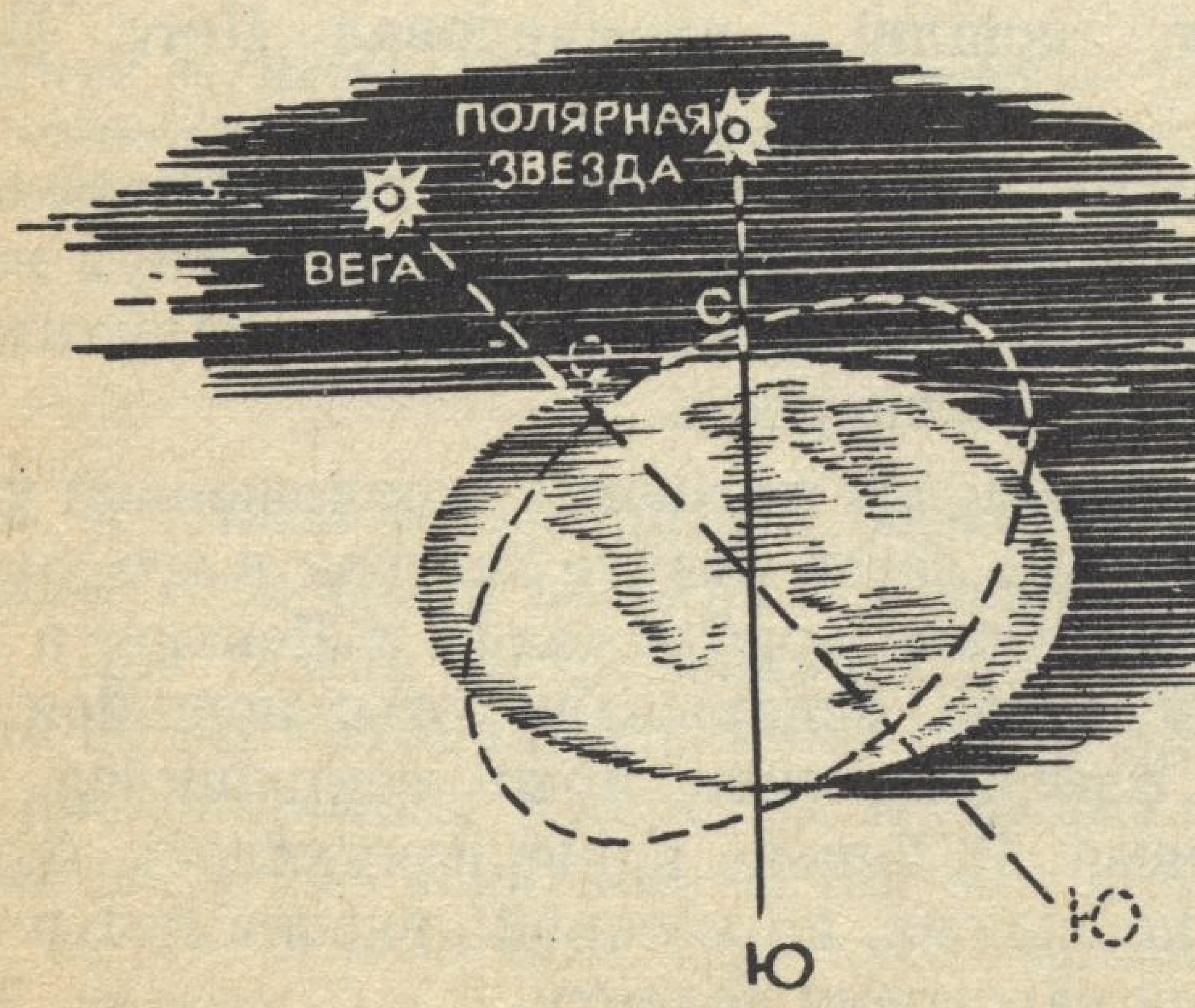
Алина Белова, г. Тюмень

Тысячи лет люди видели на небе очертания одних и тех же созвездий — Большой Медведицы, Ориона, Льва, Кассиопеи, Андромеды, Цефея. Кажется, звезды навсегда застыли на своих местах. Для звезд тысяча лет — срок совсем небольшой. На самом деле и на небе происходят изменения.

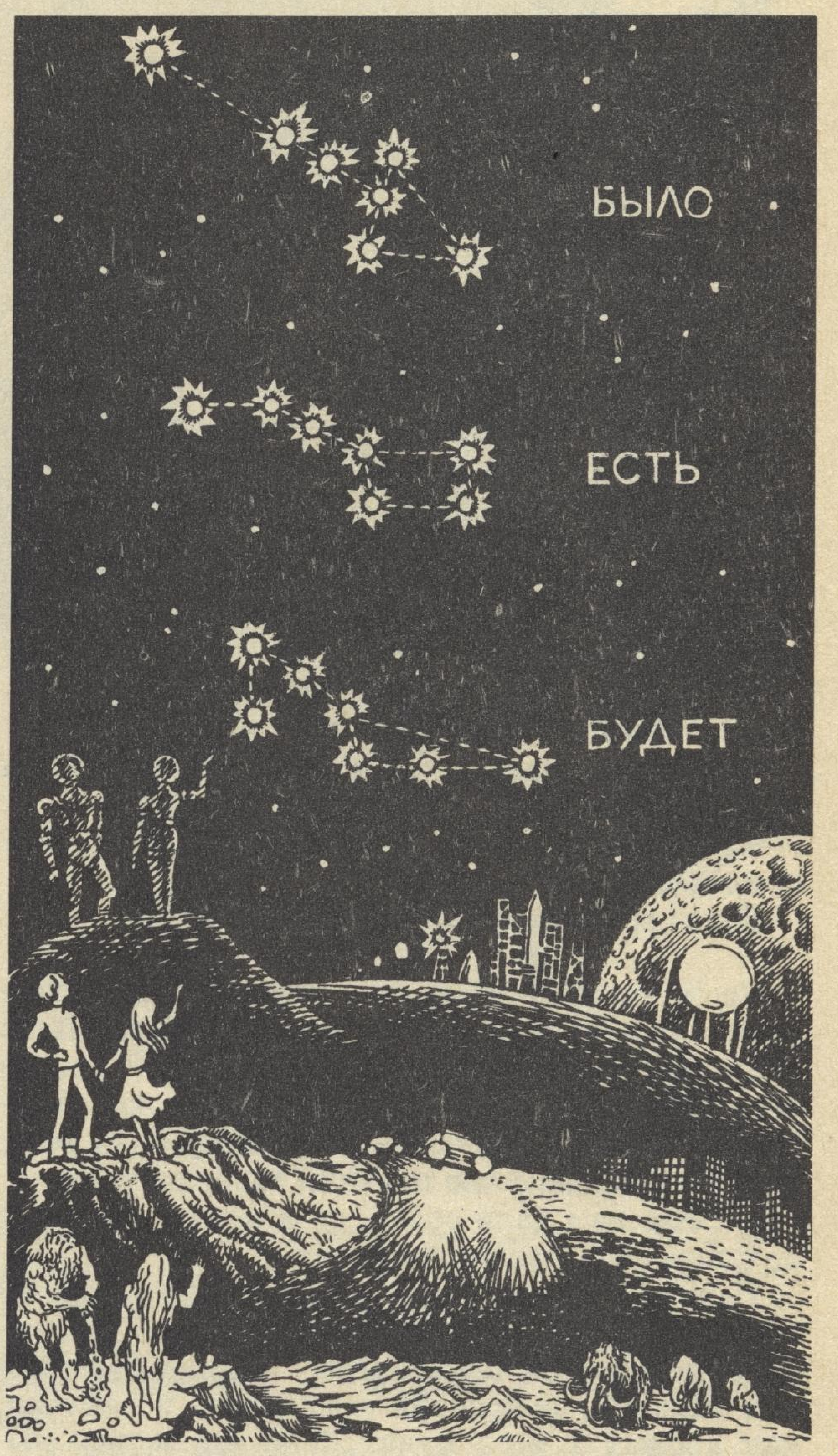
Звезды, как и наше Солнце, движутся. Одни звезды приближаются и становятся более яркими, другие удаляются от нас и тускнеют. Но мы заметить этого не можем: до того времени, когда звезда Вега приблизится к Земле и станет ярче вдвое, пройдут сотни тысяч лет.

Кроме того, звезды имеют боковое движение. Поэтому меняются фигуры созвездий. Ковш Большой Медведицы 100 тысяч лет тому назад напоминал топорик первобытного человека. Сейчас он действительно похож на ковшик. Но постепенно фигура созвездия станет похожей на совок.

Посмотри на вращающийся волчок. Ось его вращения как бы покачивается, образуя небольшой конус. Так же покачивается при вращении и наша Земля. Период этого покачивания составляет 26 тысяч лет.



Сейчас Северный полюс нашей планеты обращен в сторону Полярной звезды. Так будет до 2100 года. Но потом ось вращения Земли станет отклоняться от Полярной звезды к созвездию Цефея. А в 14000 году человек, который



будет смотреть на небо, на месте Полярной звезды увидит голубую звезду Вегу из созвездия Лиры.

Такое покачивание земной оси изменит для

нас вид звездного неба. Многие из привычных созвездий — Ориона, Большого Пса, Девы — на время исчезнут с нашего горизонта. Зато с территории нашей страны будут видны многие южные созвездия — Южного Креста, Центавра...

Так как изменения звездного неба происходят очень медленно, еще многие поколения людей смогут пользоваться теми же небесными ориентирами, которыми пользуются в наше время штурманы и космонавты.

Б. А. МАКСИМАЧЕВ,
заместитель директора
Московского планетария по науке

Никому не нужная «трын-трава»

«Почему равнодушным людям говорят: «Тебе все трын-трава»?

Аня Мельникова, г. Донецк

В толковых словарях русского языка можно прочитать, что мы говорим «трын-трава» обычно в тех случаях, когда хотим сказать о человеке, что ему все нипочем.

Откуда же появилось это выражение «трын-трава»?

«Трын» происходит от болгарского слова «тын» — забор. «Трын-трава» значит трава под забором, сорняк, трава, никому не нужная.

Есть еще одно объяснение. Может быть, ты слышала такой глагол «трынить», что значит дробить, крошить. Так говорят в некоторых областях РСФСР. «Трын» — пустяк, мелочь.

Мы говорим равнодушному человеку: «Тебе все трын-трава», — потому что осуждаем его поведение. Ведь ему все, даже самые важные дела — пустяки, и ни к чему он не может относиться серьезно.

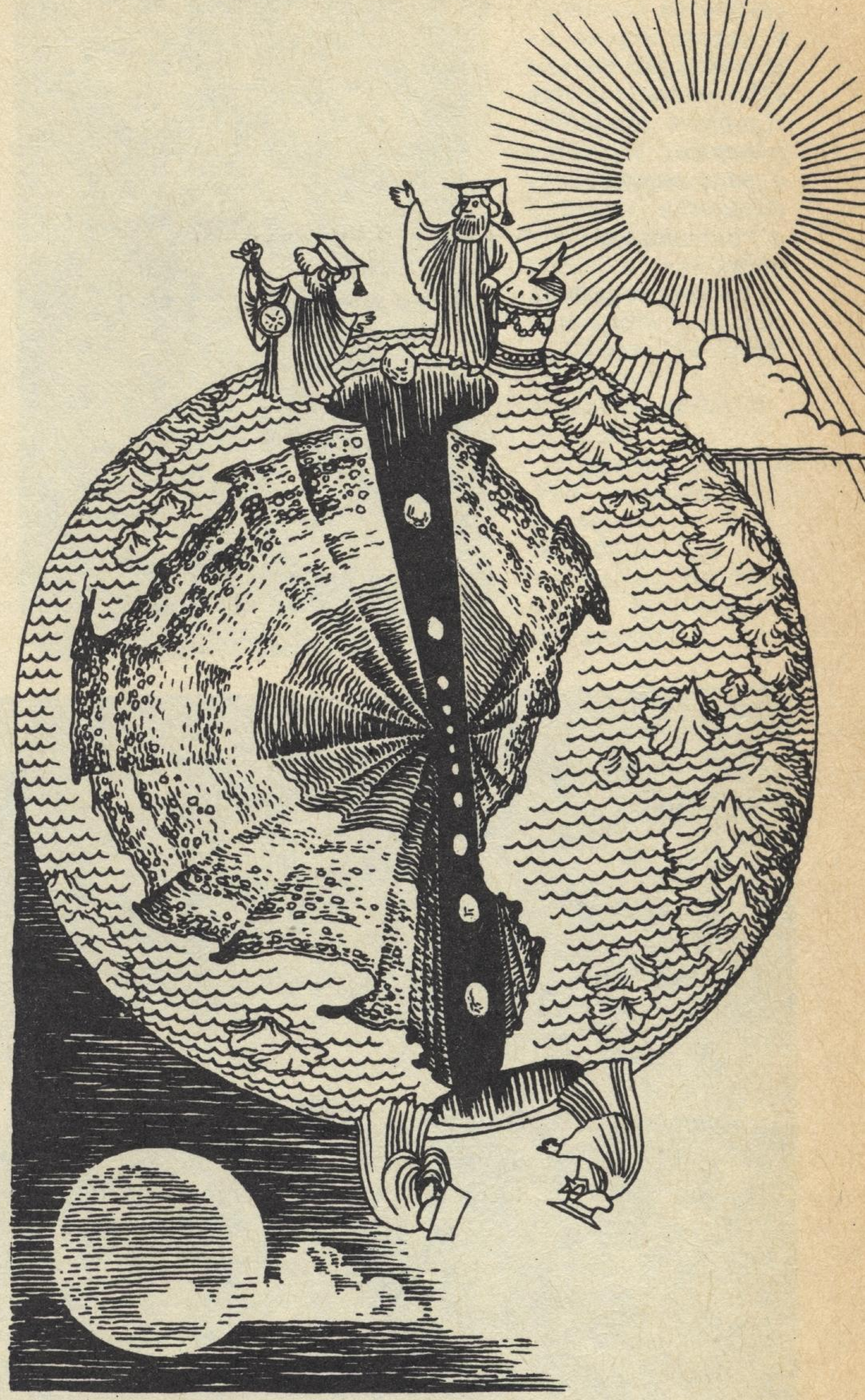
А. Д. ВАРТАНЬЯНЦ,
кандидат филологических наук, доцент

«Путешествие» к центру Земли

«Если прорыть Землю насквозь и бросить в это отверстие камень, то до какого момента он будет падать и в какой точке окажется в состоянии покоя?»

Оля Шеметова, Краснодарский край

Проведи дома такой опыт. Положи маленький шарик на край пиалы или широкой чашки и отпусти его. Он скатится в пиалу, затем несколько раз «вкатится» на стенки сосуда, и, наконец, остановится в центре. Заставит его остановиться сила трения.

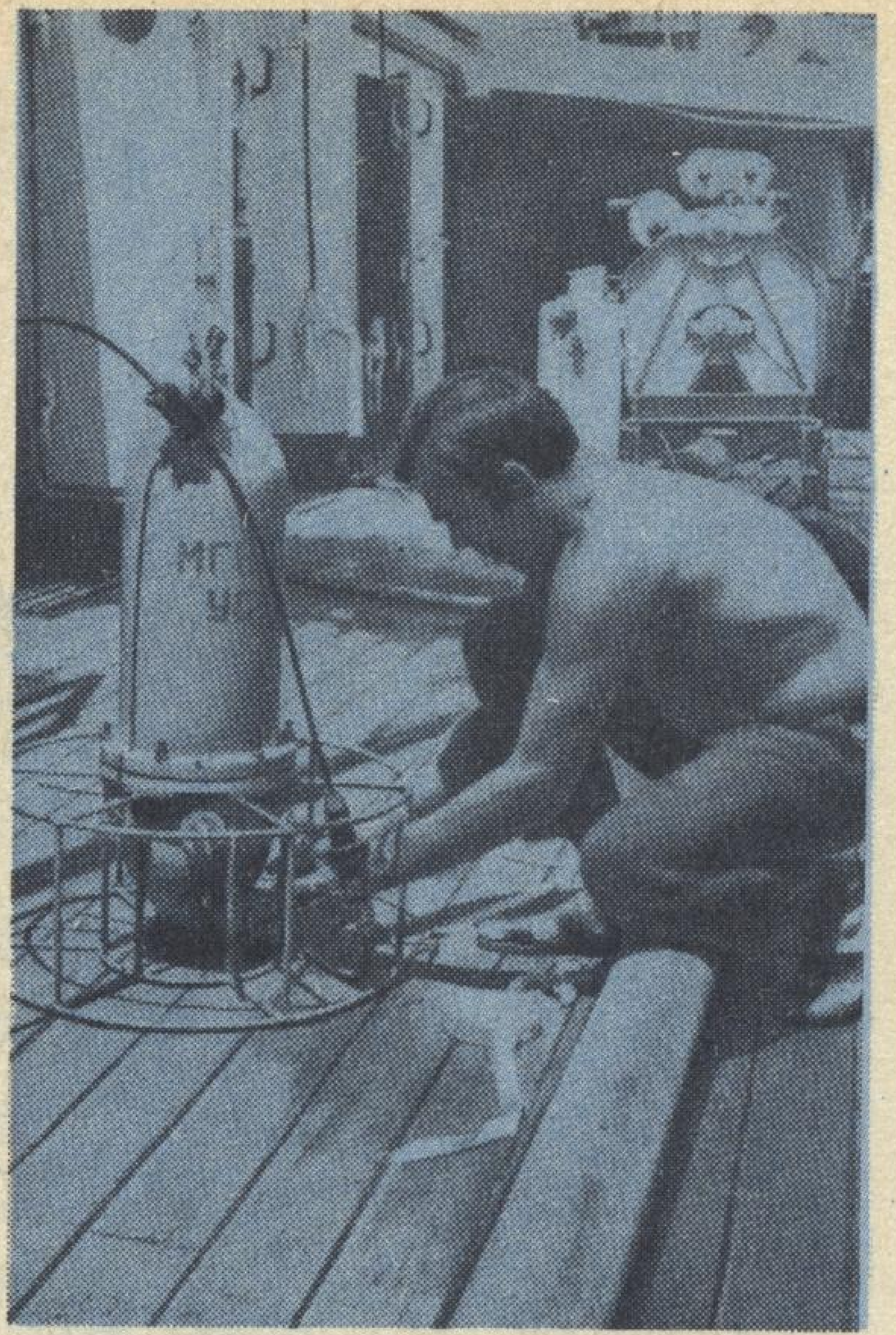


Допустим, что такая шахта, о которой ты пишешь, построена, и мы бросили туда камень. Камень будет лететь к центру Земли. Чем ближе он будет приближаться к центру, тем меньше на него будет действовать сила притяжения другой половины Земли, а в центре силы притяжения Земли уравновесятся. Камень пролетит мимо центра по инерции: к этому моменту он будет иметь значительную скорость. Потом камень достигнет противоположной поверхности Земли, на мгновение остановится и вновь устремится к центру планеты. Движение камня могло бы продолжаться сколько угодно, если бы в шахте было безвоздушное пространство. Но в шахте воздух.

Постепенно из-за трения о воздух камень будет все меньше и меньше отклоняться от центра и, наконец, в центре остановится.

К. В. НАБОЙЧЕНКО,
кандидат технических наук, доцент

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ



На судне «Михаил Ломоносов» готовится к спуску новый зонд «Исток-3». Приборы его измеряют и записывают соленость и температуру воды, а расшифровывает записи ЭВМ «Минск-32».

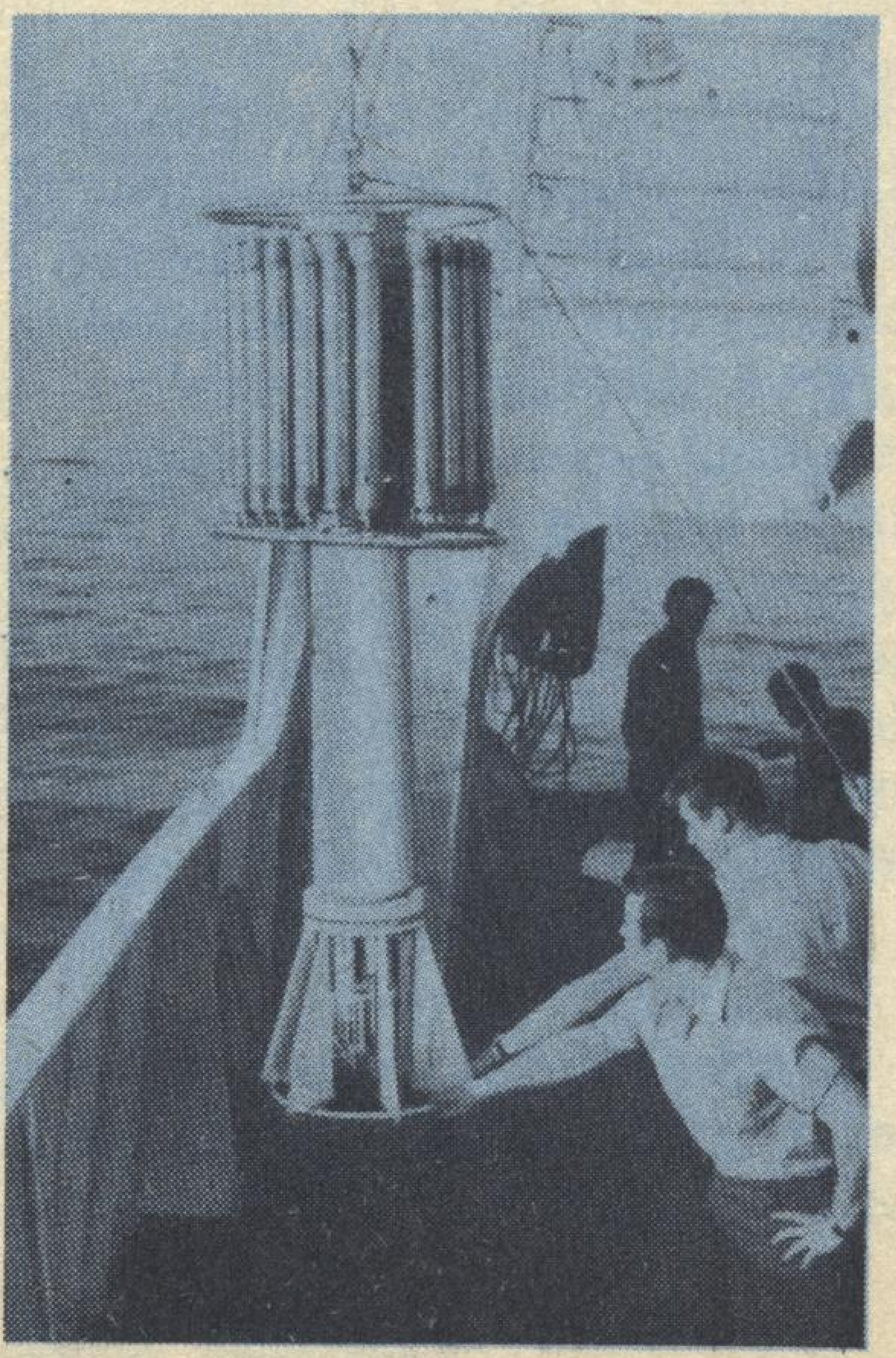
ЛАБОРАТОРИЯ—

Мировой океан стал в наши дни гигантской международной научной лабораторией. Он все больше привлекает внимание ученых самых разных специальностей. Все чаще проводятся в разных районах океана международные научные эксперименты, в которых участвуют десятки судов, самолетов и даже спутники Земли.

Редакция журнала попросила академика **Леонида Максимовича БРЕХОВСКИХ, председателя Океанографической комиссии Академии наук СССР,** лауреата **Ленинской и Государственных премий, ответить на вопросы нашего корреспондента.**

Леонид Максимович, расскажите, пожалуйста, как океанологи сейчас изучают океан?

Вспомните, как измеряют температуру больного или выслушивают его сердце. Прикладывают к телу градусник или стетоскоп. Так же изучали раньше и океан: волномером измеряли высоту волны, «вертушкой», опущенной в море, — скорость течения. Опускали в море трал, похожий на большой сачок, чтобы поднять на поверхность обитателей глубины.



Зонд-барометр тоже измеряет температуру и соленость воды и еще автоматически берет пробы морской воды на разных уровнях для химических исследований.

И «вертушка» и трал в свое время много рассказали ученым о жизни океана, да и сейчас служат нам большую службу. Но их уже недостаточно — они не могут обеспечить нам то огромное количество информации, в котором мы нуждаемся. И прежде всего для прогноза погоды на суше. Ведь, как известно, она зависит в основном от Мирового океана. **И если мы исследуем все законы, по которым живет океан, мы научимся точно предсказывать погоду на Земле.**

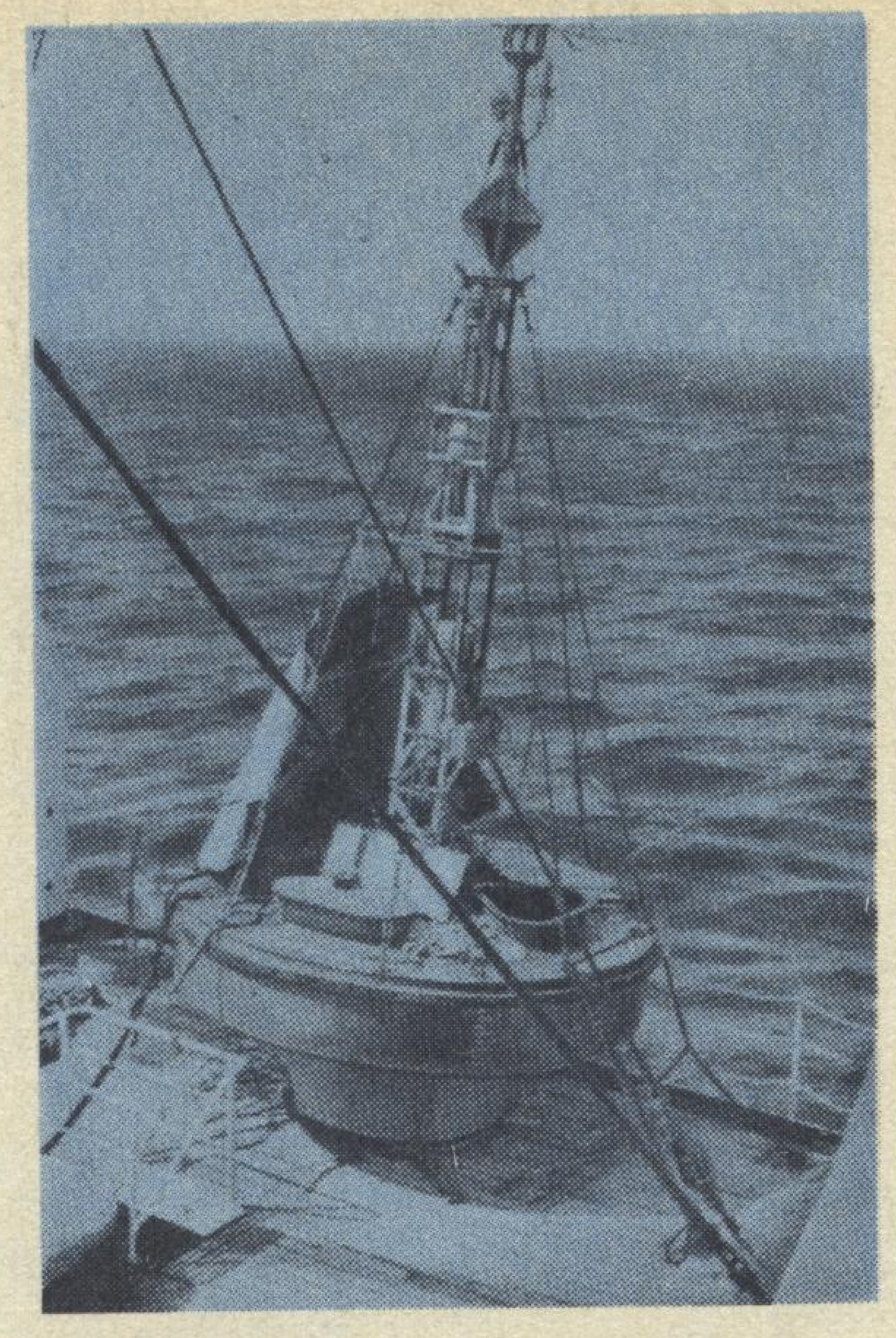
Вот почему в последнее время появились совершенно новые методы — дистанционные.

ОКЕАН

Океан стали изучать, не прикасаясь к нему, на расстоянии.

Глубину измеряют с помощью эхолота. Прибор стоит на судне, а в глубину уходит звуковая волна и, отразившись от дна, возвращается обратно. По времени пробега волны можно с большой точностью определить глубину. Звук прекрасно распространяется в воде и помогает изучать строение морского дна, находить в море косяки рыбы и многое другое.

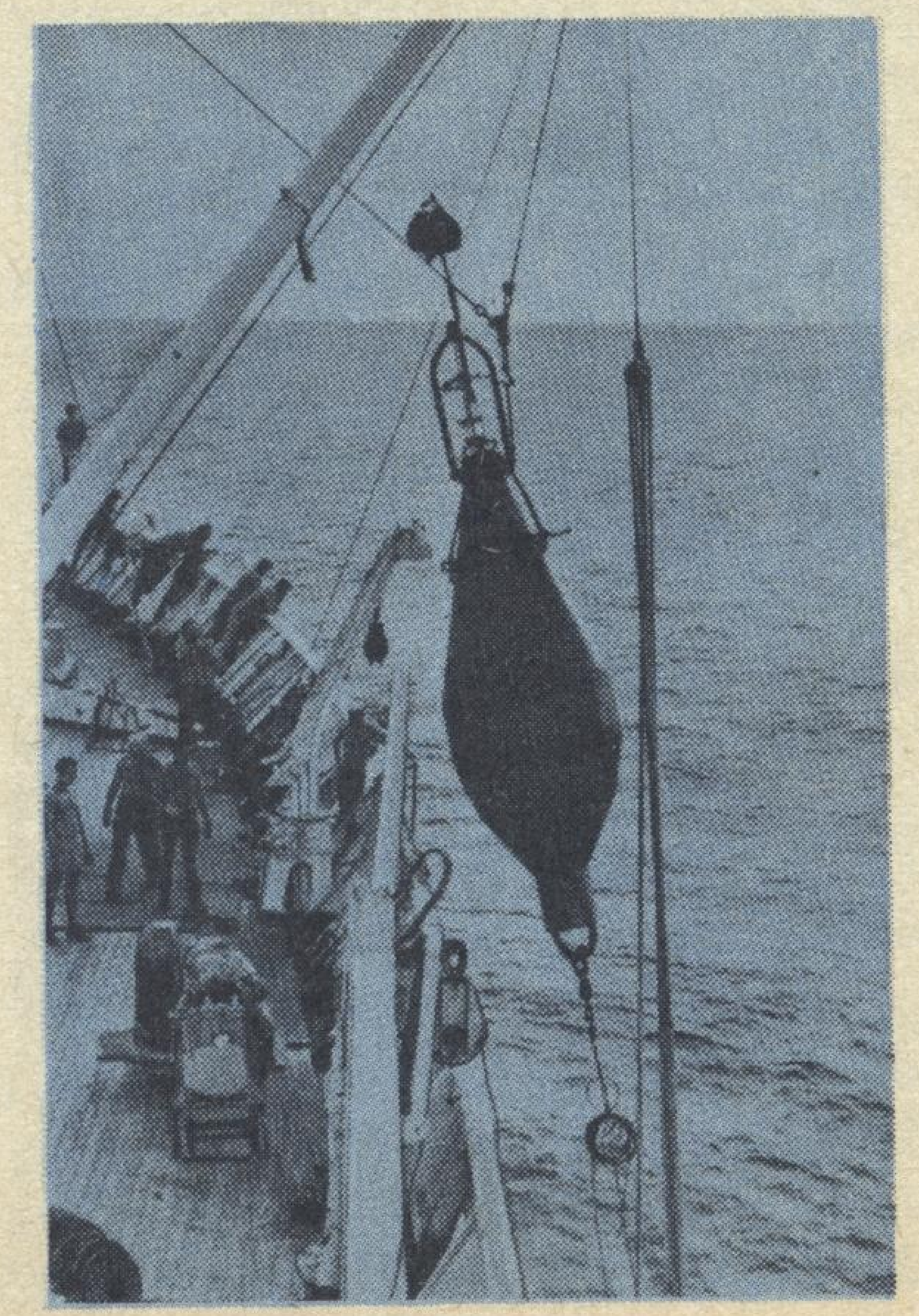
В наше время ведется исследование океана со спутников Земли. По команде с Земли спутник посылает электромагнитные волны. Правда, они не так глубоко проникают в толщу воды, как звуковые, но дают детальную и точную информацию о жизни океана в приповерхностных слоях: о высоте и длине морских волн на поверхности, температуре и солености воды, скорости и направлении приповерхностного ветра и т. д.



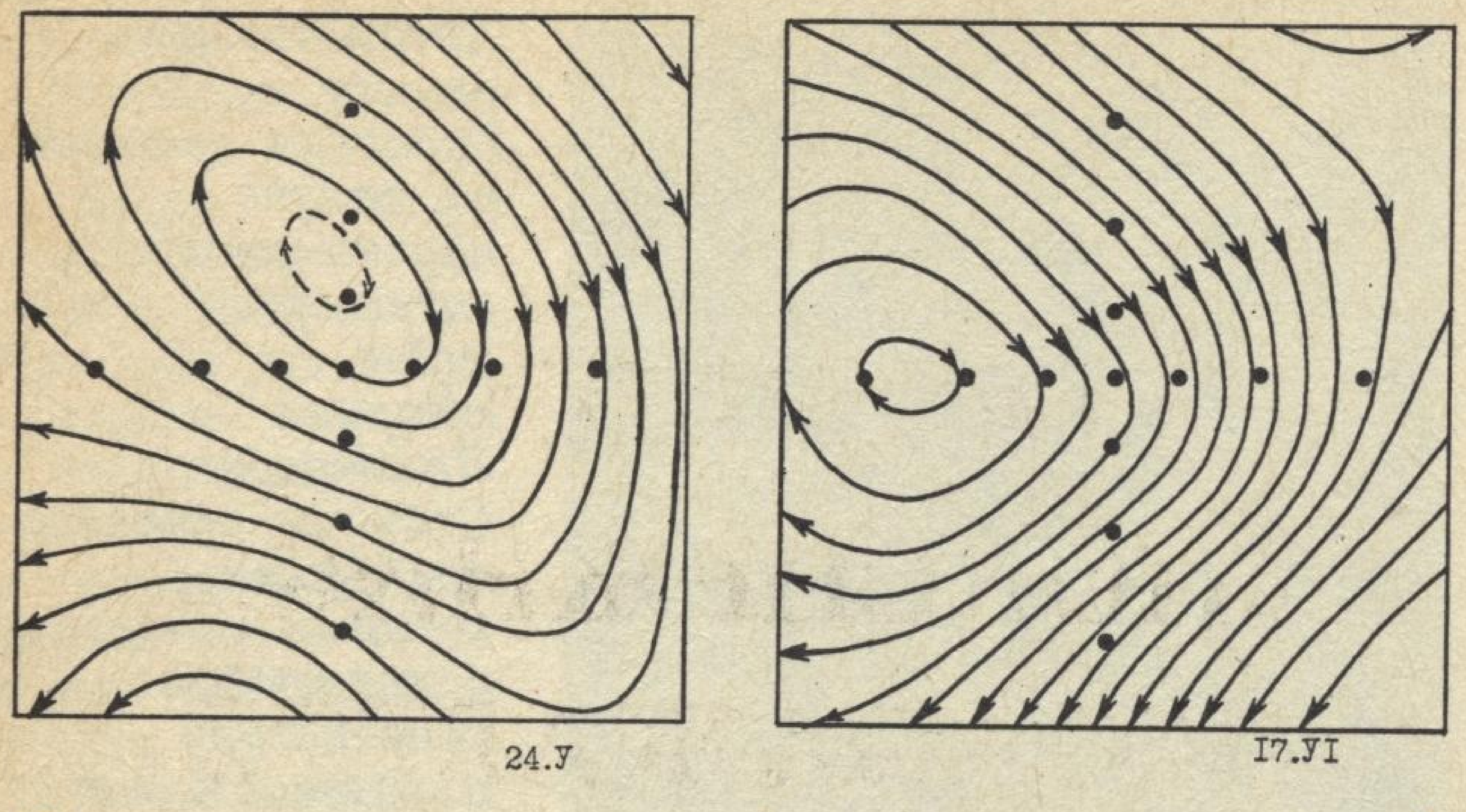
Автоматизированная буйковая станция на палубе научно-исследовательского судна «Михаил Ломоносов». Станция начинена приборами, которые измеряют и записывают температуру и соленость воды, скорость и направление течений на разных уровнях. Эти сведения станция передает по радио на берег или в судовой радиоцентр.

С использованием спутников связаны многие открытия последних лет. Скажем, было известно, что такие мощные течения, как Куро-Сиво или Гольфстрим, влияют на земную погоду. Они переносят громадные массы тепла из одной части земного шара в другую. Но оказывается, даже мелкие волны на поверхности воды тоже влияют на погоду. Они участвуют в том обмене теплом и влагой, который постоянно идет между океаном и атмосферой.

Расскажите, пожалуйста, о самых интересных открытиях советских ученых за последнее время.



Буйковую станцию спускают за борт судна «Академик Вернадский» в Тихом океане.



На этой схеме — участок Атлантического океана, где были крестообразно установлены наши буйковые станции. Работа этих станций и позволила уточнить перемещение вихря — вот как он передвинулся всего за двадцать дней.

Советские ученые провели в 1970 году в тропиках эксперимент небывалого масштаба. На огромном участке Атлантического океана площадью в сорок тысяч квадратных километров была раскинута колоссальная крестообразная сеть из семнадцати автоматических буйковых станций. Каждая станция — это комплекс приборов, установленных на десяти различных уровнях, которые определяли течения, температуру воды.

Станции работали шесть месяцев и рассказали ученым много нового о морских течениях.

Оказалось, что течений, которые на картах рисуют как широкие плавные реки, на самом деле не существует. Движутся не реки, а громадные водные вихри, похожие на циклоны и антициклоны в атмосфере. Только эти океанические вихри движутся медленнее, а живут дольше — не недели, а годы. Правда, если мы усредним все движения вихрей за много месяцев, мы получим схему, похожую на всем известные со школьных лет океанические течения.

В одних вихрях вода в центре холоднее, чем по краям, в других — наоборот. Происходит это оттого, что разные вихри как бы «закручены» по-разному. В тех, где вода с глубины поднимается кверху, активнее развивается жизнь: глубинные воды приносят со дна питательные соли, которых нет в поверхностных слоях. В других вихрях вода с поверхности опускается на глубину.

Американские океанологи провели похожий эксперимент в другой части Атлантики, и он в основном подтвердил наши выводы. Ученые многих стран заняты сейчас исследованием океанических вихрей, открытых советскими учеными в 1970 году.

Большие открытия в области строения морского дна принес и Международный проект глубоководного бурения. Инициаторами его были американские океанологи. Но и мы тоже участвуем в этом эксперименте. С корабля «Гломар Челленджер» бурятся в океанском дне скважины глубиной более полутора километров. Уже пробурено несколько сот скважин в разных районах Мирового океана. Результаты исследований в корне изменили наши представления не только о строении дна океана, но и о всей нашей планете.

Оказалось, что земная кора под океаном резко отличается от коры материков — она проще по строению, почти в десять раз тоньше и, главное, везде оказалась моложе коры материков.

Во всех океанах были открыты хребты большой протяженности, где непрерывно образуется новая земная кора. Это явление приводит, например, к расширению дна Атлантического океана и к удалению Европы от Америки на несколько сантиметров в год.

Какие международные эксперименты были наиболее интересными? Что планируется на ближайшее будущее?

В 1972 году мы проводили тропический эксперимент (ТРОПЭКС) и в 1974 году — Международный атлантический эксперимент (АТЭП). Цель этих работ — понять, как взаимодействуют в тропиках атмосфера и океан, как формируются основные воздушные движения над океаном.

Международный эксперимент АТЭП был особенно внушительным. Сорок научно-исследовательских кораблей (тринадцать из Советского Союза), самолеты, искусственные спутники Земли помогали ученым исследовать явления, охватывающие значительную часть планеты.

Данные, полученные в этом эксперименте, еще обрабатываются. Но уже можно говорить о некоторых открытиях.

Уже давно наши ученые обнаружили на экваторе в Атлантике подповерхностное противотечение. Как бы две реки текут здесь одна над другой: верхняя — по экватору с востока на запад, нижняя — на глубине 200—400 метров с запада на восток.

Так вот, во время исследований 1974 года выяснилось, что по этим «рекам» бегут гигантские волны длиной больше тысячи километров.

Разрабатывается проект использования течений на разных глубинах для транспорта, например, для перевозки нефти в больших емкостях — на любые расстояния и в разных направлениях.

С июля 1977 года советские и американские ученые работают по проекту ПОЛИМОДЕ. Район, который исследуется, почти совпадает с Бермудским треугольником. Ученые выбрали этот участок не потому, что подозревают здесь что-то таинственное, а потому, что здесь легче наблюдать океанические вихри. Рядом проходит интереснейшее течение Гольфстрим, и, кроме того, предполагается использовать американские акустические приемные станции, расположенные на ближних островах.

Леонид Максимович, мы видим теперь, как широко идет международное исследование океана. Расскажите, пожалуйста, что сейчас океан дает людям и что он даст нам завтра?

Вы знаете, видимо, что во многих странах уже сейчас не хватает продуктов питания. Стра-

дают люди, особенно дети, прежде всего от недостатка белка в пище. По данным ООН, в 1975 году больше половины человечества испытывало белковый голод. Население Земли растет, и проблема эта становится все острее, особенно для развивающихся стран.

В океанах же богатейшие запасы пищевого белка. И это не только рыба. Прежде всего это криль — небольшой похожий на креветку антарктический рачок. Многие из вас уже пробовали, наверное, плавленый сыр «Коралл» и креветочное масло. В них входит криль. Криля очень много в водах приантарктического района Южного океана — сотни миллионов тонн. Прежде им кормились гигантские стада китов. Сейчас, к сожалению, китов стало здесь во много раз меньше, и можно без ущерба для жизни океана вылавливать каждый год более сотни миллионов тонн криля. И это только в Южном океане! Гораздо больше, чем добывается сейчас рыбы во всех морях и океанах, вместе взятых.

И если мы будем беречь чистоту океана, не загрязнять его, если не будем допускать «перелова», как это было с китами, если научимся восстанавливать то, что берем, океан еще долго будет давать людям вкусные и питательные продукты.

Океан — это еще и месторождения нефти и газа. Уже сейчас пятая часть нефти и газа добывается со дна океана и у его берегов. И доля морской добычи будет расти.

В морской воде есть все элементы таблицы Менделеева. Магний, например, уже сейчас выгоднее добывать из моря, чем из руды — магнезита.

В океане живут морские организмы, которые извлекают из воды и накапливают в себе металлы. Так, цинк, олово, свинец собирают медузы, йод — водоросли ламинарии, медь — осьминоги. В Японии уже добывают из морских животных редкий металл — ванадий.

На дне океанов есть богатейшие россыпи железо-марганцевых конкреций — округлые минеральные образования, похожие на каменную картошку. Это — прекрасное сырье для получения ценных металлов. А, например, в Красном море и Тихом океане металлы миллионы лет накапливались на дне вместе с другими осадками.

Да и сама морская вода — опресненная, конечно, — становится в наши дни огромным богатством. Ведь на нашей планете все сильнее ощущается недостаток чистой пресной воды...

В заключение я хотел бы сказать о том, что в океане еще много неизвестного и человечество только начинает постигать его тайны и его богатства. Сегодня вы учитесь в школе, а завтра станете учеными, мореходами, инженерами и сможете посвятить себя исследованию тайн Мирового океана, принять участие в интереснейших международных экспериментах на благо всего человечества.

Вел интервью М. СЕГАЛЬ

Рисунок Ю. РОДИНА

ОПЕРАЦИЯ «ПОДСНЕЖНИК» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ!

«— Я дикий тюльпан Казахстана. Срочно прошу защиты.

— Я сцилла, голубой подснежник русских и украинских дубрав, нуждаюсь в неотложной помощи.

— Я галантус, белый подснежник Кавказа и Крыма. Спасите меня!»

Эти сигналы тревоги прозвучали со страниц нашего журнала ровно год назад.

В защиту весенних цветов, записанных в Красную книгу растений СССР, была объявлена операция «Подснежник». Ребята горячо откликнулись на нее.

«Первоцветы у нас сильно уничтожают. Но нет, «уничтожают» не то слово. Их просто рвут, не давая созреть семенам. Рвут с корнями, луковицами. Рвут большие букеты. Я старалась объяснить, что рвать так много нельзя, да и не нужно»,—написала нам Ася Литвак из Киевской области.

В течение весны и лета «Пионер» получал донесения от читателей.

«Первое условие для участия в операции выполняем: обещаем никогда не рвать никаких весенних цветов»,— пишут ребята из Молдавии.

«Мы тоже встали на защиту цветущих растений. Да и нет в Свердловске ни одной дружины, где бы ребята не знали об этой операции».

«Городской штаб по руководству операцией «Подснежник» сообщает, что в проведение операции включилось одиннадцать школ города Обнинска».

Многие областные и республиканские Советы народных депутатов приняли решение об охране дикорастущих растений. Участники нашей операции помогают следить за выполнением этих решений. Обращайтесь за помощью к взрослым, добивайтесь вместе с ними запрещения сбора и продажи весенних цветов.

Напоминаем: начинать надо с себя. С себя и своих товарищей. Не рвите в лесу цветы! Организуйте весенние дозоры, рисуйте, вывешивайте в школах и во дворах плакаты в защиту первоцветов.

Познакомьте всех ребят с первоцветами, которые нуждаются в защите. Рассказ о них, фотографии, рисунки вы найдете в №№ 3, 4, 5 нашего журнала за 1977 год. **Пусть в каждой школе к началу весны появятся «портреты» подснежников и первоцветов!**

Это — первое задание участникам операции «Подснежник-78».

Ждем ваших донесений о том, что вы сделали в школе, в своем селе, городе.

Операция «Подснежник» продолжается. Дикий тюльпан, печеночница, сон-трава и многие другие первоцветы ждут вашей защиты.

Рисунки Ю. БОНДАРЕНКО

Юрий КРУТОГОРОВ

Про древний род сосны, про поэта-лесовода Лебкова

«Захочу—и сосны встанут над лужайкою»

О лесоводе и поэте Евгении Лебкове я всегда думаю с признательностью. Это он научил меня смотреть на сосну, как на породу живую, еще не познанную, во многом неожиданную.

Невысокий, веселый человек. Он всегда спешит. У него тысяча дел. За ним не угнаться. Ветер скашивает набок пегую бороду. Он поэт и лесовод. Пишет о лесах. И сажает на земле лес ровными, как стихотворные строки, рядами.

В книжке он напишет:

Я — лесник. Ко мне на бороду
Солнце — зайчиком.
Захочу — и сосны встанут над лужайкою.

Лебков истово влюблен в сосну. То ли возле деревушки, где он рос, было больше сосновых боров, то ли оттого, что это дерево рубят больше, чем другие. А рубят больше не случайно — нужная, ценная древесина. Не коробится, как лиственничная, но и достаточно прочная. Сок дерева — живица — дает скипидар, камфару, канифоль, многие лекарства. Не дерево — хвойная фабрика. Веками накапливала порода все эти ценные свойства.

Первое отступление

Сосна пришла к нам из мезозойской эры. Вымерли сухопутные игуанодоны, летающие страшилища птеродактили, морские чудовища ихтиозавры, а их современница — сосна — преодолела время, цепко зацепилась своими корнями за землю. Вулканы заливали землю огненной лавой, утюжили ледники, а крошечное темно-бурое семечко прочно окопалось в почве, и зародыш выжил, положил начало тайге, борам, краснолесью, как называют в народе хвойный лес из-за медно-красного ствола сосны.

Многочисленный, древний, воистину знатный род.

И все же на лесной карте страны есть места, где не растет сосна. В область ее распространения не входит Средняя Азия. Обойден сосной и Сахалин.

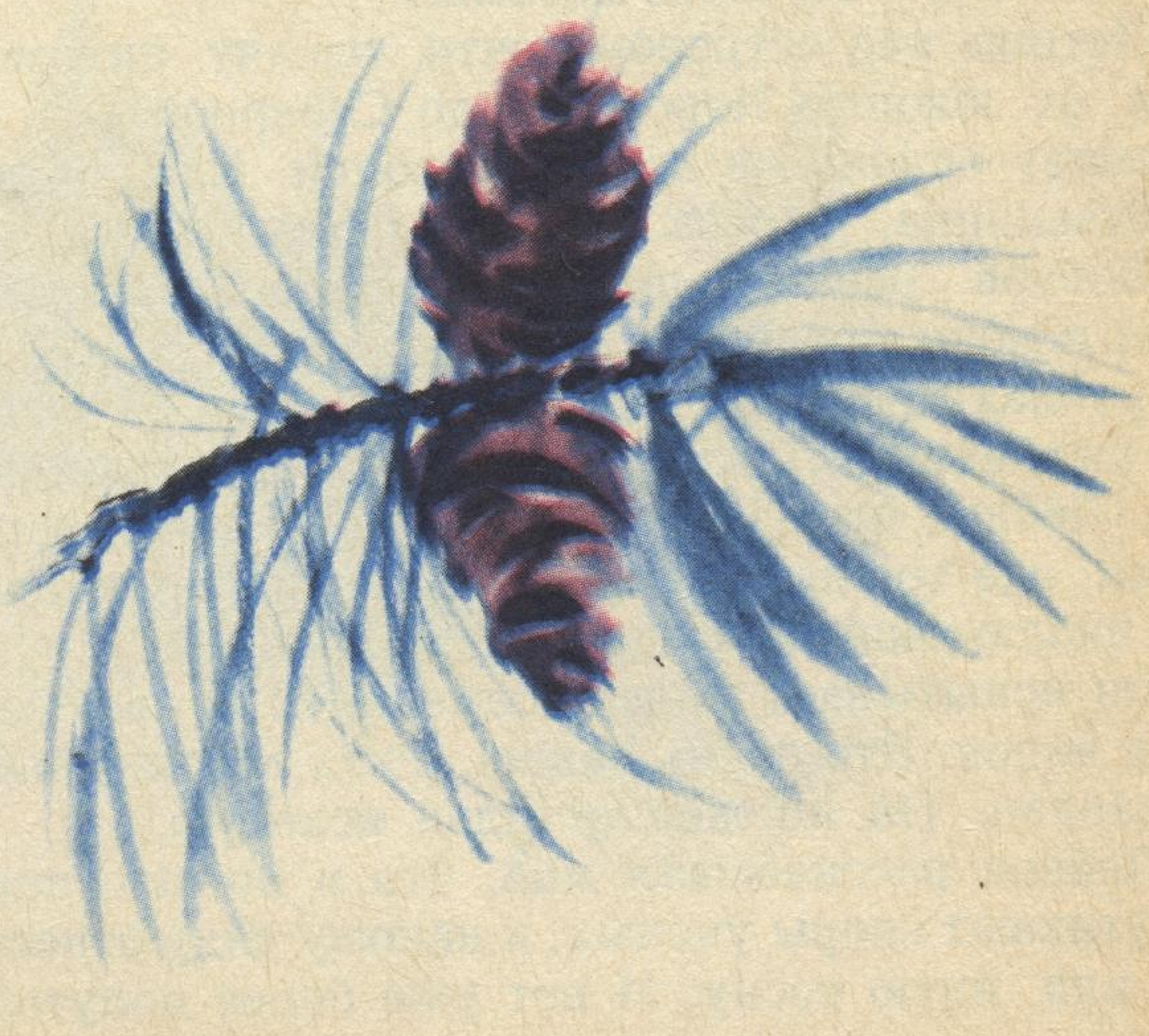
Мы не раз говорили об этом с Лебковым. Он верит: сосна внесет поправки в учебники и лесные карты. Я с ним согласен. Сосне надо лишь помочь. И она завоюет новые пространства.

Второе отступление

Несколько лет назад мне довелось побывать в Самаркандской области. Старый лесовод узбек Магды Сайдалиев повез меня в один из уголков пустыни под названием Аман-Кутан.

Все было удивительно. Даже то, что Сайдалиев, сын потомственных хлопкоробов, человек, выросший в Каракумах, выбрал профессию лесовода, никак не укладывалось в рамки привычных представлений.

Вскоре я увидел такой неожиданный для



Средней Азии сосняк. Издалека можно было подумать, что это мираж — такое поразительное зрелище. Не верилось собственным глазам. Но это был не мираж. Посадкам крымской сосны здесь сто лет. А как же многотомные труды, справочники «Деревья и кустарники СССР»? Нигде не упоминалось о сосне в Средней Азии. И тем не менее...

Высоченные стволы крымской сосны обступали меня со всех сторон.

Как здесь нужна и желанна сосна, трудно представить!

Дело в том, что деревья регулируют, словно насосы, уровень воды в речках и колодцах. Лес переводит поверхностный водный сток внутрь почвы. Согласитесь: это важно в пустыне, где вода — гость редкий и недолгий. Упрятать воду поглубже, не дать ей пропасть — это могут только деревья.

Сотни журчащих ручейков, берущих начало в Аман-Кутане, питают русло реки Зеравшан, которая, в свою очередь, разливает воду по каналам и арыкам. Так хлопковое поле принимает еще и дар хвойного леса.

Кто же создал в пустыне лесную дачу, кто привел сюда сосну? Мне с уважением назвали имя русского инженера Николая Ивановича Королькова. Никто не верил в его работу. Старые узбеки сосали трубки, пили зеленый чай, посмеивались: «Этот русский — чудак. Пусть сеет, кому от этого худо. Только не получится ничего. Саксаул? Пожалуйста. Джузгун — годится. Сосна? О, этот русский — чудак...»

Корольков сеял сосновые семена, взятые от крымской сосны, ухаживал за посадками, каждое деревце берег, как драгоценность. Леса Корольков не увидел. Не успел. Такова часто участь лесовода: жизнь его короче жизни дерева.

Как обидели пицундскую сосну...

Сахалин... Он богат лесами.

Летишь над островом почти тысячу километров от южного Корсакова до Северной Охи — и внизу сплошные лесистые сопки. Ель, пихта, лиственница, береза. А сосны нет. Не растет.

Лебков решает пойти наперекор природе. Дни и ночи проводит он с друзьями в тайге, на вырубках, пустошах. С сопки на сопку — десятки километров... Здесь начинаются первые опыты. Лебков шагает в тайгу, вооруженный записями, где точные расчеты биолога перемежаются наблюдениями гидролога, почвоведа.

Он испытывает многие семена, от самых разных видов. Это очень важно. Риск должен быть оправдан. Он не желает идти вслепую.

Лебков рассказывал мне, что и по сию пору не утихают споры ученых, к какому виду отнести ту или иную сосну. И вот уже более полутора веков продолжается работа, связанная с происхождением сосны.

На черноморском побережье, на мысе Пицунда, растет замечательная сосновая роща. Прежде чем она получила свое окончательное имя, с ней произошла целая история.

В начале прошлого века эту сосну выдавали за другую — за эльдарскую, что растет в Эльдарской степи, в Закавказье. Обе они засухоустойчивы, любят тепло, свет, охотно селятся на каменистом грунте. Но один ли это вид — сосна эльдарская и та, что растет на мысе Пицунда, черноморка, не боящаяся морских ветров, соленых морских брызг?

Это решил проверить основатель Никитского ботанического сада в Крыму ботаник Христиан Стевен. Он внимательно пригляделся к красавице сосне на Пицунде. Эльдарская ли? У той длина хвоинок не превышает двенадцати сантиметров. А сосна, выбежавшая к морю, несла хвоинки куда более длинные — до двадцати сантиметров. Да и хвоинки помягче, чем у той, что растет в степи.

Стевен заметил и немало других отличий. Он подробно описал сосну на Пицунде и опубликовал в 1838 году статью в журнале московских естествоиспытателей.

И вот спустя несколько лет после Стевена путешествовавший по России ученый Штрангвайс послал английскому ботанику Гордону древесную шишку с мыса Пицунда.

Гордон обрадовался посылке. Он исследовал шишку. Что-то новое. Незнакомый науке вид! И этот вид внесли в ботанический индекс одного из английских ботанических садов. Сосна с Пицунды значилась как сосна Гордона и Штрангвайса. В описании этого вида не указывалось ни место ее произрастания, ни имя ее первооткрывателя. Самое печальное, что и в самой России черноморку узнали под именами двух заморских ученых.

И лишь сравнительно недавно благодаря розыскам и исследованиям советских ученых сосне-черноморке вернули ее имя — «пицундская», в латинское ее название внесли фамилию Стевена.

Теперь лесоводы знают, что семена сосны эльдарской можно сеять в одном месте, семена пицундские требуют и иного климата и несколько иного ухода.

«...И что ни лист, то жизни пламень»

Лебков останавливается на семенах сосны обыкновенной. Сосна-путешественница. Крымская сосна в основном замкнулась границами полуострова. Пицундская ненамного уходит дальше своего мыса. А дерево со скромным, ни на что не претендующим именем «обыкновенная» покрывает собою Сибирь, Урал, дотягива-

ется до Полярного круга и выбегает к Татарскому проливу.

Первый посев. Весной бросили в сахалинскую землю темно-бурое сосновое семечко, и через пять недель оно проклюнулось, дало всход.

Что будет дальше? Он этого пока не знает. Он знает, как должно быть, как это бывает на далекой родине, на Брянщине.

И лесовод уже мысленно видит: расправляется стебелек с почкой на конце. Он еще ничего не говорит неопытному глазу, а специалист угадает в нем независимое деревце. Будущей весной вырвется наружу новый побег. И на тупом своем кончике опять выпустит почку величиной с дождевую каплю. И так будет несколько лет, от почки к почке, от весны к весне будет тянуться вверх сосенка, подтягиваясь и каждый раз заботясь о новом побеге. К началу июля третьего года вытянувшийся побег окрасится зеленой хвоей, пушистой, постепенно твердеющей, колкой, игольчатой. На молоденьких соснах еще никто не увидит шишек. Они пока только задуманы деревом. Шишки появятся лет через тридцать, а то и сорок, каждая не больше вишенки. Две-три шишечки на ветке.

Так должно быть. Лесовод хочет, чтобы было так. Но сеянцы сосны заболели. Пожелтела, пожухла хвоя. Беда! Лесовод прописывает деревцам минеральную подкормку. Зеленый доктор, он испытывает на заболевших сосенках разные дозы кальция и азота. Рецепты, рецепты... За сеянцами ухаживали, как сиделки за больными.

Месяцы шли, годы. Люди, сажающие леса, обладают дивным свойством — ждать. Они умеют ждать. И Лебков ждал. И в этом ожидании рождался новый жизненный опыт, вера в свой дерзкий замысел.

«И что ни лист, то жизни пламень» — напишет Лебков.

Выяснилось: сосенкам тесно. Густо посеяли. На гектар высаживали около восьми тысяч деревьев. Затеняют деревца друг друга. Начали высаживать вдвое меньше. Пусть вбирают больше солнца, неба. Но тут притаившийся до поры до времени, как враг в засаде, пошел в стремительный рост бамбук. К такому соседству сосна не привыкла. Бамбук забивал деревья. Сосна не выдерживала противоборства. Лебков вновь делает вывод: может быть, сахалинский снеголом в союзе с бамбуком и не давал сосне равноправно войти в сахалинский лес?

«Будем вспахивать участки», — сказал Лебков. Плуги разворачивали дернину с бамбуком. Временами, когда от усталости ломило плечи, Лебков раскрывал блокнот. Родился не сухой отчет — родилась новая книжечка стихов «Летящий лес». Это был рапорт поэта и лесовода. Летящий сосновый бор, словно на зеленых парашютиках-кронах, опустился на островную землю.

Взгляд в будущее

У сосны древняя история. И большое прекрасное будущее. Когда-то ученый сказал: «Человек следовал за лесами, пустыни следовали за человеком». Сосна должна прийти за человеком в те районы, где леса нет.

Это подтверждает не только лесная дача Аман-Кутан. Бор на выжженных солнцем пространствах возможен. В одном из крупных городов Кызылкумов, Навои, поражает изумительная архитектура, фонтаны, бассейны. Но главным образом зелень. Двухкилометровая по ширине лесная лента опоясывает город.

Жофруа де Кастро, автор книги «География голода», побывав в этих местах и увидев лес в пустыне, восторгался: «Этот опыт укрепляет надежды человечества на будущее». Хочется видеть в пустыне побольше таких оазисов. Это в человеческих силах. Какого цвета солнце в пустыне? Оно может и должно стать зеленым, светить сквозь ажурную крону сосны. Уверен, ей выпала доля вместе с другими деревьями изменить лик этих мест. Для этого нужны люди, настойчивые и одержимые. Как инженер Корольков. Как лесовод Лебков.

Рита ПЛЕСКАЧЕВСКАЯ
посвятила стихи своему отцу-майору
и брату — рядовому Советской Армии.
Живет Рита в Туркмении.

* * *

На море, в тайге и в пустыне,
В свирепую вьюгу и дождь
Ты, верный защитник России,
Солдатскую вахту несешь.

Пусть воют метели со свистом,
О землю колотится град,
Твой взор день и ночь неусыпен,
Послушен руке автомат.

*

Андрей ИВАНОВ
тоже москвич.
Сейчас он учится в ПТУ,
а это стихотворение
он сочинил, когда был
в восьмом классе.

* * *

С листика осины
Каплей минерала
На ладонь, в малину,
Звездочка упала.
Это не малинки.
Это капли крови
Санитарки Нины
На моей ладони.
Боль войны поэту
Память завещала,
Чтобы нес по свету
Мирные начала.
Чтобы град росинок
Был в моей ладони
Красною малиной,
Но не горсткой крови!

*

Эти стихи сочинила москвичка
Лена КОЛМАНОВСКАЯ.
О себе Лена рассказывает:
«У нас в школе интересно.
Очень хорошие учителя.
Я люблю математику,
особенно хитрые задачи.
Еще люблю бегать, прыгать,
кататься на велосипеде.
Интересуюсь языками
и историей их происхождения».

ГАСТЕЛЛО

День. Машины фашистские
Теряются вдалеке.
Повел самолет Гастелло
В последнее пике!
В душе его нет смиренья,
Он отважен и смел.
Огромную силу воли
Найти он в себе сумел!

*

Зарема ДЖАМАЛУДИНОВА
живет в далеком Дагестане,
в поселке Огни.
Она учится в пятом классе.

* * *

Мерцают звезды в небе ночном,
Мерцают звезды золотым огнем,
Звезды не только на небе горят,
Они на груди у героев блестят.
Звезды, звезды, всюду они
Зажигаются, словно огни.
Есть звезды у наших ребят,
Смелых, честных октябрят.
Главные звезды в нашей стране
Освещают ленинский путь мне.
Они переливаются на Кремле,
Гордо сияя на советской земле!

«Автопортрет».
Рисунок Марины НАПАЛКОВОЙ.
Она занимается в изостудии
Дворца пионеров г. Горького.

«Прыжок». Рисунок югославского школьника Дарко ВЕЛИМИРОВИЧА.

Стихи Ани КУЗНЕЦОВОЙ, восьмиклассницы из Баку.

ГОРОД ЛЕНИНА

Ветром Балтийского моря овеяны,
Плещутся синие воды залива...
Назван тот город именем Ленина —
Самым любимым, самым счастливым.

Ленин повел за собою рабочих,
Пламенем «Искры» мир зажигая.
Здесь он свободу народу пророчил —
Помнит все это Нева голубая.

Город-герой, ты держался в блокаду,
Каждой секундой, что вечностью стала.
«Враг никогда не пройдет к Ленинграду»,—
Здесь повторяли и старый и малый.
Люди свой город к весне возродили,
Гордым упорством сломили фашистов,
Сердца теплом холода́ растопили,
Сделали небо спокойным и чистым.

*

Оля ЕФАНОВА из Красноярска очень любит стихи. Оля много читает. Недавно она прочитала сборник стихов ленинградской поэтессы Ольги Берггольц.

* * *

Читаю стихи Ольги Берггольц
Со страхом и с восхищеньем.
Читаю, а в сердце какая-то боль
Является на мгновенье.
Читаю и понимаю я:
Как перед ней я слаба!
«Ольга,— спрошу себя, не тая,—
Ольга, ты так смогла б?»
Живу на земле я, не зная зла,
Ясному солнцу рада.
Но я бы, как Ольга Берггольц, жила,
Если б жила в блокаду.

Наташа АНТОНОВА, пятиклассница из города Ростова-на-Дону, юнкор Дворца пионеров.

БЕЛКА

На опушке леса стоит небольшой дом. Там живет охотник Павел Петрович с женой и детьми Валентином и Танюшкой. Сегодня, как и всегда, ранним утром охотник ушел в лес и долго не возвращался.

Вот наконец он постучался в дверь. Дети наперегонки побежали открывать. На пороге стоял отец, но без дичи. Не успел он снять валенки, как из-за пазухи выскочил серый мячик. Белка! Дети подарку очень обрадовались.

За обедом Павел Петрович рассказал историю белки: про хищную лису, которая украла белку-мать, про снег, засыпавший следы лисы, про одинокую белочку, которую он подобрал.

Белку решили назвать Сироткой. Валя поставил на шкаф ящик со всеми удобствами для Сиротки.

На следующее утро белку не нашли — облазили весь дом: нету! Сиротка выдала себя упавшей шишкой. Белочка сидела на люстре и с любопытством разглядывала открытые от удивления рты.

Она быстро привыкла и стала ручной. Однажды Таня, собираясь в школу, оставила портфель открытым. Сиротка увидела сухарики в портфеле и одним прыжком очутилась там.

В школе белка внезапно выпрыгнула из портфеля, на уроке спокойно разгуливала по классу и даже сидела у учительницы на плече. Все ребята были от нее в восторге. Чтобы белку не выгнали из класса, они сидели тихо-тихо.

Теперь Сиротка живет в школьном уголке «Родной край», и ей там не скучно.

БУЭНОС ДИАС, РИКАРДО!

Маркос ЭСПЕРА

Рисунки А. БОРИСОВА

Окончание. Начало в № 1.

Как я ездил на остров Пинос

Я хочу рассказать вам об острове Пинос, самом большом из множества островков, что окружают Кубу. Я побывал на Пиносе во время каникул со своими родителями. За хорошую работу маму премировали путевкой, по которой она могла взять с собой папу и меня.

Я уже говорил, что если смотреть на Кубу сверху, то она похожа на большого крокодила. У его хвоста виднеется маленькое пятнышко — это остров Пинос, Сосновый остров. Кубу окружают 1600 островков, таких маленьких, что их не наносят даже на карты.

Некоторые из них не больше футбольного поля. Чаще всего это голые, скалистые острова, но есть и такие, на которых растут пальмы и кустарники, они оторочены пляжами с чудесным белым песком.

У острова Пинос давняя история.

В июне 1494 года Христофор Колумб, открывший этот остров, назвал его островом Евангелиста. Другие мореплаватели давали ему другие имена. Последнее свое имя остров получил от сосен, покрывающих его («пино» по-испански «сосна»). Площадь острова равна 2199 квадратным километрам. В недрах невысоких горных кряжей таятся большие запасы мрамора.

Его реки несут свои воды на север, в ту часть Карибского моря, где оно особенно прозрачно и где некогда были пристанища пиратов, совершавших отсюда набеги на американские земли.

В истории острова Пинос есть мрачные страницы: здесь находилась так называемая Образцовая тюрьма, построенная во времена диктатора Херардо Мачадо. В ее казематах томились выдающиеся борцы революции Пабло де ла Торрьенте Брау, Хуан Маринельо, Рауль Роа, патриоты, во главе с Фиделем Кастро штурмовавшие казармы Монкада.

После победы революции в 1959 году жизнь на острове стала иной: теперь здесь много молодежи. Приезжают сюда не для того, чтобы искать сокровища пиратов, а чтобы самим создавать сокровища.

Путешествие наше началось интересно. Я сидел на переднем сиденье автобуса, откуда все видно, как на ладони. Рядом со мной— мужчина. Рука перевязана. На коленях у него мешок, а к мешку привязан узелок, в котором лежали вареные яйца, помидоры, хлеб и сыр. Мы быстро с ним подружились. Звали его Эсвелио, он был вакеро. Так в некоторых странах Южной Америки называют ковбоев.

— Что у вас с рукой? — спросил я.

Он пробормотал: «Да, вот незадача. Недавно мне нужно было согнать в стадо три дюжины быков. Они были здорово искусаны слепнями и бегали как очумелые. Они стали теснить меня к ограде загона. Я неудачно спрыгнул с лошади и повредил руку».

Наши вакеро умеют скакать, как дьяволы, они очень сильные и выносливые люди. В этом можно убедиться на родео, которые проходят каждый год на большом гаванском стадионе. Здесь вакеро должны мгновенно с помощью своего лассо отловить быка. Или вакеро скачут на конях по арене, где бегает грозный, разъяренный бык. Вакеро должен проскакать мимо него, на полном скаку — с лошади! — прыгнуть на быка и, ухватив за рога, повалить его на землю. А еще вакеро скачут на быках! Конечно, на нем долго не удержишься: бык встает на дыбы, подкидывает задом, а у вакеро нет ни уздечки, ни седла. Вот бык и прыгает и скачет, пока не свалит с себя седока. '

Кто больше всех удержится на спине быка — тот победитель.

У них серьезная работа. Они должны уметь ухаживать за животными, заботиться о корме и воде для скота, объезжать молодых лошадей и много всякого другого. Эсвелио рассказал мне, что он учился в знаменитом нашем племенном хозяйстве.

— Я думаю,— сказал я Эсвелио,— работа вакеро очень тяжелая.

Я это сказал не для того, чтобы его утешить, я и вправду так думаю. Но Эсвелио не согласился со мной. Он считал, что работа шахтера или докера не легче.

— Не говоря уже о мачетеро, которые убирают сахарный тростник! — грустно добавил он.

Сафра

С Эсвелио нельзя не согласиться. Работа на поле сахарного тростника чрезвычайно тяжелая. Тут мне кое-что надо вам объяснить.

Сахарный тростник достигает двух метров. Он похож на толстый высокий камыш. Сахарный сок в стебле тростника. Его срубают под корень ножом-мачете — тяжелым, острым тесаком, а потом разрубают еще на несколько кусков. Но сначала нужно удалить листья — в них нет сахара. Мачетеро за смену делает не меньше трех тысяч ударов. Это тяжелая работа! Кости ломит. Люди, которые не привыкли к такой работе, вначале каждую минуту переводят дух, а вечером сами, как подрубленные, валятся в гамаки. Но постепенно они привыкают.

Комбайнов на Кубе пока еще не хватает. К тому же их нельзя применять там, где много камней, или там, где слишком мягкая почва. Вот на таких полях и работают мачетеро.

На Кубе любят и уважают мачетеро. Эта профессия такая же древняя, как хлебопашец. В тридцатиградусную жару и при стопроцентной влажности не только махать тяжелыми мачете, но и дышать тяжело.

Сообщения о ходе сафры печатают на первых полосах газет. Они похожи на сводки с фронта. У нас есть мачетеро-профессионалы и такие, которые только во время сбора урожая добровольно выходят на поле: студенты, рабочие, служащие.

Самая новейшая машина для резки сахарного тростника называется КТП-1, ее сконструировали кубинские и советские инженеры. Одна машина заменяет труд ста пятидесяти мачетеро.

Срезанный тростник везут на сахарный завод, где из него выжимают сок, из которого получают сахар и ром. Спрессованный сухой тростник используется как строительный материал.

В нашей стране много сахарного тростника. Кубинский сахар пользуется спросом во многих странах мира.

«Моя Родина кажется сахарной, но сколько горечи в ней»,— писал поэт Кубы Николас Гильен.

Революция 1959 года сделала сахар сладким для всех кубинцев.

Путешествие продолжается

В Батабано у мола уже стоял паром. Паром перевозит на остров Пинос людей, машины и грузы.

На берегу сидели рыбаки и испытывали свое рыбацкое счастье. Тут же сушились сотни губок. Они попадают иногда в сети рыбаков. Встречаются крупные, величиной с подушку.

На пароме было несколько ребятишек, и мы весело провели время. Жаль только, что ни один из них не умел играть в шахматы. Домино, шахматы и шашки — любимые игры кубинцев.

Мы поиграли в прятки и в «сосчитай до десяти», а потом мне это надоело.

Я пошел к родителям, которые уже собирались меня искать. Рядом с ними сидели двое товарищей. Когда я подошел, они подвинулись, уступая мне место.

— Твои соседи,— сказала мама,— геологи.

Они работают на острове. А этот товарищ — автор книги, которая лежит на столе.

Я из вежливости взял книжку и полистал ее. В ней были схемы, чертежи и много цифр.

Прерванный моим появлением разговор возобновился.

— А знаете ли вы,— сказал геолог,— что именно остров Пинос послужил писателю Роберту Стивенсону прообразом для книги «Остров сокровищ»?

— Нет,— ответила мама.— В первый раз об этом слышу!

— Этот факт не был широко известен,— объяснил геолог,— потому что из биографии Стивенсона никак нельзя сделать вывода, что он когда-либо бывал на Кубе.

— И в те времена существовали географические карты,— вмешался папа.— Писатель

мог ориентироваться на описания Соснового острова.

Так они рассуждали, а я загляделся на море.

Море здесь не очень глубокое, не глубже трех-четырех метров, но вода такая прозрачная, что можно разглядеть его дно: камни, губки, кораллы, водоросли и множество разноцветных рыб.

На мелководье с песчаным грунтом акулы встречаются реже. Их иногда можно увидеть у входа в гаванский порт. Море там глубокое, а на дне — рифы и скалы. Охотники за акулами обычно уходят в море на пять — десять миль.

Там улов самый хороший. Акул они ловят с помощью толстой лески, на конце которой

насажены большие и прочные крючки. Наживка — макрель или сардина. Из плавников акулы готовят вкусный суп, из печени добывают рыбий жир.

У острова Пинос рыбаки ловят еще морских черепах и лангустов.

Еще два часа — и перед нами остров Пинос.

Паром заходит в устье реки Нуэва и причаливает к берегу.

На стене большого портового склада огромный плакат: «Приветствуем Вас на острове юности!» Но и без этого плаката каждый сразу заметит, что это молодежный остров, кругом парни и девушки. До победы революции на острове Пинос жили рыбаки, углежоги, охотники за крокодилами, крестьяне. Все — бедняки. На острове был только один врач, а больницы вообще не было. Учителей было пятеро.

Остров этот богат! Здесь можно выращивать пшеницу и цитрусовые. Грейпфруты здесь лучшие во всем мире. Крупные, как волейбольные мячи, с розовой мякотью и невероятно сочные. На острове есть мрамор и каолин. Залежи черного мрамора прямо на берегу. Неутомимое море вымыло и вылизало это месторождение, и весь пляж Бибихагуа покрыт черным песком! Это очень любопытное зрелище — черный, как сажа, пляж.

После победы революции правительство обратилось с призывом обработать эту целину. Нужно было много рабочей силы. И Союз молодежи взялся за освоение острова. Вот почему сегодня остров Пинос называют островом молодежи.

Как я стал пионером

Случилось это 4 апреля, в день рождения нашей пионерской организации.

В пионерскую организацию нас принимают в первом классе. Учебный год начинается 1 сентября, а прием в пионеры происходит либо 28 января, в день рождения Хосе Марти, либо 4 апреля.

Станешь ли ты пионером, зависит от того, как ты учишься, от твоего прилежания и стремления к знаниям.

Каждый пионер должен знать историю и обычаи пионерской организации, Гимн, Государственный флаг и Герб Республики.

Все экзамены я сдал еще за несколько дней до приема в пионеры. И все же утром 4 апреля очень волновался.

На площади Революции у памятника Хосе Марти кубинцы приветствовали Леонида Ильича Брежнева, Юрия Алексеевича Гагарина и Сальвадора Альенде. Здесь проходят майские парады. И я разволновался еще больше оттого, что здесь я вступаю в пионеры.

Нас было восемьдесят мальчиков и девочек. Впереди — совет дружины школы, знаменосец со знаменем, рядом — ассистенты. Пока мы строились, двое барабанщиков били дробь.

Потом все стало тихо. Прозвучало торжественное обещание. Его произносили все вместе.

После этого нас приветствовали родители, учителя и старшеклассники. Мы пели революционные песни и ушли с площади под барабанный бой. У каждого на груди был пионерский галстук.

Этот день я запомню на всю жизнь.

Как мы учимся

Еще в 1961 году почти миллион кубинцев не умели ни читать, ни писать, школ в стране не хватало. Именно тогда ввели обязательное шестиклассное обучение.

Хосе Марти как-то сказал: «Быть образованным, чтобы быть свободным!» Поэтому наше государство сделало все, чтобы избавить народ от неграмотности.

В том же 1961 году молодежь отправилась в деревни, где неграмотных было больше всего. Вернувшись после тяжелой работы с полей, крестьяне садились за парту. Это вызывало еще большую ненависть у наших врагов. Они убили несколько молодых учителей. Среди них был восемнадцатилетний Конрадо Бенитес.

Теперь даже в самых удаленных уголках нашей страны построены новые школы.

Большую часть дня маленьких кубинцев занимают занятия в школе и подготовка домашних заданий. Мы учимся часов до четырех, если считать с работой в поле, на пришкольном участке, где пионеры сами выращивают овощи для школьной столовой.

Как я держал ответ

Обсуждение рассказа, который я написал, прошло довольно торжественно. Товарищ Леон, наш классный руководитель, пригласил мальчиков и девочек и нашего директора. Мы сели вокруг стола. Перед каждым стояла тарелка с пирожными и стакан апельсинового сока.

Директор встал и сказал:

— Вы все читали, что написал Рикардо. Он выполнил свое пионерское поручение: рассказал о нашей стране много интересного. Хотелось бы услышать ваше мнение.

Слово взяла член совета дружины Маргарита, симпатичная черноволосая девочка с косичками.

— Рикардо ничего не рассказал про Ленинский парк и Ленинскую школу.

Конечно же, Маргарита права! Надо добавить.

Руку подняла Эльза. У нее очень тоненький голос, за что ее прозвали лягушонком. Прозвище ей очень подходит — она юный натуралист.

— Рикардо, а где же в твоем рассказе фламинго, пеликаны? И наши редкие фрукты: мараньон, каймито, сапоте, анон и гуанабана?

— Про фламинго и пеликанов я расскажу,— сказал я,— но вот редкие фрукты... Как их описать?

Меня поддержал Эрнесто.

— В самом деле, как описать, например, мараньон. Маленький такой фрукт, кисловатый, щиплет язык, мякоть красно-розовая, косточки черные... Пока его не попробуешь, все равно не узнаешь.

Мануэль, руководитель нашего школьного оркестра, сказал:

— Мне кажется, Рикардо мало рассказал о музыке. У нас тысяча самодеятельных оркестров. И сколько среди них пионерских!

— Мануэль прав,— заметил директор.— Музыка это еще и оружие в борьбе. Вспомните о песнях, в которых кубинцы выражали свою веру в победу революции, ненависть к диктатуре и эксплуатации. Многие не умели читать и писать, а песни эти пели!

Снова заговорил Мануэль:

— Знают ли советские ребята, что на Кубе родились такие танцы, как ча-ча-ча, румба, гуахира? На Всемирных фестивалях молодежи и студентов кубинская делегация с ее оркестром и танцевальными ансамблями пользовалась большим успехом.

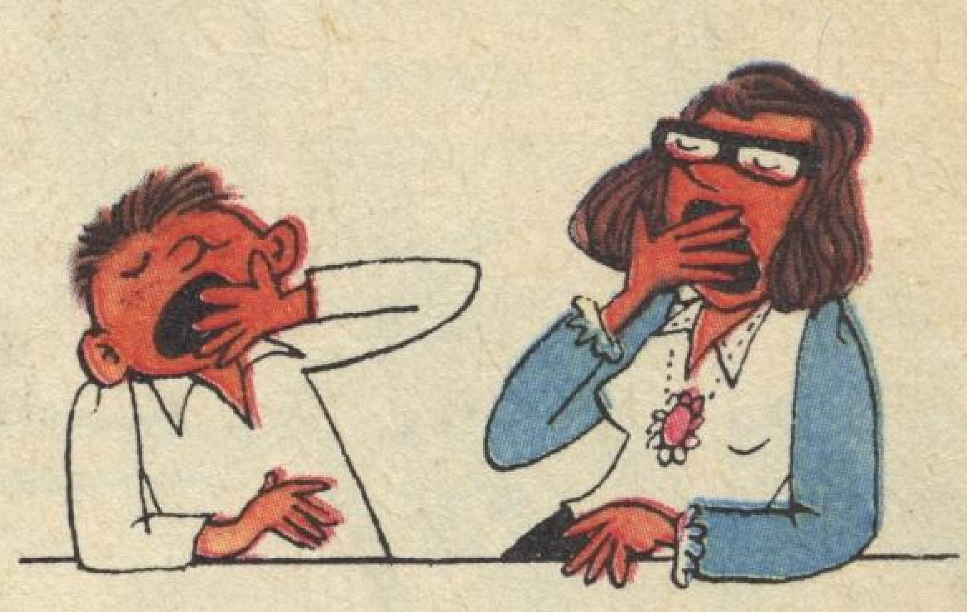
— А наши карнавалы! — вдруг воскликнул Хулио.

Я подавленно молчал. Ни в чем так не выражается характер кубинского народа, как в карнавале!

Наконец снова взял слово директор:

— Это все правда. Рикардо кое-что упустил. О нашей стране можно написать тысячи страниц, и всего не расскажешь. И все-таки о главном Рикардо рассказал. Я хочу поблагодарить его, он старался познакомить с нашей страной ребят, которые поедут на Кубу, чтобы участвовать в детской программе Фестиваля. И тем, кто не приедет на Фестиваль, его рассказ поможет лучше представить нашу чудесную родину.

Что мне сказать? Я был счастлив!



НЕВЫДУМАННЫЕ ДИАЛОГИ

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Как люди узнали, что земля шарообразная?
Ученик. Глядя на глобус.

Максим Фролов,
г. Москва

Учитель. Ребята, какие бывают карты?
Ученик. Физические, геологические, топографические, часовых поясов.
Учитель. Правильно. А по масштабу?
Ученик. Мелкокалиберные...

Валера Кудряшов,
г. Бишкаил, БАССР

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

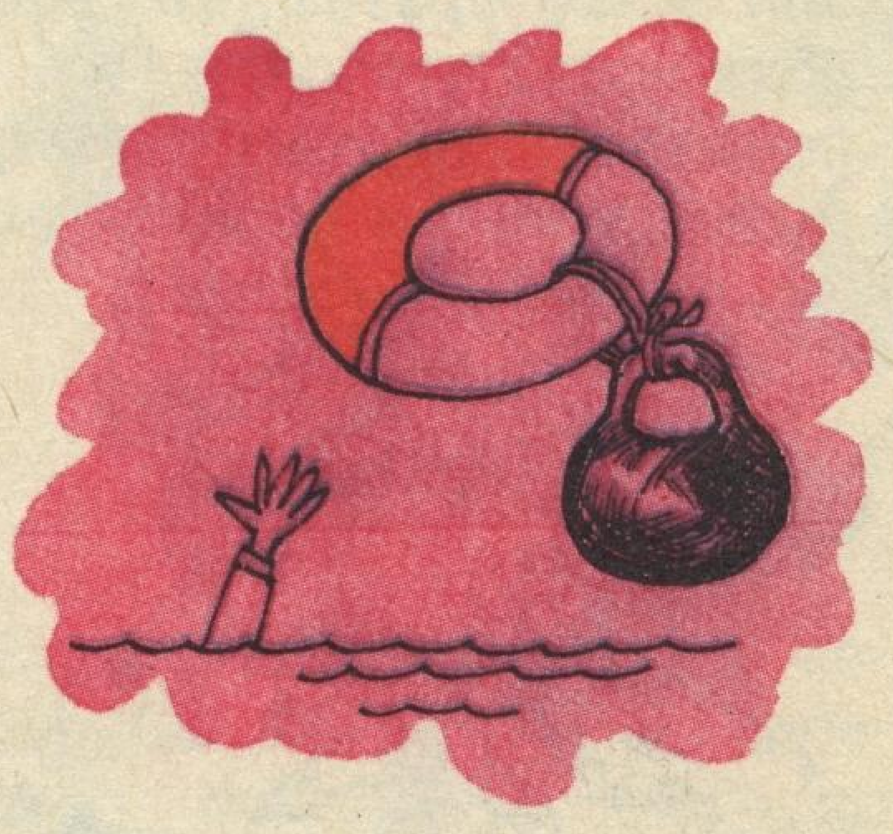
Учитель. Назовите безмоторный летательный аппарат.
Ученик. Птичка.

Сережа Беляков,
г. Саратов

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

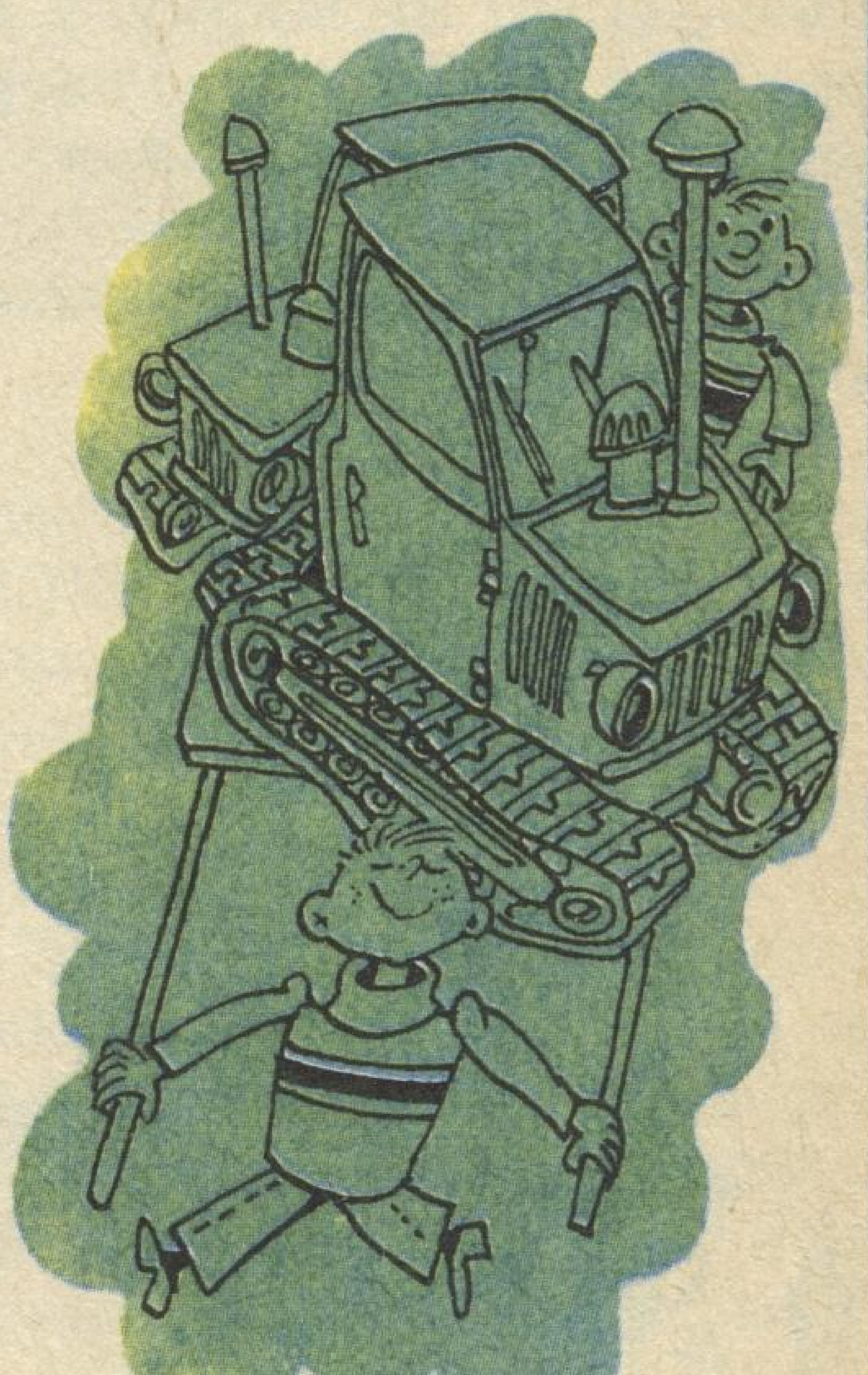
Учитель. Тема урока — «Устаревшие слова». Вы знаете, кто такой барышник?
Ученик. Это человек, который не работает, а только за барышнями ухаживает.

Юля Савкина,
г. Тольятти,
Куйбышевская область



Учитель. Придумайте предложение с фразеологическим оборотом «бить баклуши».
Ученик. Я помогал сестре бить баклуши.

Шолпан Абишева,
г. Павлодар



ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

«Отец наш жаловал вам шубу и лошадь со своего плеча».
«Если наш товарищ будет тонуть, мы ему поможем».
«Язык у Базарова был тупой, но потом заострился в спорах».
«Зимой волки собираются в стаи по 10—12 человек».
«В этом рассказе была моя первая встреча с Гулливером».
«Лошадям князя и дружинникам надо было давать овса «сколько съедят».
«В субботу мы поехали убирать картошку. До обеда мы насобирали два трактора».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА. Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Слова иллюзионисты

Лев УСПЕНСКИЙ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Вы, наверное, видели по телевидению кого-нибудь из известных иллюзионистов?

Выходит на эстраду сгорбленная старушка и лопочет что-то смешное. Потом она на одну секунду заходит за стоящую тут же ширму, и появляется уже клоун со здоровенным носом и хохлом на голове.

А есть и слова иллюзионисты.

Если бы лет двадцать назад вы сказали: «Дай-ка мне перышко!», вам наверняка подали бы металлический (стальной) заостренный предмет — орудие письма.

Если бы ту же самую просьбу произнес ваш прапрапрапрадедушка лет двести назад, он получил бы от своего приятеля небольшое куриное или, может быть, голубиное перо. Зачем? Ну мало ли зачем! Попускать его летать по воздуху, дуя на него снизу, чтобы оно поднималось... Играть...

Впрочем, если бы такой разговор произошел лет сто или сто двадцать назад, между вашим просто прадедушкой и его братом, то вполне возможно, что один из них подал бы другому заостренный и коротко обрезанный, с расщепом на кончике кусок птичьего, всего вероятнее г у с и н о г о, пера. Зачем? Чтобы просивший мог вставить его в деревянную, костяную, бронзовую «ручку» и начать выводить им буквы по бумаге.

Странное дело: в разное время одно и то же слово «ПЕРО, ПЕРЫШКО» имело совсем разные значения...

Я вам скажу больше: складной ножичек, который мы с вами теперь зовем просто «карманным», полвека назад все мальчишки звали **«перочинным»** ножом. Какое странное слово: «перочинный»! Кто же «чинит перья»?

Ничего странного! Когда люди писали не стальными перьями, а птичьими, их приходилось от времени до времени «чинить» или «очинять» — острить: заостренный кончик пера так и звался «очин».

Теперь уже лет сто с лишним никто не «чинит» гусиных перьев, но карманные ножички по старинке все еще называют «перочинными». А чему тут удивляться? Рядом со словами иллюзионистами, легко меняющими свой смысл, живут и слова-староверы: будучи созданными для какой-то одной цели, они продолжают называть ее упрямо, хотя сама цель настолько переменилась, что ее уже и узнать нельзя.

Я сказал: «Часы!» Что вам подумалось, что нарисовалось перед вашим взором? Может быть, часы на Спасской башне Кремля — огромный циферблат с огромными стрелками. Может быть, те часы, что тикают у вас на стене «общей» комнаты — самой большой в квартире... Может быть, папины красивые наручные часы, с календарем и длинной секундной стрелкой — самозаводящиеся, противоударные. Словом, какой-нибудь прибор для измерения времени. С «боем» или «без боя».

А живи вы в дни Владимира Мономаха или Ивана Калиты, и произнеси при вас кто-нибудь такую вот странную фразу: «Ну, сынок, все ли ты **часы** отстоял?» — вы удивились бы? Ничуть! А что представилось бы вам при слове «ч а с ы»? Темная церковь, клубы сизого ладанного дыма, и гнусавый голос дьячка, читающего по **«Часослову»** определенные молитвы, — «часы».

Никаких механизмов, подсчитывающих время, тогда еще не существовало, а слово ЧАСЫ уже жило. Слово ЧАС означало одну двадцать четвертую часть суток. Могло оно значить и вообще некий момент времени. «Близок уж ЧАС торжества моего!» — поет трус Фарлаф в опере Глинки «Руслан и Людмила». И нет никакого сомнения, что, когда были построены первые **«часы»**, и их назвали «ЧАСАМИ» — для большинства русских людей слово это прозвучало дико: из простого слова оно вдруг стало словом иллюзионистом, получило совсем новое значение. А потом постепенно все привыкли к этому, для нас теперь более непривычно звучит выражение «отстоять ЧАСЫ», чем «ЧАСЫ отстают».

Если я говорю: «Я был совершенно изумлен», вы прекрасно понимаете, что это значит: «Я был УДИВЛЕН до предела».

Но навряд ли вы сразу поймете фразу из документа XVIII века: «И кого на дыбе кнутом долго бьют, тот весьма ИЗУМЛЕН бывает».

Неудивительно ваше непонимание: в XVIII веке «ИЗУМИТЬ» значило «свести с ума», «довести до безумия».

Потом слово это стало употребляться в п е р е н о с н о м значении: «удивить до потери рассудка». И, наконец, старое его значение «лишить ума» забылось! Говоря «изумительно вкусный торт!», мы теперь вовсе не думаем, что, поев этого торта, можно сойти с ума...

Но ведь было же, наверное, время, когда одновременно жили еще ОБА значения слов «изумить», «изумленный», «изумление».

Было! Когда в «Капитанской дочке» мы читаем, что Гринев «к неописуемому своему ИЗУМЛЕНИЮ увидел среди мятежных старшин Швабрина», — мы понимаем: он просто ОЧЕНЬ УДИВИЛСЯ. Пушкин хотел сказать именно это.

А вот когда «Спящая царевна», внезапно очнувшись в гробу среди темной пещеры, «ожила, глядя вокруг ИЗУМЛЕННЫМИ глазами», — тут это слово у Пушкина может означать уже и «удивленными» и «безумными».

Зачем я все это рассказываю вам? Чтобы вы раз навсегда уразумели, что нередко на наших глазах происходит довольно резкое изменение смысла слов. Этому не надо «изумляться» и тем более этого не следует п у г а т ь с я. В то же время неразумно и забегать вперед других: выдумывать новые значения вдвоем, втроем: «Будем вместо «урок» говорить «действие» и рассчитывать, что все за нами последуют». Этого не бывает. Чтобы слово приняло новое значение, надо, чтобы его в значении этом утвердил ЯЗЫК. А на это надо долгое время и настоятельная необходимость!

С новым у
год

Татьяна ПОЛИКАРПОВА

Листья будущего лета

ПОВЕСТЬ

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА

Пеньковская планета

Новая школа — это каждый раз как новая планета. Ты ступаешь на ее землю и не знаешь, кто тебе тут враг, кто друг. Вообще неизвестно, что за племена здесь обитают. Какие у них законы и привычки, чего здесь надо особенно опасаться.

А для меня не только школа новая начиналась: в пятом классе вообще все новое — и предметы и учителя. Но и этого мало. Само село Пеньки, где школа и этот пятый класс находились, было чужим.

Все совхозные ребята, кто окончил четыре класса, ходили в Пеньковскую школу, — семилетку. В совхозной-то было всего четыре класса.

Теперь эта новая пеньковская планета бушевала вокруг нас, совхозных. Нам кричали со всех сторон: «Совхозные! Совхозные приехали! Новенькие есть!»

От волнения, оттого, что никогда еще не видела сразу так много незнакомых ребят, я не могла уловить, запомнить хоть какие-то лица: они мелькали, похожие и разные, вокруг меня, я даже не пыталась всматриваться, — все силы свои собрала, чтоб сохранять на лице достойное спокойствие, чтоб не обнаружить, как мне страшно и одиноко. Все старшие ребята из совхоза, наверное, разбежались по своим классам, а моя подружка Зульфия болела, и первого сентября ее не было с нами. И чувствовала я себя в кутерьме чужого веселья такой заброшенной и маленькой, как... как щепка или соломинка в бушующем море.

И только утвердившись на своем месте за партой, словно на крохотном, но твердом островке, защищенная сзади ее спинкой, а спереди — довольно просторной крышкой, уперев ноги в надежно неподвижную перекладину, а лок-

ти в столь же надежную столешницу, я как бы вернулась сама к себе: «Чур меня, чур! Я не играю!» — зачуралась на время урока. Магический круг безопасности очертил вокруг меня звонок. Наконец-то все эти мелькавшие у меня перед глазами до звонка лица теперь устоялись над партами, не дробились больше, и можно было их рассмотреть и запомнить, хотя бы те, которые я видела со своего места, — оборачиваться я не решалась.

Но только мой взгляд скользнул вдоль голов, чтоб произвести разведку: кто есть кто, кто какой, какие все, — как мгновенно его перехватили. Над классом витал глаз нашего учителя. Это было так необычно, что сердце на миг во мне остановилось! Учитель русского языка, он же директор школы, смотрел в журнал, — он только начал читать список фамилий — один его глаз был опущен к столу — он же читал! — а второй — смотрел прямо на меня! Смотрел на класс!

Мало того, что учителя звали необычайно — Мелентий Фомич, у него еще было, как в сказке, недреманное око!

Я так и сидела, застыв, пока он не назвал моей фамилии. И она так отчужденно прозвучала в чужом классе, произнесенная чужим человеком с неслыханным именем и с невиданным глазом. Я встала за партой, внутренне окоченев. Так Хома Брут в «Вие» окоченел предсмертно, обнаружив себя для окружающих под указующим пальцем Вия: «Вот он!»

— Вот она, Плетнева! — грохнуло у меня в ушах, хотя я уже давно сидела в своем убежище и ничьи когти и зубы не тянулись ко мне. А несколько круглых белых пятен — лиц, обернувшихся на мое вставание, оборачивались уже к другим, кто подымался на голос учителя. Я просто физически сейчас ощущала, видела глазами других свое круглое голое лицо. Так мне казалось оттого, что сегодня впервые мои отросшие за лето волосы заплели в две косички. «Нехорошо, — сказали мне, — все здесь с косичками, а ты придешь в локонах».

*

Так погибла моя красота, которая только в это лето стала меня немного утешать. Обычно меня стригли коротко, волосы росли прямые и жестковатые, папа говорил, как лошадиный хвост.

Я никак не могла понять, что у меня за лицо: ничего себе или совсем отвратительное? Когда дома никого не было, я часами простаивала перед зеркалом. Я рассматривала свое лицо, пытаясь обнаружить в нем хотя бы следы красоты, описанной в моих любимых книгах. Нет! Ни огромных, как лесные озера, глаз Ревекки из «Айвенго», ни прекрасно бледных щек синьоры Боллы из «Овода», ни золотистых, как свежая стружка, и длинных, как водопад, волос Золушки не было у меня. И нос мой был хоть и прямой, но какой-то толстоватый, а щеки и вовсе круглые, а глаза вовсе светлые. Только и радости — что длинные ресницы, загнутые вверх, как у всей папиной родни. А волосы — гладкие, темные, челка закрывает лоб.

«Да, — думала я, созерцая все это в зеркале, — чего уж тут и смотреть. Одного взгляда достаточно. Но почему же тогда я не могу оторваться от зеркала? Нет, я его не люблю. Это точно. Но почему, почему так притягивает меня зеркало? Почему это неказистое отражение, — эти глаза, и лоб, и щеки, — почему это я?»

Смотрели на меня в упор светлые спрашивающие глаза. Глаза в глаза: это я? Это ты? Где я? И где ты? И кто ты?

Плавало лицо в голубой глубине стекла: не появится ли там прекрасный образ незнакомки? Нет, все то же надоевшее и ненаглядное мое лицо.

И вот, когда перед пятым классом, перед летом меня не постригли, как обычно, волосы отросли и изменили свойство. Вдруг пошла по волосам волнистость. Пряди надо лбом посветлели — выгорели, что ли? Чтоб они не лезли в глаза, бабушка собирала их с висков и над лбом и заплетала косичку. Она толстой колбаской лежала на затылке, а вдоль лица вились свободные, незаплетенные пушистые прядки. Над головой стоял светлый венчик. Щеки поэтому казались не такими уж круглыми. Конечно, лицо мое не изменилось, но хоть как-то украсилось.

Этим летом мы с девчонками, бегая на прополку в поле, пристрастились вить венки из выполотых васильков. Не пропадать же совсем без пользы такой красоте! Плели венки особенные, набирая в вязочку разом по пять-шесть цветков, и венок получался пышный, как шапочка. Он долго не вянул. Ложась спать, я вешала его на стул, утром надевала. Одного венка хватало на три дня.

Наверное, из-за этого яркого венка произошел тот случай. Однажды несколько городских девушек (они приехали в совхоз на уборку), встретив меня на полевой дороге, вдруг прервали свой щебет, но как только мы разминулись, я услышала, как одна из них сказала:

— Вот красивая девчонка...

— Симпатичная, — отозвалась вторая задумчиво.

Сердце мое замерло. Я не смела поверить своим ушам. Никто и никогда не говорил так обо мне. Ни мама, ни бабушка. И вот сказали чужие, сами прекрасные, как героини моих книг, городские девушки, к которым я не осмелилась бы и подойти, считая, что им, таким красивым, будет просто неприятно от моей невзрачности, а мне — стыдно от их презрения.

Дома я, конечно же, бросилась к зеркалу. Да, из глаз бил свет, щеки горели. Да, венок был синий и прекрасный. Но лицо осталось моим лицом. Ничего не изменилось. Свет в глазах померк. Девушки просто были добрые. Я пошла на кухню к бабушке. Повертелась перед ней. Может, то же скажет? А она спросила:

— Что так разрумянилась? Нет ли жару? — и потрогала мой лоб. Гордость не позволяла мне спросить ее прямо: «Скажи, может, все-таки я не такая уж безобразная?» Где-то в глубине

души я знала, что бабушке и маме я нравлюсь и так, им, наверное, безразлично, как я выгляжу внешне, — и потому бесполезно было спрашивать. Только покажу им, что меня это задевает — какой стыд и малодушие!

Единственное, что я могла, — это не обнаружить малодушия, не дать догадаться другим, что меня занимает.

А вот теперь, перед школой, все волосы мои стянули в некрасивые короткие толстые косички, торчащие из-за ушей. Вылезли на вид голые щеки. Ф-фу! А тут при всех громко называют твою фамилию. До сих пор я была Дашей, Даней, Дашуткой. Это имя значило для меня любовь. Даша Плетнева — так иногда называла меня Анфиса Петровна, единственная до сих пор моя учительница, оно было мною самою. Наверное, еще потому, что там, в совхозе, все меня знали и я — всех. А теперь: «Плетнева!» Словно пощечина. Но первый удар был таким сильным, что всякий раз на уроках (а сколько их было), на собраниях (а их было сколько!) это первое явление твоей фамилии для всех дергает: мгновенный ужас Хомы Брута, обнаруженного Вием: «Вот он!»

Глядельщик

А урок тем временем шел своим чередом. Учитель с недреманным оком подошел к доске. Наконец-то можно было перевести дух.

Я глянула вправо, там вдоль безоконной стены весь ряд парт занимали мальчишки. Я глянула туда и будто наткнулась на неподвижно нацеленные на меня глаза. Как на стену с разбегу налетела!

Мальчишка не отвел вежливо взгляд, когда встретился с моим, его глаза даже не дрогнули, как должны были дрогнуть у любого живого человека, застигнутого врасплох. Нет, они не улыбнулись, не нахмурились, не рассердились, не растерялись, ни одна ресничка не шевельнулась. Ко мне было обращено спокойное, с неподвижным взглядом лицо наблюдателя. Это мне не понравилось. «Чего это он? — подумала я, отвернувшись. — Наверное, смотрит, какое у меня противное лицо. Подумаешь, сам-то какой. Еще смотрит. Больше в ту сторону и не гляну. Много чести».

Я стала смотреть на доску, где Мелентий Фомич выписывал очень красивыми буквами: «1 сентября 1943 года». Он велел написать это и нам в тетрадях.

Я написала. И снова, подняв голову, невольно глянула вправо. Мальчишка — он что, не писал, что ли? — по-прежнему смотрел на меня. Он, видно, нисколечко не боялся недреманного ока: сидел, развалившись на парте, прислонясь к ее спинке, подперев голову одной рукой, вторая же свободно брошена на следующую за ним парту. Он сидел в позе Пушкина-лицеиста на садовой скамье, есть такая скульптура. Только лицо у него было совсем не пушкинское: замкнутое, чужое, непонятное.

Я попала словно в перекрестье этих взоров: учительское недреманное око мешало мне както ответить мальчишке, рожу ему, что ли, состроить. Чего ему надо? Наконец, я догадалась: это он мне в гляделки играть предлагает! А я еще сержусь, отворачиваюсь! Вот подумает, что я не могу смотреть ему в глаза.

И я включилась в игру. Чуть-чуть повернула голову, чтоб не очень было заметно, и уставилась в глаза мальчишки. А недреманное-то око, наверное, не видит, наконец, сообразила я, — наша бы Анфиса Петровна давно велела мальчишке сесть прямо. Я поняла: просто учитель не может смотреть, как все. И мне стало его ужасно жалко. Я опять рассердилась на мальчишку: развалился как барин! Пользуется, что учитель несчастный.

Я стала смотреть на него с презрением и негодованием. Подумаешь, чемпион гляделок! Если б я сидела к нему лицом, ни за что бы не сморгнула. Попробовал бы, как я, косить глазами вбок!

Странная все-таки эта новая школа.

Еще я думала, что, если б учитель не называл так громко мою фамилию, этот мальчишка не заметил бы меня и не стал бы на меня смотреть.

Теперь вот сиди и мучайся. Глазам было очень больно.

И до смерти наскучило лицо мальчишки, лицо, к которому я оказалась прикована поневоле. Узкое, бледное, с маленьким ртом и тонким длинноватым носом, это лицо казалось бы совсем белесым — волосы, ресницы, брови очень светлые, — если б не его карие удлиненные глаза. Будто нарисовали лицо, но еще не раскрасили, только глаза успели навести коричневой блестящей краской.

Когда зазвенел звонок и учитель стал собирать со стола свои пожитки, я показала язык мальчишке. Он ожил. Вскочив ногами на парту, заорал мне: «Вот только выйди, я тте!» И потряс кулаком.

Ой, что же началось на перемене! Мальчишки здесь были какие-то бешеные: они носились друг за другом прямо по партам, падали в проходе на пол, на живот, и, поймав приятеля за ноги, дергали так, что человек хлопался навзничь и голова стукала об пол, как деревянная. А больше всех бесился тот, глядельщик. Я так и не встала со своей парты — выйти сейчас было все равно, что сунуться в клетку ко львам и тиграм, которым сторожа забыли дать поесть. Глядя на беснующихся мальчишек, я ждала, что сейчас кого-нибудь убьют насмерть или кровь пустят. Но ничего не случилось. Видно, головы у ребят были крепки. Девчонок, которые, как и я, в перемену не вышли из-за парт, не задевали.

Так я вывела первое наблюдение на этой планете: парта — твое убежище. Держись ее, если хочешь уцелеть.

Учительница на следующий урок пришла милая, с лицом, похожим на лицо моей мамы.

Вся такая чистая, свежая, с золотистыми волосами, уложенными на затылке в литой тяжелый узел.

Опять — неожиданность! По тому, как меня удивило появление в классе красивого, чистого, здорового человека, я поняла, что уже ничего хорошего от своей новой школы, чужой планеты, и не ждала.

«Вот дурочка», — говорила я себе, поймав себя на этих мыслях, с наслаждением наблюдая за красивыми, крупными, добрыми руками учительницы, раскрывающими журнал, переставляющими на столе чернильницу, ручку, указку.

Всем своим существом я воспринимала какую-то теплую, умиляющую волну, исходившую от учительницы, ее широковатого лица, всей небольшой, чуть полной фигуры в белоснежной батистовой блузке, просвечивающей розовым на плечах.

Между тем мы встали и сели, а она нахмурилась и молчит.

Даже я почувствовала себя виноватой за ужасную пыльную бурю в классе. Стало очень тихо.

И она сказала негромко:

— Отпраздновали первое сентября? Обрадовались встрече? Знаете, если так будет после каждой перемены, мы все не доживем до конца года. Мы просто все погибнем. И виновные, — она кивнула на мальчиков, — и безвинные, — глянула на девочек, — и мы, учителя.

И скомандовала:

— Откройте окна!

Девчата, что сидели возле окон, грохнули шпингалетами, рамы хрустнули, звякнули стекла, — золотой сентябрьский теплый воздух ринулся в класс, воздух, припахивающий горьковатым дымком, сыростью взрытой земли и едким запахом разрубленной картофельной ботвы: на огородах за школой копали картошку.

Как только распахнули окна, класс наш похорошел и подобрел. Я почувствовала, что, кажется, смогу здесь учиться. Вот если б только можно было на перемене через окно сразу выпрыгнуть во двор, чтобы не проходить по классу и коридору, где буйствуют мальчишки, и не сидеть, прикованной к парте. И учительница, словно прочитав мои мысли, проговорила:

— Ну, вот и хорошо стало у нас. Начнем урок. Я буду вас учить биологии. Пока, в пятом классе, ботанике. А зовут меня Мария Степановна...

— Ой-ай! — вдруг взвизгнула девочка, сидящая у самого окна, позади меня, и, загрохотав крышкой парты, шарахнулась, налетев на свою соседку.

А в окне заплясал, размахивая пучком крапивы, тот мальчишка, Глядельщик!

— Я положила руку на подоконник, — возмущенным голосом рассказывала девочка, — и так сижу! А меня ка-а-к ожгет по руке! Ну, вот огнем! Аж сердце занялось!

Мария Степановна не спеша пошла к выходу бросив на ходу:

— Окна можно закрыть...

Даже мальчишки были в недоумении:

— Че это он, одурел? — спрашивал один.

— Белены объелся, хах-ха-ха! — басил сиплым голосом самый большой, похожий на Бармалея: лицо красное, черные волосы клочками надо лбом, губы тостые, как у негра.

— Ты, Карпэй, видать, с ним вместе белену-то жевал, так меня башкой об пол саданул, — пропищал маленький парнишка с вострым носиком и широким лбом.

— Не белены, он, видать, волчьих ягод надрался, от волчьих, знаешь, буйство берет! Хуже белены! Я знаю! — солидно объяснил тоже черный, как Карпэй, но аккуратный лицом мальчишка.

— Сид-ди ты, волчьи! Буйство, оно, паря, от дури! — с презрением протянул еще кто-то, наверное, самый умный, а кто, уж и не успела посмотреть: в класс вернулась Мария Степановна. Одна.

— Ничего, — объяснила она нам. — Он сейчас у директора, у Мелентия Фомича, посидит, подумает, успокоится. Разбаловался за лето. Хочет себя показать. Ну, хватит о нем. Начнем урок...

Тетя Еня и бабушка

Я еще не знала, что дом, в котором мне придется жить в Пеньках, стоит в переулке, совсем рядом с домом вредного мальчишки!

Все совхозные ребята жили в Пеньках на квартирах. За десять километров в школу из дома не набегаешься. Вот и терпели до субботы. В субботу зато наступал праздник, мы бежали домой. А в понедельник вместе с запасом продуктов на неделю нас привозили в Пеньки на лошади.

Здесь вместе со мною будут жить не мои мама и папа, бабуся и Толик, а хозяйка тетя Еня, ее больная бабушка, да Ахтямовы Лена с Энгельсом, тоже, как и я, квартиранты.

Бабушка... Почему-то, когда мы с папой приезжали в Пеньки летом, я не заметила ее. Лежала ли она тогда на широкой, единственной в комнате кровати? Надо будет спросить.

Бабушка уйти одна не смогла бы. Ей восемьдесят три, и пятьдесят из них она пролежала в постели.

Илья Муромец тоже тридцать три года сиднем просидел. Но Муромец после этого стал сильным, могучим богатырем, а тети Енина бабушка вся ссохлась, сморщилась, как прошлогодняя помятая маковка. Щеки ее, виски и глазницы ввалились, в сумерки в этих впадинах гнездились тени, и бабушкина голова напоминала череп.

Вечером — мы приехали в Пеньки накануне

Чуть впереди меня стояли Лешка Никонов, Глядельщик и Карпэй.

1 сентября. Сидя за столом у окна, я долго смотрела издали на эту маленькую жуткую голову (кровать бабушки стояла у задней стены дома, рядом с входной дверью). Не верилось рассказам тети Ени, что раньше, до того, как бабушку разбил паралич, она была высокая и полная.

Сейчас маленькая бабушка лежала на высокой постели среди огромных подушек, как кукла, и все время перебирала четки (это такие крупные бусы) сведенными в щепоть, прямыми, негнущимися, темными пальцами. А вот ладони, которые она протянула мне, здороваясь, оказались неожиданно светлыми, розовато-сиреневыми и на ощупь нежными, как у ребенка. Это я почувствовала, когда она взяла мою руку в обе свои, к удивлению моему, теплые ладони и погладила ее, а не пожала, а потом подержала в своих руках, как держат цыпленка или маленькую птичку. Тогда я близко увидела глаза бабушки: темно-коричневые морщинистые веки без ресниц уже не могли раскрыться до конца, так что даже краешек белков не виднелся. И, наверное, поэтому глаза, неопределенно-темные, с неразличимым зрачком, напоминали мне глаза когда-то жившей у нас дома черепахи. Бабушка и смотрела так же грустно-загадочно из мира, в который мне хода нет, где живут какие-то иные люди, дуют иные ветры и солнце иное. А скорее всего в той стране не солнце, а сам по себе разлит тихий свет без теней, а может быть, там светит большая бледная луна. Наверное, и бабушка понимала, что я не из ее мира, взгляд ее ко мне шел издалека, как если б я стояла где-то там, через речку, на другом берегу, а не рядом с ней.

— Ах, ты моя ласточка, — тихо прошептал ее голос, — от мамушки-то как рано на дальнюю сторонушку. Звать-то как?

— Даша, — ответила я, чувствуя, как в горле встал и мешает комок то ли от жалости к ней, то ли к себе самой.

— Ташенька, — закивала головой бабушка и еще раз пожала мою руку, — старинное имечко, крестьянское. Енюшка, — позвала она дочь, — зовут-то ее хорошо — Тарьюшкой.

Я смутилась. Так меня еще никогда не называли: Дарья. Получилось, я опять не такая, как есть на самом деле: будто уже взрослая. А тетя Еня еще добавила из чулана (так здесь кухню называют) громким голосом:

— Как же, как же: она у нас, матушка, Дарья Сергеевна.

Так и не поняла я: то ли меня она повеличала матушкой, то ли к матери так обратилась.

Эта тетя Еня такая: все вроде говорит серьезно, а где-то насмешка таится в ее словах или намек какой-то скрытый.

Показалось мне, что она хотела сказать, что я не просто себе девочка, какой бабушка меня приняла, а дочка начальника: главный зоотехник по важности сразу идет после директора совхоза.

Зачем она так? Ведь Лена и Энгельс и вовсе уже директорские дети. А к ним она без всякой насмешки.

Вот и утром сегодня, когда я в школу собиралась, тетя Еня сказала, глядя, как я причесываюсь перед зеркалом:

— Знаешь что, Даша, волосы лучше заплети. Ты, правда, не деревенская девочка, и кудри тебе к лицу, но в школу надо поскромнее. Там все будут с косами, а ты на особицу. Вот и неладно получится. Осудят еще.

Я так и замерла с гребенкой в руках. Получалось, по ее словам, что я нарочно хочу выделяться! У меня даже слезы на глазах навернулись. Тут Лена мне помогла.

— Правда, — говорит, — как это я не догадалась тебе сказать? Давай, живо заплету!

И заплела. И свои ленточки завязала.

Тоня Антипова

После уроков первого сентября я шла домой вместе с Шурой Омелиной и Верой Зозулей.

Звонок с последнего урока оказался волшебным: мальчишки уже не бесновались — спешили по домам. Многие жили в ближних деревнях — за три, четыре и пять километров. Почти все ребята были без портфелей. А как у пастухов — холщовая сумка на лямке через плечо. Лямка на правом плече, сумка под левой рукой. В дороге удобно, не мешает. А у меня был старый мамин портфельчик, совсем облезлый, рыжеватый, но с замком и с ручкой, как полагается.

И у Шурки был портфель и у Веры.

Лены Ахтямовой с нами не было. У них было шесть уроков, а Энгельс отправился с мальчишками.

Я смотрела украдкой по сторонам: не видно ли того Глядельщика. Он после истории с крапивой ничуть не стал тише, скакал по партам, гонял по коридору, сбивая встречных с ног, а на уроках по-прежнему глядел на меня. Я уж привыкла к этому и больше не обращала внимания. Звали его Лешкой Никоновым. Немного побаивалась я, что после уроков он пристанет ко мне и будет драться, но, кроме Шуры и Веры, в нашу сторону шло много девчат, бояться было нечего. Да нигде и не видно было Лешкиной белесой головы.

Последний раз я видела его на большой перемене — он мчался вдогонку за какой-то бойкой девчонкой. Я еще удивилась, какая бесстрашная девчонка: она часто оглядывалась на Лешку, довольная и веселая, и даже дразнилась: «Догони-ка!» Она здорово легко бежала, обманно бросаясь в сторону и вдруг скрываясь за деревом. Из девчат она одна бегала с мальчишками по зеленому двору.

А как мне хотелось тоже побегать! Такой широкий и зеленый двор! Огромные деревья, церковь, как древний рыцарский замок, и ограда широкая, по которой можно походить, как по крепостной стене. Но выбежать во двор — все

равно, что перейти линию фронта. Противно мне было оттого, что боюсь. Загнали меня в клетку, и стала я сама не своя. Просто стыд... Если б не Тоня Антипова, я так и не решилась бы. Так бы и глядела в окно всю большую перемену. Но Тоня вдруг встала со своего места и негромко сказала: «Девчатки, пошли за мной».

Как только она ступила в узкий проход между партами, вокруг нее заплясали мальчишки — и Лешка, и Карпэй, и тот черненький, похожий на Карпэя, и еще какие-то не из нашего класса набежали.

— Тетенька, тетенька, почем молоко?

Черненький кривлялся перед ней, дергался, как клоун. Вот Тоня его и схватила. Ловко как-то соединила его руки ладонь к ладони, — так ребенку делают «ладушки» — и спросила, пристально глядя ему в глаза:

— Ну, что с тобой сделать? На руках понести или сам пойдешь?

— Пусти, Тонька, пусти! — запросился мальчишка жалобным голосом.

А Тоня обвела мальчишку вокруг себя, не выпуская его рук, и оттолкнула к ребятам, толпившимся между партами за ее спиной.

Они, разинув рот, наблюдали за расправой над чернявым и теперь с гоготом и восторгом приняли его к себе.

— Ай да девка! Вот так да!

— Зашибет мимоходом!

— Ей бы в кузню!

— Да чего там, пахать на ней!

— Ну, Голован, живой?

— Чай, с жизнью прощался!

Пока они восторгались Тоней, мы все до одной спокойно вышли за ней.

И лицом и фигурой Тоня уже походила на взрослую. Лет ей, наверное, было много, больше, чем любому в нашем классе. На первый взгляд — вовсе не красивая. Все лицо — лоб, щеки, подбородок — малиново-сизого цвета, будто она только что из жаркой бани. Загар такой, что ли? Губы так плотно сжаты, что кажется, Тоня все время терпит сильную боль. Выражение ее глаз, широко открытых, больших, усиливало это впечатление: взгляд был сосредоточен на чем-то своем.

«Может, у нее что-нибудь болит?» — подумала я, приглядевшись к Тониному лицу на перемене.

На следующем уроке я раза два оглянулась, чтоб посмотреть на нее. Она прилежно слушала и писала, сохраняя все то же выражение сдерживаемой, затаенной боли. Когда она встречалась с моим взглядом, ее глаза становились строгими, как у учительницы.

«Видно, уж такая она есть, — решила я, — непохожая на других».

После большой перемены я перестала замечать ее некрасивость. Достоинство и силу, которых мне так не хватало в этот первый день учения, — вот что видела я в Тоне теперь. И сейчас я шла рядом с нею, приноравливаясь к ее широкому шагу и поглядывая на нее сбоку: губы сжаты, глаза думают о своем.

У меня просто сердце сжималось от какой-то непонятной жалости к ней. Откуда эта жалость? Ведь Тоня сильная...

Вера Зозуля вдруг ни с того ни с сего спросила:

— Тонь, а почему ты, така велыка дивчына, тильки у пьятому класси?

— Так получилось, — спокойно отозвалась Тоня.

— А як получилось? — не унималась Верка.

Я дернула ее за руку: мол, что пристаешь, раз человек не хочет сказать?

— Да тебе на что знать? — спросила Тоня без тени раздражения.

— А так! — захохотала Верка.

— А так только сеют мак. — Тоня усмехнулась чуть заметно.

— Подумаешь, яка! — обиделась наконец Вера.

— Подумаешь, да не скажешь! — радостным хором пропели мы с Шуркой. Ловко Тоня отчитала ее.

Когда мы поравнялись с домом, где поселились Шура и Вера, они позвали нас к себе.

— Поглядите, как у нас!

Великий плач

От Шуриного дома до моего совсем близко. Пройти мимо двух усадеб, и вот он, наш переулок — налево. Второй дом.

Я брела теперь одна со своим рыжим портфелем, а солнце светило в лицо, мешая смотреть.

Вдруг меня хлестнул резкий, уже знакомый голос:

— Эй, девчонка!

Чуть впереди меня стояли Лешка Никонов, глядельщик, и Карпэй.

Я остановилась. Солнце било мне в глаза, я щурилась, чтоб разглядеть их. Ребята стояли молча, смотрели на меня.

Я постояла и пошла дальше, чувствуя, что ноги у меня как ватные, а сердце, будто звонкий мячик, даже в ушах звон отдается. Когда я проходила мимо них, Лешка пробормотал вполголоса:

— У-у, большетолая. Припухли толы́-те!

«Что еще за толы́? Что припухло? Губы? А-а, наверное, он про мои щеки...»

Открывая калитку, я оглянулась: мальчишки стояли на том же месте. Теперь знают, где я живу. Как они здесь оказались? Навалилась спиной на калитку. Звякнула щеколда. Все. Спасена. Солнце ожило на небе, воздух теплый, живой.

«Ну почему, почему я так его боюсь? Почему они как враги?!»

У меня защекотало в носу, слезы сами полились из глаз. Я села на скобленую ступеньку, уткнувшись в свой портфель. От него еще слабо пахло чем-то родным: духами и не духами,

мамой моей пахло. Слезы поливали рыжий портфель.

— Ко-око-ко? — пропела курица у моих ног. Я подняла голову. Куры собрались к крыльцу, оторвавшись от своих дел.

— Ко-о-ко-ко? — вопросительно выпевали они. — Вышла на крыльцо, а нас не кормишь?! Ко-о-ко-ко?

Склоняя голову то на один, то на другой бок, они рассматривали меня. Четкий блестящий зрачок, оранжевый кружок радужки, бессмысленный, глупый куриный глаз.

Сегодня все только и делают, что рассматривают меня. Начиная с тети Ени. Недоброй. Не нравлюсь я ей. Все намекает, что я начальника дочь, что я особенная. Посмотрела б она! Я представила нашу длинную комнату, папу и маму, трущих картошку для хлеба. Надо стереть на терке ведро картошки, чтобы бабушка могла напечь из нее булок.

Хлеб из картошки на вид как настоящий, поджаристый, а внутри он сероватый и мокрый. Хлеба в совхозе получали по карточкам так мало, что без этих домашних булок не проживешь.

А теперь, когда я живу в Пеньках, на одну из двух наших рабочих карточек хлеб получали сразу на неделю вперед, чтоб дать мне с собой целый кирпичик хлеба. Они оставались с одной рабочей карточкой, значит, теперь им еще больше надо тереть картошки. И я залилась слезами еще горше — такой виноватой перед всеми почувствовала я себя.

Они мне и масла целый фунт дали, и ведро картошки, и молока три литра в большой бутыли — четверти, а мне здесь так плохо... Так плохо. Я сейчас поняла ясно-ясно, что все лишения, на которые пошли ради меня в семье, зряшные, вовсе напрасные, раз я не могу здесь ничего с собой поделать, раз я такая беспомощная и трусливая. И вот ради меня, такой плохой, бабуся вязала носки, чинила чиненые-перечиненые чулки, мама отдала мне на платье синюю материю, которую берегла себе на юбку. И опять же бабушка сшила мне платье для школы. А я...

Тут загремела калитка, и вошла Лена с Энгельсом.

— Даша, ты что? — тревожно спросила меня Лена, заглянув мне в лицо. — Тебя мальчишки, что ли, обидели? Мы с Энгелькой видели тут двоих. Не они? Ты скажи! Ну скажи, Даша! — Лена села рядом, обняла меня, прижала к себе.

Но как ей все объяснишь? И про Мелентия Фомича с недреманным оком? И про Лешку? И про папу над теркой? И про новое платье? И про бабушкины глаза? И что тетя Еня меня не любит! Она, Лена, добрая, но лучше б она меня не жалела, потому что не остановиться мне теперь! Слезы текли ручьем, я не могла продохнуть носом, захлебывалась и только сказала Лене самое понятное и простое:

— До-мой хо-чу! До-мой!

— Вон оно что-о! — протянула Лена. А потом заговорила торопливо, быстро-быстро: — Это пройдет! Я тоже плакала в пятом классе. Правда-правда! Вот Энгельке было хорошо, он не один, со мной поехал. А тебе совсем хорошо! Ты же с нами! Ну, пойдем умываться, обедать будем! Пошли!

И откуда только берутся слезы? Лена обтирала мое лицо платком, но оно тут же снова намокало. Услужливая память подсказывала мне все новые картины, вызывавшие слезы.

Здесь умывальник в закутке за печкой над белым эмалированным тазом, а дома таз под умывальником медный. Плачу. Дома нет такой большой русской печи, а здесь она пол-избы занимает. Плачу. Дома из окон можно смотреть на все три стороны, и видно далеко, широкие окна высоко, второй этаж. И тополя вокруг шумят. А здесь три низких окошечка упираются в три тонкие березы, и видно лишь дорогу, малый ее кусочек, да дом напротив, а из бокового окна — только двор да поветь: соломенная крыша, бревенчатая стенка. Двор без травы. Земля убитая, утоптанная, чисто выметенная, кое-где щепочки на ней мелкие, сенинки-соломинки. Плачу. Полотенцем вытираю лицо, а вот изорвется полотенце — где возьмет новое моя мама? Плачу.

Села к столу: клеенка голубая, в клеточку синюю, в каждой клеточке белый цветочек, а у нас клеенка желтая и коричневый узор — запутанные кудрявые цветы и линии. Упала головой на чужую клеенку — плачу, плачу!

Лена не знает, что и делать. Энгельке все равно, сидит, книжку читает. Лена — вижу, как сквозь мокрое стекло, — ставит на стол горшок с супом. Тети Ени дома, видно, нет.

— Ну, хватит, — растерянно говорит Лена. — Попробуй есть, может, пройдет.

Я беру круглую деревянную ложку и ем. Горячо, а вкуса не чувствую. Но ем. Потому что горячо. И мне хочется ощущать горячее еще и еще. И губам хорошо и носу от горячего пара хорошо. Я съела все, и Лена пошла в чулан относить тарелки. Наверное, она там замешкалась, не знаю, надолго ли. Только я вздрогнула, когда рядом со мной раздался громкий голос Энгельки.

— Лена! Она спит!

Меня куда-то повели и уложили. Я не могла разомкнуть век.

Проснулась в теплоте и темноте. В уюте... Но скоро поняла: я не дома. Сразу все вспомнила. И притихла. И теплота и темнота больше не означали уюта. Я прислушалась к голосам.

Вечерние разговоры

— Ну! Сидит, молчит, не вскрикнет, а слезы так и льются. Вот так просто текут, через край переливаются! Мне аж страшно стало!

А-а, это Лена рассказывает тете Ене, как я плакала. Ну и пусть. Пусть. Все равно тетя Еня меня не любит.

— Видишь, как оно на чужой-то стороне. Ей теперь у нас все постылым оборачивается. Что

ни взвидит, все не то, все не как у мамы. Так ведь, Энгельс, а?

— А, не знаю! Плакса, да и все!

Тетя Еня посмеялась немного. Добрым таким смехом, легкими звуками и неторопливыми, как ее походка.

— Ну, да! Ты ведь у нас мужчина, лыцарь. Слезы не обронишь. А она девочка. Нежная. Мамина-папина.

— Да нет, теть Ень! (Это опять Ленин голос.) Она у них дома все делает. Ее не балуют. Я знаю.

— Так ведь и я не про баловство! Горя она еще не хлебнула. Вот, слышала я, Антиповой Ольги дочка нынче в школу пошла. Знаешь, может, Лена? Из Камышлов они.

— Не. Не знаю. А что?

Я же в своем секретном углу за печкой на Энгельскиной лежанке так и замерла: про Тоню знает тетя Еня!

— Сколько ей сейчас? Война началась — она, видать, как раз четвертый окончила. А в школу пошла позднее своих одногодков зимы на две. И война уже третий год. Стало быть, ей нынче семнадцатый идет. Ну, каково ей за партой вот с эдакими? Да и это, поди, для нее не горе — спасибо, учиться-то снова пошла!

Голос помедлил. Тетя Еня, видно, ждала, чтобы Лена спросила, отчего да почему дочка Ольги Антиповой не училась три года. И я ждала.

Но Лена, наверное, понимала, что сама начала тетя Еня, сама все и скажет. И правда, тетя Еня снова заговорила:

— Так вот, Еленочка. На старших в доме детей, ежели беда какая, все и приходится, коль старого человека нет на подмогу. А у Ольги никого. Сама да мужик. Да детки гужом шли. Антонина старшая. Тоне в школу бы идти, а с малыми кому быть? Брату два годика, сестра и вовсе в зыбке, а матери надо в поле, за трудоднями.

— А ясли? — спросила Лена.

— Ясли... Это у вас в совхозе ясли, приезжих полно. А Камышлы что? Колхоз, все здешние, от корня, у всех, почитай, бабки, может, и была одна изба Антиповская вовсе без стариков. Для одних, что ли, ясли будут держать! Вот и сидела Антонина в няньках, пока малая на ножки не стала, а там можно и к соседям отводить, пока Тоня в школу сбегает. Ну, и наладилась. Старший братик подрастал на смену Тоне. Правда, за те годы еще двое народилось у Ольги. Однако справлялись. А тут война. Отец на фронт ушел. И Тоне пришлось работать. Как уж они сейчас Тоню отпустили, и не придумаю. Ольга совсем плохая стала. Видела ее на днях в сельсовете: щеки аж втянуло, почернела, как головешка. Спина, говорит, замучила.

— А Тоня здоровая, — сказала Лена.

— Молодая. Да к работе приучена смалу. Молодым работа не во вред, только в пользу. Вот разве со школой — это, конечно... Тоня давно в избе за хозяйку. Матери лишь бы работу тянуть на ферме. А вся управа — печь поутру, корова, постирушки — это все на Тоне. Так-то вот, — закончила тетя Еня, как мне показалось, с упреком.

Я так поняла все: что вы, мол, живете на всем готовеньком, а люди вон как...

А может, тетя Еня и не это хотела сказать, а мне самой было стыдно за то, что мне не приходится, как Тоне, тащить весь дом на себе, что я вовремя пошла в школу, и сейчас мне лет столько, сколько и должно быть пятикласснице, и никогда мне не будут кричать: «Тетенька, почем молоко?!»

Я так остро почувствовала себя Тоней в эту минуту, ее брошенных где-то дома беспомощных братишек и сестренок, которые, может, упали с лавки или с крыльца, или есть хотят; больную маму, у которой спина болит, а ведь нужно все носить своими руками: и воду, и корм, и станки чистить, и коров доить... Так все это стало мне внятно ощутимо, что я окаменела, будто сердце во мне остановилось...

Вот что с Тоней, поняла я, увидев перед собой ее глаза, пристально всматривающиеся во что-то, что не здесь, не рядом. И поняла вдруг, какая она одинокая среди нас, такая же, как и я, только по-другому, только еще хуже. И стыдно стало мне за свое малодушие!

В темноте за печкой опять пришла на помощь мне Тоня Антипова.

Я подумала, что, наверное, Энгельке надо ложиться спать, а я тут валяюсь, и выбралась из закутка. Смущалась я: ну, думала, сейчас станут все на меня смотреть, и я снова расплачусь. Но тетя Еня, сидящая за прялкой, коротко глянула:

— Давай-ка, Даша, выпей чайку, пока самовар не остыл.

Лена тут же стала наливать чай, и чашка задребезжала о блюдечко под напором струи.

Энгельс по-прежнему читал, подвинув книжку к лампе так, чтоб яркий круг света падал на страницы. Лампочка была семилинейная, а у нас дома — десятилинейная, поярче. Тени густые, огромные лежали на стенах, на полу. Листья фикуса, развесистого, как дерево, — он стоял в большой кадушке у бокового окна — таинственно слабо поблескивали, и тень его узорная, лапчатая, покрывала весь пол, падала и на бабушкину кровать, и на стену за нею, взбиралась на потолок. Сейчас комната показалась мне уж не такой чужой и враждебной. А веретено в руке тети Ени издавало тихий трепещущий звук — ф-рр-р-р! — похожий на звук, с которым стрекоза проносится близ вашего уха.

Я села к столу. Чай пили с молоком. Сладкого не было, как говорится, ни пылинки. Хорошо бы хоть хлеба досыта. Вот этого хлеба из совхозной пекарни — тяжелого, мокроватого, колючего от мякинных остей, как небритая папина щека. Но было заранее рассчитано, что буханки хлеба хватит мне на шесть дней, если я буду съедать по куску на завтрак, обед и ужин. И я вспомнила: сегодня в обед я хлеба не отрезала! Вот молодец, сказала я себе, можно съесть сра-

зу два куска. Хоть что-то хорошее за весь этот первый день. И я вздохнула.

— Хватит тебе вздыхать! — ласково сказала тетя Еня. — Видишь, как у нас ладно. Народу-то сколько! А то сидим мы вдвоем с бабушкой, будто кукушки, да кукуем. А теперь — вон оно — целое общество (тетя Еня сказала: «опчество»). И сразу, отметив про себя «опчество», я вспомнила: «толы!», услышала недобрый голос: «У-у большетолая! Припухли толы-те».

— Тетя Еня, а что такое «толы»? — выпалила я, не задумываясь, что, может, это что неприличное. Как вспомнила, так и спросила. Почувствовала, как покраснела.

— Ха! Толы — это по-здешнему глаза? — радостно заорал Энгелька, — зенки, гляделки!

Тетя Еня подтвердила:

— Ну да. Глаза так у нас называются «толы». Но это все же по грубости. Грубо так-то. Нехорошо.

«Ах, нет, тетя Еня! Это хорошо, хорошо! Это в тысячу раз лучше, чем я думала!»

Почему лучше и даже в тысячу раз, я не могла бы сказать. Просто снова увидела я себя, деревянно переставляющую ноги по направлению к спасительной калитке под злым пристальным взглядом Лешки, услышала недоброе: «У-у, большетолая!» Но теперь вместе с этим видением, перечеркивая его, взвилось во мне ликование: «Неправда это все!» Словно свет вспыхнул, словно радостная волна накатила и тут же отхлынула. Мне будто дали понять, что одержана победа.

В чем победа и почему, я не доискивалась. Но было, было: я прошла сегодня мимо Лешки и Карпэя в страхе, в ожидании оскорблений, прошла, не догадываясь, что это он, Лешка, терпит поражение. И он думал, что уничтожает меня, и не знал, что мимо прошел победитель.

А тихая лампа все так же кротко светила на голубоватую клеенку, на Энгелькину книгу, ее желтоватые страницы, и продолжало свое летнее «Фр-р-р!» веретено, и теплая лапчатая тень фикуса держала нас всех вместе, всех разом в этой комнате. Радость моя, как мышка, показалась и скрылась до поры. Но после нее стало мне лучше. И только когда устраивались спать и принесли из сеней мой матрац из тика в широкую синюю полосу, набитый скользящей золотой соломой (вчера с папой набивали), когда я положила его на пол, под фикус и, застелив простынкой, улеглась сама, опять сжала мне сердце боль. На полу чувствовала я себя как в глубокой яме, как Жилин в плену у кавказцев, заброшенной и одинокой. И опять стало терзать меня сознание вреда, который я приношу своей семье. Вот лежит на полу матрац. Такой чистый, выстиранный и отглаженный мамой, его чехол трется о пол, хоть и подостлала мне тетя Еня чистый половичок; острые соломины впиваются в волокно ткани, разрывают их, я на нем лежу, еще ворочаюсь, изнашиваю его, и простыни, и одеяло... Опять слезы подступили к глазам, я старалась лежать неподвижно и долго из-за этого не могла уснуть.

Дорога домой

Эх, дорога, дорога! По полям, по лесам, через ложбины и овраги! Небо над головой, да земля под ногами, а впереди — дом!

Долго тянулась и все-таки кончилась, кончилась эта первая неделя в Пеньках, и наступила суббота! Домой, мы идем домой!

Родной твой дом, где не только мама и бабушка, братик и папа, каждая курица на улице — родня; каждая щепка на дворе, и трава, и тропки, и дорожки, и поросенок в луже, и самый вид улицы, домов и встречных людей, и лес вдали за полем, видный от моего дома, и тополя, тополя мои — все мое, родное, доброе и безопасное...

Но все это еще впереди, мне еще предстоит заработать эту радость, прошагав десять километров, отделяющих меня от дома. И только, когда эти километры останутся за спиной, работа моих ног, плечей и рук, моего сердца, спешащего больше, чем ноги, моих легких, вдыхающих прохладный сентябрьский воздух, чтоб билось сердце и шагали ноги, — тогда только эта работа превратится в радость возвращения домой. Если б было можно, если б был у нас самолет, машина, а еще лучше — если б, как в сказке, — закрой глаза и открой глаза — и ты уже среди своих, — о, если б можно было так! Чтобы все время, отпущенное на десять километров, проглотить залпом! Одним глотком!

Но нам предстояло «выпить» всю дорогу маленькими глотками шагов. Время растворяло нетерпение. Как бы мы ни бежали, выйдя в субботу за околицу Пеньков, — простор без края и конца, прятавший в себе и большой лес и маленький, два оврага и два поля — все, что предстояло нам пройти, — простор, наполненный голубым воздухом, чуть влажным, упругим, пахнущим горьковато палым листом и дымом, — гасил наш бег и нетерпение и мы, крохотные букашки под неоглядным небом, среди медленно подымающихся и плавно нисходящих увалов — то серовато-золотистых (жнивье), то вспаханных, влажно-черных или коричневатых, коегде как ржавчиной, медянкой тронутых пятнами всходящей озими, — мы увязали в этом неторопливом море и перенимали его ритм, ритм плывущих по небу облаков, или бурьяна, колеблемого ветром. Но ведь и медленные облака и чернобыльник или полынь, покачивающиеся на неподвижном стебле, достигали каждый своей какой-то цели, известной им самим и больше никому. Достигали, конечно, иначе не плыли бы облака, не качалась бы бурьян-трава на обочине дороги. И наш шаг скоро становился размеренно-неторопливым. Мы уже не спорили с пространством, с дорогой, мы подчинялись им, и дорога несла нас, как река несет щепку: попро-

Вера, Шура, Энгельс, Степка Садов и я... свободные, как птицы, только вот жаль без крыльев.

буйте угнаться за плывущей щепкой; вы можете ее перегнать, но скоро выбьетесь из сил, а она, как ни в чем не бывало, обгонит вас, неустанно и без спешки продолжая свой путь, путь реки.

И все нетерпение, с которым мы, уходя из Пеньков, ждали встречи с домом, по мере пути расходовалось на дорогу и тем самым причисляло саму ее к дому, превращало в одну из примет дома. В длинную, постепенно разматывающуюся примету.

Вера, Шура, Энгельс, Лена, Степка Садов и я... Котомки за плечами, у кого-то в руке по узелку. Свободные, как птицы, только вот жаль без крыльев.

— Мы такие страусы, — говорит Энгелька, и начинает выкидывать длинными тонкими ногами, и вытаращивает свои и без того большие выпуклые черные глаза.

— Ты не страус, а жираф, — назидательно поправляет его Шура, с такой серьезностью, будто он и вправду нечаянно ошибся, не тем словом назвался, а на самом-то деле он и есть жираф. Мне стало так смешно, что я прямо закатилась от смеха, даже присела. А все стали смеяться уже надо мной.

Но ребята шага не остановили. И я догоняла их. В душе поудивлялась над собой, как я могу сейчас смеяться? Ведь я больше всех хочу домой, я точно это знаю, просто потому, что невозможно хотеть больше, чем я, и вот смеюсь.

Дома и Пеньки нипочем

Последние десятки метров по совхозной улице, мимо нашей школы, мимо конторы, до дома, мы с Шуркой бежали так, что в самом деле не чувствовали земли под ногами. Будто сильным порывом бури несло нас к высокому, двухэтажному, большеоконному дому, окруженному важными тополями.

Вихрем по лестнице вверх! Рву дверь в темных сенях. Ничего не вижу в нашей темной безоконной кухне. Но вот свет возник — бабушка открыла дверь комнаты. Я обхватываю ее обеими руками, зарываюсь лицом в платье и чувствую родной запах, слышу, как где-то между мною и ею колотится мое сердце: «Дома! Дома! Дома!!!» Я не помню, не знаю и знать не хочу, что только один день быть мне здесь, только два вечера и две ночи. В это мгновение я дома. И навсегда. Я вернулась к себе. Счастье даже не в том, что здесь все родное, все насквозь знакомое, обжитое и свое: что хочешь бери, не думая, можно ли; что хочешь делай; беги, куда вздумается, не опасаясь, вдруг встретишь недруга, злобу.

Счастье было в том, что здесь не надо думать, что о тебе другие думают. Я здесь для всех и каждого — дома и на улице — точно такая, как и сама для себя. Я и не догадывалась, что могло быть иначе, пока не попала в Пеньки, в школу и в дом к тете Ене. Это там дали почувствовать, что видят и понимают меня совсем не так, как есть на самом деле. И тетя Еня и еще этот Лешка-глядельщик... Неизвестно, что он думает, известно только, что не так.

Сейчас, обнимая бабушку, скидывая пальто, приплясывая, прыгая, я ощущала, как слой за слоем сбрасываю защитную броню.

Бабушка села на кровать и смотрела на меня, покачивая головой и улыбаясь, — я хоть и бесилась и вопила, но видела, что, несмотря на улыбку, лицо ее грустное. Тогда я забралась к ней на кровать, прижалась к худенькому ее плечу щекой.

Я смотрю на нее, на темные ее глаза, седые пряди волос, гладко зачесанных надо лбом, чуть запавшие смуглые щеки, такие нежные, если их погладить, и думаю, что лучше, чем моя, нет на свете бабушки.

Я хватаю ее руку — узловатые, тонкие пальцы, голубые пухлые вены худощавых запястий — и прижимаюсь к ним лицом.

Рассказать бы ей сейчас про все, что свалилось на меня в Пеньках, про Лешку-глядельщика, про страх перед ним, про недреманное око Мелентия Фомича; про тетю Еню и Тоню Антипову. Но я почему-то не могу об этом. Рассказываю, что есть у нас учитель, у которого глаза смотрят в разные стороны; есть совсем взрослая девушка в классе, мальчишки ужасно бешеные, носятся, как угорелые кошки.

Все, что я рассказывала, было так и не так. Совсем-совсем не так! Но по мере того, как я говорила, то, что «не так» — мои собственные страхи, мое горе, — куда-то отступало, уходило. Я уже не помнила о нем! Будто его и не существовало. Все было так и только так! И было весело!

— А ребят-то много? — спрашивала бабушка.

— Да! Только, знаешь, почти у всех мальчишек, кроме троих, одинаковые фамилии, четверо Домоседовых! И двое из них еще Сашки, Александры! Их только по отчеству и различают. Сначала так было смешно! Учителя еще не знают! Вот и называют:

— Домоседов Александр!

А мы все хором: который?

— Как который? Стало быть, Александр! Домоседов!

— Их двое!

— Действительно, — говорит учитель, — два Александра Домоседова.

А Мелентий Фомич еще и спросил:

— Может, и третий есть, сознавайтесь! Так уж сразу знаки различия придумаем!

Вот и придумали: у всех в журнале фамилия и имя, а у Сашек Домоседовых еще и отчества!

Их теперь так только и зовем: «Николаевич» да «Константинович».

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ИГРОТЕКА «ПИОНЕРА»

Играем вместе!

В. АРТАМОНОВА

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

В школе подмосковного поселка Лесной городок есть Клуб друзей игры.
Летом члены этого клуба отправляются в походы за играми. Они уже побывали в Эстонии и в Крыму, на Урале и на Кавказе. Ребята собирают и старые игры, в которые играли наши бабушки и дедушки, и совсем новые, недавно придуманные.
Вот несколько зимних игр из их коллекции.

Чья баня?

Старинная русская игра

Играют втроем или вчетвером. Заснеженная площадка — «деревня». По краям «деревни» — «бани» (палочки, воткнутые в снег). У каждого игрока своя «баня». Одному игроку завязывают глаза, сажают его на санки и быстро провозят вокруг «деревни». Санки останавливаются у одной из «бань». Сидящий на санках должен угадать, чья это «баня». Если угадал, может еще раз объехать «деревню».

Сковорода

Игра украинских ребят

Выбирается ведущий, ребята становятся в круг и берутся за руки. На снегу, у самых ног, чертят круг поменьше — «сковорода». Все бегут по кругу. По сигналу ведущего резко останавливаются и тянут друг друга на «сковороду». Кто наступил на нее, тот «испекся», он выбывает из игры. Выбирается новый ведущий, игра продолжается.

Салки в лабиринте

Игра эстонских ребят

В снегу протаптывают извилистые, пересекающиеся тропинки, чтобы получился лабиринт. Несколько тропинок заводят в тупик. Все бегают только по тропинкам лабиринта. Водящий старается осалить кого-нибудь из игроков, и тогда этот игрок становится водящим.

Ребята! Напишите нам, в какие игры любите играть вы? Мы будем рады, если вы пополните нашу игротеку.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Это рисунки товарища Алваро Куньяла, Генерального секретаря Португальской коммунистической партии. Они рассказывают о жизни и борьбе народа Португалии во времена фашизма, о жестокой эксплуатации тружеников капиталистами и помещиками.

Алваро Куньял создавал эти рисунки во время своего тринадцатилетнего заключения в лиссабонской тюрьме и в тюрьме форта Пенише. Отсюда он совершил смелый побег и, выйдя на свободу, продолжал борьбу во главе португальских коммунистов.

Аванте, камарадаш!

С. МАКЕЕВ

Революция красных гвоздик

Пятьдесят лет Португалия была под властью диктатора Салазара. Народ ее жил в нищете и невежестве. Каждый третий не умел читать и писать. Детская смертность в Португалии была самой высокой в Европе.

Фашистские палачи превратили страну в тюремный застенок, агенты ПИДЕ, португальского гестапо, сажали в тюрьмы каждого, кто боролся за освобождение от фашизма своего народа.

Но и в самые мрачные годы диктатуры не прекращалась борьба под руководством Португальской коммунистической партии. Газета коммунистов «Аванте!» несла людям правду и веру в победу.

25 апреля 1974 года патриотическое Движение вооруженных сил свергло фашистский

режим в Португалии. Красные гвоздики дарили португальцы своим освободителям. Поэтому 25 апреля 1974 года так и назвали — «революция красных гвоздик». Распахнулись тяжелые ворота тюрем. Вернулся на родину после долгих лет изгнания Генеральный секретарь Португальской компартии товарищ Алваро Куньял. Стали открыто действовать демократические организации.

Реакция не сложила оружия. Несколько раз правые силы пытались поднять мятеж. Но трудящиеся Португалии не позволили им вернуть старые порядки в стране.

В сложных условиях сражаются за светлое будущее Португалии коммунистическая партия, коммунистическая молодежь и их юные помощники — пионеры.

Еще до революционного переворота в Португалии возникли первые пионерские группы. После победы демократов они были созданы во многих городах и провинциях страны.

С одним из пионеров, Паоло Валентином, я познакомился и подружился. Паоло стал пионером еще до революции. Помогал в борьбе своему отцу — коммунисту-подпольщику. После «революции красных гвоздик» он руководит пионерской группой в художественной школе имени Антонио Руйя в Лиссабоне.

Я расскажу вам только об одном дне из жизни Паоло Валентина.

Паоло борется

18 мая прошлого года многие классы в школах Лиссабона были пусты: Союз студентов-коммунистов проводил в этот день демонстрацию протеста против национального экзамена. Этот экзамен проходит в португальских школах каждый год. Он помогает учителям, многим из которых не по душе демократические перемены в стране, избавиться от пионеров и детей коммунистов, не дать им учиться дальше.

Обучение в Португалии обходится дорого. До седьмого класса родители ребят платят один конт — примерно двадцать рублей. С седьмого класса плата возрастает втрое. Учебники тоже стоят недешево: около шестидесяти эскудо каждый — рубль с лишним. В старших классах учебники дорожают в три раза. Если ученик остался на второй год, его родители должны уплатить деньги за оставшуюся часть года и за повторное обучение в том же классе. Закон о бесплатном восьмилетнем образовании фактически не соблюдается. Вот почему ребята, не выдержавшие национального экзамена, бросают школу.

Союз студентов-коммунистов, членами которого могут быть и старшеклассники, вместе с коммунистами выступает за право всех португальцев на образование. Их поддерживают школьники, в первую очередь, конечно, пионеры.

...Этим майским утром Паоло волновался больше обычного. Ему не раз приходилось самому проводить митинги в школе. Но на такую многолюдную демонстрацию Паоло Валентин вел свой отряд впервые. «Надо быть готовым ко всему, — думал он, — как на национальном экзамене!»

Когда он подошел к школе, человек десять пионеров уже дожидались его.

— Где остальные? — спросил Паоло.

— В школе. Дописывают лозунги, — ответили ребята.

Паоло направился было к школе, чтобы посмотреть, как работают художники, но тут в воротах появились молодчики, вооруженные дубинками и кастетами.

— На митинг собрались? — с издевкой спросил один из них. — Мы вам сейчас такой митинг устроим, живо мозги вправим!

Пионеры образовали цепь, взяв друг друга под руки, как это делают взрослые демонстранты. Но Паоло крикнул: «Отступаем в школу!» Пионеры вбежали в вестибюль и бросились вверх по лестнице. Им на помощь спешили ребята, которые из окна заметили появление вооруженных парней.

Столкнувшись лицом к лицу с тридцатью мальчишками, они кинулись наутек. Пионеры преследовали их до ворот школы и проводили беглецов дружным свистом и криками «Оле! Оле!» — так кричат болельщики на корриде.

Вскоре ребята, развернув свои самодельные

плакаты, уже шагали к зданию министерства образования, где должен был состояться митинг. Из боковых улиц туда же стекались группы студентов и школьников. Кто-то запел «Грандулу», и все подхватили песню, прозвучавшую по радио в ночь перед свержением диктатуры, это был сигнал к выступлению демократических вооруженных сил. Потом Паоло запел «Аванте, камарадаш, аванте!», гимн коммунистов Португалии.

Вдруг цепь полицейских преградила дорогу демонстрантам. Офицер поднес ко рту мегафон: «Прекратить демонстрацию! Немедленно всем разойтись!»

Колонна продолжала двигаться вперед.

На бешеной скорости стали подходить полицейские машины, доставляя подкрепление.

Паоло видел, как полицейские застегивают ремешки касок на подбородках, как полетели в толпу гранаты со слезоточивым газом. Воздух наполнился резким серным запахом. Идущие впереди останавливались: они ничего не видели, слезы ручьями текли из глаз, лицо горело от невыносимого зуда.

Паоло видел, как замелькали тяжелые дубинки. Рядом с ним упала на мостовую девочка. Лицо ее было залито кровью. Мальчик с красным галстуком на груди, бежал, придерживая левой рукой повисшую, как плеть, правую — четыре пальца на ней были перебиты ударом полицейской дубинки.

К Паоло подскочил полицейский и сбил его с ног. Он размахнулся дубинкой, но мальчик в последний миг успел увернуться, и смерть или увечье миновали его...

...Домой Паоло вернулся поздно вечером, уставший, бледный.

— Господи, где ты был? — спросила мать.

— На демонстрации. Потом в полицейском участке. Потом на пионерском собрании. В полиции сказали, что будь я постарше, меня посадили бы в тюрьму. А ребята на собрании дали мне рекомендацию для вступления в Союз студентов-коммунистов. Вообще-то в Союз принимают с четырнадцати лет, но меня рекомендовали все ребята...

Любят свободу, любят Португалию

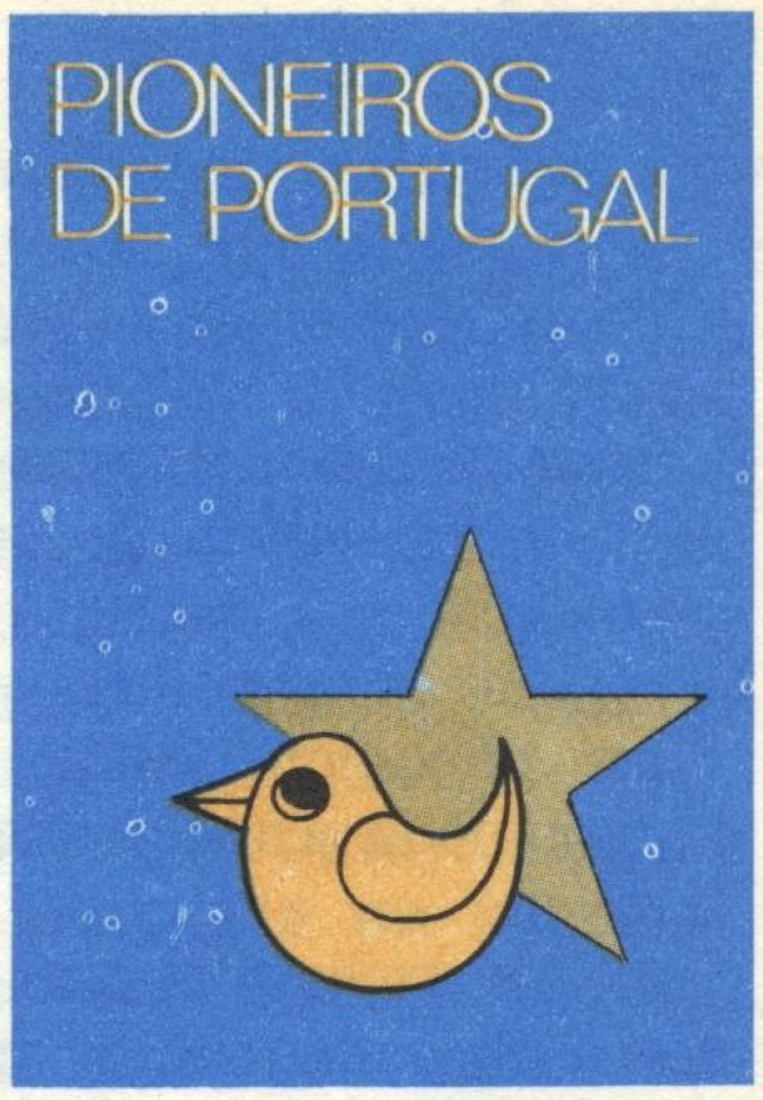
Пионеры помогают коммунистам в борьбе за демократическую Португалию. В первую очередь, конечно, добиваясь права на образование для всех детей. Ребятам из бедных семей рано приходится бросать школу, начинать работать. Но без специальности найти работу нелегко.

Вместе со взрослыми пионеры участвуют в митингах и демонстрациях, требуют соблюдения закона о бесплатном обучении, увольнения наиболее реакционных преподавателей. А таких

преподавателей немало еще в португальских школах.

Пионеры разъясняют своим сверстникам политику коммунистической партии, распространяют антифашистские газеты, плакаты.

Руководят работой пионерских групп и отрядов коммунисты или члены молодежных коммунистических организаций. Группы пионеров организуются в школах, на улицах, во дворах. Пионерские группы больших городов объединены в городские организации. Их работой руководят советы из десяти пионеров, избранных на районных собраниях.



Это обложка книжечки, в которой записаны законы пионеров Португалии. На ней — голубь — символ мира и пятиконечная красная звезда — символ солидарности трудящихся пяти континентов.

Пионеры строго соблюдают свои законы:

Пионер любит свободу и мир, любит Португалию, любит детей и народы мира.

Пионер уважает всех трудящихся, своих родителей и преподавателей, ведет себя по отношению к ним откровенно и честно.

Пионер всегда говорит правду и поступает справедливо.

Пионер трудолюбив, прилежно учится, готовится стать полезным обществу человеком.

Пионер защищает свои идеи и взгляды без высокомерия, но и без страха или стыда.

В своей организации пионер дружески критикует ошибки своих товарищей, принимает критику в свой адрес и критикует себя, чтобы улучшить свою работу и поведение.

Пионер — хороший товарищ всем детям в школе, поселке, городе, стране.

Пионер — дисциплинированный, мужественный, скромный и волевой.

Пионер помогает всем, кто нуждается в его помощи.

Пионер занимается спортом, чистоплотен и аккуратен.

Пионер любит и защищает природу.

Пионер стремится расширить свою организацию и в любых обстоятельствах верен званию пионера и пионерскому галстуку.

У пионеров Португалии нет пока формы, но все они носят треугольный красный галстук. Приветствуют друг друга пионеры так же, как коммунисты: правую руку, согнутую в локте поднимают вперед и вверх, пальцы сжаты в кулак. Этот жест означает: «Аванте, камарадаш!» — «Вперед, товарищи!».

Вся школа играет в шахматы

Ученики политехнической школы имени Кете Коллвиц из небольшого города Виттенберга в ГДР уже с первого класса по два часа в неделю обучаются искусству игры в шахматы.

Директор школы Гельмут Хартман, большой энтузиаст шахмат, считает, что увлечение шахматами развивает усидчивость, настойчивость, логическое мышление, укрепляет волю.

— Нас радует, что все дети занимаются шахматами охотно,— рассказывает директор.— С тех пор, как мы стали преподавать в школе шахматы, улучшилась успеваемость. Особенно заметны успехи учеников в математике: лучшие шахматисты легче решают задачи, доказывают теоремы. Интересно, что и актив школы — председатель пионерской дружины и секретарь школьной организации Союза свободной немецкой молодежи — лучшие шахматисты. Четыре наших ученика — в составе детской шахматной сборной ГДР.

Шахматы — это единственный предмет, по которому не ставят отметок. Чаще всего оценки даются устные, или, например, в дневнике ученика появляется такая запись:

«Достиг отличных успехов в изучении шахматной игры. Это положительно сказывается на занятиях математикой и другими предметами».

...Рядом с классной доской в 1 «б» — большая демонстрационная шахматная доска с фигурами. По ней ребята следят за интересными партиями школьных турниров, за спортивной борьбой шахматистов в ГДР и за рубежом.

А. ХАЛАМАЙЗЕР

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПИОНЕРСКИЙ
КЛУБ
«ТОВАРИЩ»

Что нам читать?

ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Как-то меня пригласили на слет участников Всесоюзного туристского похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

Один из аэродромов столицы в этот сентябрьский день был отдан тем, кто тысячи километров прошел по дорогам, по которым прошагали тысячи и тысячи наших воинов, навсегда освободивших землю от фашизма.

Загорелые лица. Полторы тысячи лиц. Эти юноши и девушки дали имена множеству безымянных до вчерашнего дня подвигов. Это они до мелочей восстановили карту боев и походов, собрали реликвии, документы, записи рассказов ветеранов.

А за год до московского слета был такой же слет в Бресте, там, где насмерть стояли защитники старой пограничной крепости. Они первые встретили бешеный натиск фашистов и первые показали, как умеют советские люди защищать свою Родину.

По земле, обагренной кровью героев, прошли участники слета, своими глазами увидели разрушенные укрепления, своими ушами услышали мудрые рассказы ветеранов и военачальников.

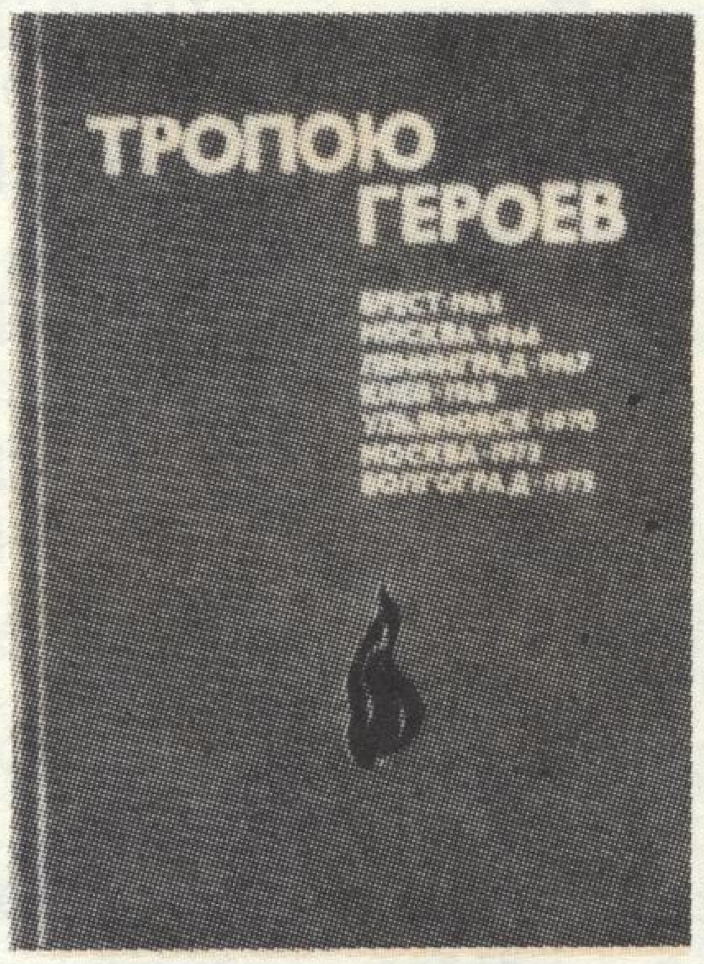
Потом был Ленинград...

Потом был Киев...

Потом Ульяновск...

Потом, в 1973 году, опять Москва.

И снова костры по вечерам,



интересные незабываемые встречи, беседы...

Обо всем этом написали свою книгу **«Тропою героев»** авторы, среди которых Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, летчик-космонавт Г. Т. Береговой, секретарь ЦК ВЛКСМ С. Г. Арутюнян...

Читать эту книгу интересно. Каждая ее страница, каждая ее строка о том малоизвестном, а порой и совсем неизвестном, о чем должен знать каждый гражданин Советской страны и особенно молодой гражданин, тот, кто завтра станет полноправным хозяином Родины.

Фотографии, помещенные в книге, дают возможность увидеть людей, с которыми встречались участники слета, увидеть героев, отдавших жизни за радость сегодняшних дней.

Хорошая книжка! Полезная, интересная, умная.

И очень хорошо сделало издательство «Молодая гвардия», что выпустило ее. А впрочем, кому же было и выпускать ее? «Молодая гвардия» — издательство комсомольское, и дела, о которых написано в книге, — дела комсомольские!

Но книга эта не окончена! И сегодня по всей стране тысячи и тысячи пионеров и комсомольцев находят все новые свидетельства революционной, боевой и трудовой славы.

Поход продолжается!

А. НЕКРАСОВ

«Дружу с Чапаем с детства...»

Однажды почтальон принес мне письмо из города Грозного.

«Дорогой Владимир Лукьянович! — писали незнакомые ребята. — Мы очень просим Вас прислать для нашего пионерского клуба «Заре навстречу» свои воспоминания о 25-й Чапаевской дивизии, фотокопии военных приказов и документов. А еще пришлите свою старую фотокарточку, где Вы засняты рядом с Василием Ивановичем Чапаевым. Нам будет интересно увидеть, каким Вы были в грозные годы гражданской войны».

Пришлось, к сожалению, разочаровать ребят. Я написал им, что в грозные годы гражданской войны у меня не было никакой возможности познакомиться с Василием Ивановичем, ибо я родился... на десять лет позже того дня, когда он погиб.

Но и по сей день в мой адрес поступают от пионеров письма, которые начинаются словами: «Здравствуйте, уважаемый чапаевец!» или же «Привет Вам, отважный соратник В. И. Чапаева!». А один маленький мальчик зачислил меня даже в сыновья Василия Ивановича.

Не скрою, приятно читать такие письма. В душе-то я и на самом деле (скажу по секрету) давно ощущаю себя чапаевцем. Во-первых, потому, что вот уже много лет пишу рассказы о Чапаеве. А во-вторых, биография моя связана с его именем и с именами его боевых сподвижников.

Посудите сами. Родом я из того самого города, где в свое время жил и учился Дмитрий

Фурманов, комиссар Чапаевской дивизии, создатель замечательного романа «Чапаев». А школьные годы мои прошли в приволжском селении, прославленном на всю округу тем, что из тамошних крестьян-добровольцев весной 1918 года Чапаев создал свой первый революционный полк.

Село наше с давних времен именуется Сулаком. Но как только произошла революция, бедняки, взяв власть в свои руки, дали селу более подходящее название — «Новый Петроград»! В героической летописи Поволжья «Новому Петрограду» — Сулаку отведено особое место. Василий Иванович частенько навещал сулачей и из их среды выбрал для дивизии самых стойких и надежных красных командиров, своих боевых помощников — Илью Топоркова, Ивана Плясункова, Алексея Рязанцева...

О славном революционном прошлом села я впервые узнал от своего дедушки Константина Ивановича. В гражданскую он служил в дивизии у Чапаева, громил белогвардейцев в приволжских и уральских степях. Дедушка с гордостью называл себя «первостатейным чапаевцем» и не раз рассказывал мне, малышу, о своем храбром командире, вспоминал разные веселые случаи из военной жизни.

Чапаевцами звались на селе многие. Даже те, которые в боях не участвовали. А называли они себя так потому, что колхоз наш носил имя Чапаева. Вот и получилось, все колхозники — «чапаевцы». И мы, дети колхозников, именовали себя точно так же и никаких прочих игр, кроме как «в Чапая», не признавали — бегали по оврагам с деревянными саблями и неустрашимо рубили жгучую крапиву, в которой, по нашему глубокому убеждению, прятались ненавистные белоказаки.

Так вышло, что и свою трудовую жизнь я начал «чапаевцем»: первое время работал в колхозе имени Чапаева, а затем в редакции районной газеты «Чапаевец». Об этой маленькой газете всегда вспоминаю с благодарностью: там я делал первые шаги в литературу. И своего дедушку Константина Ивановича, которого уже нет в живых, тоже вспоминаю нередко — он помог мне ближе узнать и полюбить непобедимого Чапая.

Об одном сожалею: не все дедушкины рассказы успел я записать в школьную тетрадку. Но в селе и поныне живут и здравствуют его друзья — ветераны Чапаевской дивизии. Бывая у них в гостях, я слушаю и записываю все то, что они знают и помнят о былых сражениях и походах.

Легендарный начдив запомнился им не только с обнаженной шашкой на коне впереди атакующих эскадронов, но и у походного костра, в перерывах между боями, когда он вместе с бойцами шутил и пел песни, и в домашней обстановке, в кругу своих детей, которых он ласково окрестил «чапаятами», и на многолюдной сходке в освобожденной деревне, где он выступал с пламенной речью, агитируя за Советскую власть.

Начнут чапаевцы вспоминать минувшее, воскрешая свою фронтовую молодость, и меня завидки берут: «Эх, — думаю, — почему я так поздно родился?! А то, глядишь, и сам мог бы рассказать детям о том, как вместе с героем Чапаем лихо бился с белой армией адмирала Колчака, отвоевывал счастливую жизнь для трудового народа. И не только рассказать, но еще, возможно, и снимок показать, на котором бы я был заснят рядом с Василием Ивановичем».

Но нет и не может быть у меня такого снимка. А если бы он был, я бы всегда помещал его в своих книжках, где собраны любопытные истории, рассказанные теми, кто делал историю. Помещал бы на самом почетном и видном месте, на первой странице. Чтобы все читатели знали, как я люблю Чапая, как дорожу своей давней — с мальчишеских лет! — дружбой с ним.

Вл. РАЗУМНЕВИЧ

Редакция журнала «Пионер» поздравляет Владимира Лукьяновича РАЗУМНЕВИЧА, лауреата Всероссийского конкурса на лучшую книгу для детей, с 50-летием и желает писателю новых творческих успехов.

НАДО ЖЕ КОМУ-ТО ЭТО СДЕЛАТЬ!

СКАЗКА

Элинор ФАРДЖОН

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Элинор ФАРДЖОН (1882—1965 гг.) — известная детская писательница Англии, книги которой снискали себе любовь у детей и у их родителей. Всего ею издано около семидесяти книг. Это стихи, рассказы, пьесы и сказки.

Книги Элинор Фарджон переведены на многие языки мира.

Э. Фарджон — лауреат национальной премии Великобритании, премии Карнеги, а также международной премии Ханса Андерсена.

Жил некогда в графстве Сассекс чудесный рыцарь — другого такого не было, может статься, в целом свете. Он был из рода рыцарей, как иные бывают из рода пахарей или из рода дурней. И если о том говорят: «Он пахарь от роду», а об этом: «Он от роду дурень», то о моем герое сказали бы только: «Он прирожденный рыцарь».

Звали его сэр Джон-Мечтатель, ибо всю жизнь мечтал он о величайшем подвиге, равного которому не было бы во всем рыцарском мире. Целыми днями начищал он свой щит, говоря, что не станет и думать о подвиге, пока щит его не заблестит как должно.

Однажды майским утром отправился сэр Джон посмотреть на белый свет, а чтобы лучше его разглядеть, пошел он по самому верху каменной стены. Шел он по стене и шел да глядел в небо на солнце, пока в глазах у него не поплыл туман. И услышал он сквозь этот туман тонкий свист — так свистят дрозды по весне. Вдруг свист оборвался, и чей-то спокойный голос сказал:

— Осторожно, сэр, как бы вам не упасть...

Не успел он это сказать, как сэр Джон споткнулся, опрокинул ведро с известкой, что стояло на стене, и упал бы, если б чья-то рука не схватила его за лодыжку. Тут он увидел, что за ногу его держит паренек, сидящий на стене. Волосы у паренька были рыжие, а глаза голубые.

Ведро, упав на землю, вспугнуло черного поросенка с хвостиком штопором, что мирно купался в луже, и хорошенькую курочку сассекской породы, которая что-то искала в пыли.

Сэр Джон выпрямился и, улыбнувшись, сказал пареньку:

— Прости, я тебе помешал.

— Нисколько, сэр,— отвечал тот.

— Что это ты делаешь? — спросил сэр Джон.

— С вашего позволения, держу вас за ногу, сэр.

— А до того что ты делал?

— Чинил стену, сэр.

— Как тебя зовут? — спросил сэр Джон.

— Дик Доветт,— отвечал паренек.

— Чем ты занимаешься?

— Чищу курятники и свинарники, сэр.

— Хорошая работа,— сказал сэр Джон.

— Надо же кому-то ее делать,— отвечал Дик и снова засвистал.

— Ты счастлив,— сказал сэр Джон.

— Как солнышко в небе,— отвечал паренек.

— Не поменяться ли мне с тобою местами? — произнес сэр Джон.

— Со мной? — сказал Дик.— Зачем это, сэр?

Но рыцарь уже повернулся и пошел своей дорогой.

Вскоре он дошел до конца стены, и пока он раздумывал, остаться ли на ней или спрыгнуть

на землю, на лугу послышался звон колокола. На звон со всех сторон сбежались люди. Вперед выступил городской глашатай. Правой рукой он бил в колокол, а левой держал за руку заплаканную девочку в простеньком синем платьице, высокую и крепкую для своих лет, с черной густой косой и карими глазами, которые она то и дело утирала передником.

Глашатай подтолкнул девочку вперед, чтобы всем было ее хорошо видно, трижды ударил в колокол и закричал:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Это Одри из Частокольников! Она потеряла свой мяч. Тому, кто найдет его, она отдаст все, чем владеет.

— А чем она владеет? — закричали все в один голос.

— Самой собой и платьицем, которое на ней.

— А какой у нее мяч?

Глашатай ударил в колокол и спросил у Одри:

— Какой у тебя мяч?

Одри утерла глаза передником и сказала:

— Мяч у меня с одной стороны синий, а с другой зеленый. И на нем картинки — цветы и звезды, феи и дети, прекрасные, как в жизни. Мне его подарила бабушка, когда я еще в колыбели лежала.

Люди спросили:

— А где она его потеряла?

Глашатай ударил в колокол и спросил у Одри:

— Где ты его потеряла?

Одри ответила:

— Я играла с ним в Частокольниках, а ветер подхватил его и понес. Я не видела, где он упал. Может, он пролетел миль сто, а может, двести.

Люди спросили:

— Когда она потеряла свой мяч?

Глашатай ударил в колокол и спросил:

— Когда ты потеряла свой мяч?

Одри ответила:

— В прошлом году.

— Как? — вскричал сэр Джон со стены. — И с тех пор ты плачешь?

— Ах, нет, сэр, — ответила Одри. — Я о нем забыла и думать, вспомнила лишь неделю назад, потому что семь ночей кряду мне снилось, что он упал в реку Муррей.

— Что это за река? — спросил сэр Джон.

— Не знаю, сэр. Но во сне мне пригрезилось, что это самая большая река в графстве Сассекс, и опасностей там хоть отбавляй.

И тогда сэр Джон вскричал, да так громко, что его услышали все:

— Ступайте домой, добрые люди. Этот подвиг я беру на себя.

Когда на лугу никого не осталось, Одри из Частокольников взглянула ласково на сэра Джона и сказала:

— Сэр, если позволите, я пойду с вами к реке Муррей и разделю все опасности.

Она сказала это так просто и так твердо, что сэр Джон подал ей руку и произнес:

— Идем, милая девочка.

Сэр Джон пошел назад по стене, не глядя ни вправо, ни влево, а на одно только ясное небушко. Вдруг он почувствовал, как две слабые руки ухватили его сзади за плечо, а одна сильная — за лодыжку, и, взглянув назад, а затем вперед, увидел, что Одри и Дик крепко держат его, чтоб он не упал со стены, а ведро с известкой снова лежит на земле.

— Что с вами, дети? — спросил Рыцарь.

— А что это с вами, сэр? — ответил Дик. Ибо щеки у сэра Джона были мокры от слез.

— Отчего вы плачете, сэр?

— Оттого, что глядел на солнце, Дик.

— Что же вы там увидели, сэр?

— Я увидел опасность и себя, идущего ей навстречу.

В глазах у Дика мелькнула тревога, и он спросил:

— С вашего позволения, сэр, можно мне пойти с вами?

Рыцарь просветлел и, положив руку на голову Дика, произнес:

— Ты тоже мечтаешь об опасности, Дик?

— Вовсе нет, сэр, — отвечал Дик.

— Зачем же ты хочешь идти со мной?

Дик покраснел, откашлялся и сказал:

— Чтобы ловить вас за ногу, сэр.

— И только? — удивился сэр Джон.

— Да, с вашего позволения, сэр. Стену чинить я кончил, а к вечеру мы ведь вернемся? Мне еще надо покормить свиней и запереть кур в курятник на ночь.

— Не знаю, когда мы вернемся, — сказал сэр Джон. — Может быть, никогда.

— Как угодно, сэр, — отвечал Дик. — Осторожно, не упадите!

— Пойдемте, дети, — сказал сэр Джон.

Он пошел по стене дальше и тут-то Дик увидел Одри, которая стояла у Рыцаря за спиной.

— Он упадет? — спросила Одри.

— Нет, если я буду рядом, — отвечал Дик.

Дик подобрал ведро и пошел за сэром Джоном, а Одри пошла за Диком, а черный поросенок по имени Поль и курочка сассекской породы по имени Эмили побежали за ними. Потом стена кончилась, Рыцарь, Дик и Одри спрыгнули с нее на землю.

*

Солнце лениво сияло в сине-белом небе, но наши друзья быстро шли вперед по дороге, а курочка и поросенок спешили за ними. Вскоре показалась деревенька Чилтингтон, самая красивая в Англии, впрочем, так называют каждую вторую деревеньку на западе графства Сассекс. Несмотря на всю свою красоту, деревенька напоминала скрипку без струн, ибо в ней не было ни души.

— Странно, — сказал сэр Джон, останавливаясь. — Когда-то в этой глухой и слепой деревушке жизнь била ключом.

— Это было совсем недавно, сэр, — заметил Дик. — Вон в саду еще лежат мотыга и грабли, а кто-то просыпал горох второпях.

В эту минуту за домом послышался тихий стон.

— У кого-то беда, — сказала Одри.

— Пойду посмотрю, — сказал Дик.

За домом они увидели старика, который рубил огромным ножом салат. Салат на грядке рос в виде букв, а из букв складывалось имя «БАРБИ».

Старик рубил и плакал.

— Ты хочешь срезать весь салат, дедушка? — спросил Дик.

— Да, мальчик.

— Тебе столько не съесть, — сказал Дик, вынимая из кармана ножик.

Я так люблю салат, — сказала Одри.

Бери на здоровье, красавица. Мне он больше не нужен.

— Я готов, сэр, — сказал Дик.

Но Рыцарь погрузился в раздумья о предстоящем подвиге и не слышал его.

Дик и Одри побежали за околицу и увидали ветряную мельницу, вокруг которой собрался народ. Стар и млад дули изо всех сил, но крылья мельницы не двигались. На самом верху верхнего крыла стояла маленькая девочка, к груди она прижимала рыжего котенка.

Ах, Дик! — вскричала Одри и всплеснула руками.

Не ходи за мной, — сказал Дик и бросился к мельнице. Но Одри поспешила за ним. Они взбежали по лестнице. На последней ступеньке Одри схватила Дика за рукав и снова сказала:

— Ах, Дик!

— Надо же кому-то это сделать, — сказал Дик. — Пугаться тут нечего, девочка.

— Спасибо, дедушка, — сказал Дик. — Мы возьмем немного на ужин. — И он сунул пучок салата в ведро.

А Одри спросила старика:

Почему ты плачешь?

— Из-за нее, — сказал старик и указал на имя на грядке. — Не нужен мне салат, раз ее больше нет.

— Какое горе! — сказала Одри.

— Говорят, на небе хорошо, — сказал Дик.

— Добро бы на небе, — сказал старик, — а то ведь где-то посередке.

— Как это? — спросил Дик.

Да на ветряке, — ответил старик. — А ветра все нет да нет. Вся деревня туда сбежалась, дуют и дуют, да все без толку.

— Мы пришли вовремя, — сказал сэр Джон. — Дик, тут нужно потрудиться.

Он опустился на землю и принялся начищать свой щит.

Ибо она побелела как полотно, что расстилают на траве под солнцем.

Дик выбрался на крыло и осторожно пополз по нему. Одри следила за ним ни жива ни мертва. И он вернулся — вернулся с девочкой и котенком в руках!

— Ах, Барби, — сказала Одри девочке. — Как это тебя туда занесло?

— Я хотела посмотреть, — сказала Барби.

— И увидала? — спросил Дик.

— Да, — отвечала Барби. — Увидала реку Муррей.

— Туда-то мы и идем, — сказала Одри, просветлев.

— Тогда и я с вами, — сказала Барби. — И Руфус тоже.

Сэр Джон, который как раз подошел в этот миг, держа в руках ярко начищенный щит, посмотрел внимательно на Барби и спросил:

— Так ты знаешь дорогу к реке Муррей?

— Знаю, — сказала Барби, — но только до Круглого дома. Я до него дошла, а потом мне пришлось возвращаться к чаю.

— Дик, — сказал Рыцарь. — Само небо нам помогает. Идемте, дети.

Барби поцеловала на прощание дедушку, и они отправились в путь: впереди сэр Джон, за ним Дик и Одри, за ними Барби, а за нею поросенок Поль, курочка Эмили и котенок Руфус.

— Какой у него блестящий щит! — сказала Барби.

— Да, — сказал Дик, — сверкает, словно новенький шиллинг. Во всем Сассексе другого такого не найдешь!

Он взглянул на Одри, а она взглянула на Рыцаря и сказала:

— Да, не найдешь.

Барби повела их через поляну, над которой струился золотой солнечный дождь. Перейдя дорогу, они оказались в сумрачном и прохладном лесу. Тут они пошли медленнее и заговорили тише. Вскоре они услышали крик совы: «У-ху! У-ху!» Крик доносился из небольшого круглого дома. Дом был каменный, а в стене были прорублены дверь и крошечное окошко, забранное решеткой. Барби остановилась.

— Куда теперь, я не знаю, — сказала она. — Это Круглый дом, а дальше я никогда не была.

— Может, сова знает, — сказала Одри. — Совы очень мудрые.

И закричала:

— Совушка-сова! Скажи нам, как пройти к реке Муррей?

Но сова только насмешливо заухала в ответ.

— Зайдем посмотрим на нее, — предложила Барби.

Дик подергал дверь.

— Заперто, — сказал он.

Они пошли дальше по дороге и вскоре услышали крик «Эй, тя-нем! По-тя-нем!», прерываемый приглушенным плачем. Крик шел из-за овина на опушке темного леса.

— Взгляните, дети, — сказал сэр Джон, — как все смешано в жизни, свет и тени, радости и печали... Пойдем к этим людям.

— Пожалуй, сэр, — сказал Дик. — Надо узнать, что там у них стряслось.

Плач перешел в громкое рыдание.

— Ах, поспешим! — сказала Одри.

Они поспешили и на огороде, что лежал за овином, увидали пожилого пахаря и трех работников — все они дергали редиску.

Увидав незнакомцев, они остановились, отирая пот красными клетчатыми платками.

— Я помогу вам, — предложил Дик.

— Что ж, помоги, молодой человек, — отвечал Пахарь.

— Ну и угощение у нас будет, — сказал Дик, принимаясь дергать редиску обеими руками.

— Редиска — вещь вкусная, — заметила Одри.

— Возьми сколько хочешь, голубушка. Мне она все одно в горло не пойдет.

— Мы тебе очень признательны, Пахарь, — сказал Дик. — Редиска очень хороша с салатом.

И он положил три крепкие редиски в ведро.

— А почему ты горюешь? — спросила Одри.

— Потому что не видать мне больше моей доченьки Кристи. Глаза бы мои не глядели на эту редиску, ведь она ее сажала.

— Какое горе! — проговорила Одри и отвернулась.

Дик переступил с ноги на ногу и спросил:

— Когда же это случилось, Пахарь?

— Час назад, — отвечал тот. — И виноват я один. Она все просилась на реку Муррей, а я ее не пускал, боялся, что простынет. Взял да и запер ее в Круглом доме, а ключ привязал к ручке ведра. Да начисто забыл об этом, когда пошел за водой. А ведро, как назло, возьми да и соскочи в колодец. Там оно сейчас и плавает, можете сами убедиться.

И он откинул крышку колодца: там, далеко внизу, плавало вверх дном ведро.

Сэр Джон внимательно выслушал Пахаря, и глаза у него засверкали.

— Дик, — сказал он, — вот подвиг, о котором я мечтал.

— Воистину, сэр, — отвечал Дик. — Придется достать из колодца ключ, ибо дверь в тот дом не сломаешь.

Но сэр Джон его не слышал: он изо всех сил начищал свой щит.

Дик взялся за веревку и подергал ее. Убедившись, что веревка крепкая, он привязал ее к пряжке своего кожаного пояса.

— Ах, Дик! — вскричала Одри.

— Надо же кому-то это сделать, — сказал Дик. — Пугаться тут нечего, Одри.

Ибо она побелела, как молоко, когда с него снимут сливки.

Он махнул работникам рукой, ухватился за веревку, и они осторожно спустили его в колодец, а Одри закрыла глаза и сосчитала до ста пятидесяти. Когда она открыла глаза, Дик уже вылезал из колодца.

— А теперь выпустим девочку, — сказал он, и они побежали к Круглому дому, где ухала сова.

— Совушка! — крикнула Одри. — Мы пришли тебя выпустить, если только ты скажешь нам, как пройти к реке Муррей.

Тут в окошке, забранном решеткой, показалось задорное личико.

— У-ху! У-ху! — послышалось в ответ. — Я не скажу и не выйду, если не пообещаете взять меня и Майка с собой.

— Что ж, — сказал Дик и повернул ключ в двери. Кристи выбежала из дома, а за ней выбежал мохнатый терьер, худой и веселый, с преданными глазами.

Пахарь схватил Кристи на руки и принялся целовать, а она прижалась к нему со словами:

— Прощай, отец. Я иду с этими людьми и животными искать реку Муррей.

— Ну, хорошо, хорошо, — согласился Пахарь. — Только возвращайся домой засветло.

— Это я вам обещаю, сэр, — сказала Одри.

Тут к ним подошел сэр Джон, держа в руках свой сверкающий щит и, взглянув на Кристи, спросил:

— Это ты, милое дитя, можешь провести нас к реке Муррей?

— Да, — отвечала Кристи, — но только до сада в лесу. Дальше я никогда не ходила.

— Дик, — сказал Рыцарь, — нам помогают волшебные силы. Пойдемте, дети.

И он зашагал вперед, а Кристи и Барби поспешили за ним, а за ними пошли Дик и Одри, а поросенок Поль, курочка Эмили, котенок Руфус и терьер Майк побежали за ними следом.

— Как ты хорошо кричишь совиным голосом! — сказала Барби, глядя на Кристи.

— Да, — согласилась Кристи и посмотрела

на Барби, а потом на Одри. — А какой у вашего отца щит красивый!

— Он им не отец, — ответил Дик, — но щит у него и вправду блестит, словно полная луна. Другого такого во всей Англии не найдешь.

И он посмотрел на Одри, а она взглянула с грустью на Рыцаря, а потом опустила глаза и прошептала:

— Да, не найдешь.

*

Солнце уже стало заглядывать за край тучки, когда они свернули на лесную тропинку. В конце ее виднелась старая калитка, а за ней — сад. Это и был сад в самой гуще леса, прекрасный, как сон. Вдруг из-за деревьев послышались громкие рыдания, прерываемые взрывами шутихи.

— Взгляните, дети, — сказал сэр Джон, — как быстротечны земные радости. Что может быть прекраснее этого сада? Но горе настигло и того, кто здесь обитает. Давайте узнаем, что с ним случилось.

Они обошли клумбу с цветами и увидали крошечного мальчика с темными, как вишни, глазами, из которых по загорелым щекам градом катились крупные слезы. Он сидел у маленькой грядки, на которой росло всего понемногу: чеснок и цветной горошек, люпин и картошка, бобы и маргаритки и много еще чего. А по краям рос зеленый лук. Мальчик швырял в него шутихи, и они с треском взрывались.

— Хочешь вырвать весь лук, сынок? — спросил Дик.

— Да-а-а! — заревел мальчик в ответ.

— У тебя от него живот разболится, — сказал Дик, принимаясь дергать лук.

— А я его есть не бу-у-ду!

— Как, ты не любишь лук? — спросила Одри. — Я так очень люблю.

— Вот ты и ешь, — сказал мальчик.

— Спасибо, сынок, — сказал Дик. — Мы с радостью возьмем немного. Нам как раз не хватало лука для салата.

И с этими словами он сунул пучок лука в ведро.

— А зачем ты его взрывал? — спросила ласково Одри, посадив мальчика к себе на колени и утирая его грязные щеки.

— Потому что его сажала она! — крикнул мальчик и махнул рукой в конец сада. — А она не пускает меня к ручью без взрослых!

Тут он взглянул на Дика, на Одри, соскочил на землю и с воплем помчался в конец сада.

— Сильвия, взрослые пришли! Теперь ты меня пустишь?

Все поспешили за ним. На доске, перекинутой через ручей в конце сада, они увидели ма-

ленькую фею. Впрочем, была ли это фея или просто прелестная девочка, трудно сказать. Ибо глаза у нее были веселые и лукавые, словно у феи, а улыбка дерзкая и задорная, как у ребенка.

Увидев наших друзей, она сказала:

— Да, Вилф, с ними я тебя отпущу, если они пойдут.

— Конечно, пойдем, — сказала Одри, захлопав в ладоши.

— На пути вас ждет великое множество всяких опасностей, — сказала Сильвия. — Пороги и водовороты, заросли, что подступают к ручью с обеих сторон, так что идти приходится по воде, затонувшие корабли, киты и аллигаторы, морские змеи, сирены и комары. Вы утонете, вас искусают, разорвут на части, съедят, околдуют, если только...

— Если только что? — закричали все хором.

— Если только вам на помощь не приду я, — сказала Сильвия.

Но они уже разулись и связав шнурками ботинки повесили их себе на шею.

— Кто испугался? — крикнул Дик.

— Только не я! — крикнули в ответ Одри, Барби, Кристи и Вилф.

Поль сказал: «Хрю!», Эмили сказала: «Кудах-тах-тах!», Руфус сказал: «Мяу!», а Майк сказал: «Гав!»

— Тогда за мной! — воскликнула фея Сильвия и спрыгнула в ручей, который тек меж крутых берегов, так густо поросших ольхой и орешником, что из сада его совсем не было видно. А за ней в воду спрыгнул Вилф, за Вилфом — Барби, прижимая к груди Руфуса, за Барби — Кристи, держа за ошейник Майка, за Кристи — Одри, подхватив на руки Эмили, а за Одри — Дик, сунув под мышку Поля.

*

Солнце, словно золотой корабль, застыло среди синего неба с белыми барашками, когда, исцарапанные и вымокшие, они дошли до того места, где ручей выбегал на простор.

Кристи потеряла ленту, Барби разодрала до крови коленку, у Вилфа на голове была шишка, у Одри коса совсем растрепалась, и в волосах запутался репейник, а у Дика рубашка порвалась снизу доверху. Одна только Сильвия вышла из воды невредимой.

На берегу они увидели сэра Джона, который сидел под дубом и начищал до блеска свой щит. Он прошел вдоль ручья берегом и теперь поджидал остальных.

— Ну, дети, — сказал он, — никто из нас не погиб?

— Ни одна душа, сэр, — ответил Дик.

— А все благодаря Дику, — сказала Сильвия. — Такого храбреца я в жизни не видала. Он все опасности преодолел и всем был защитой.

— А все благодаря Сильвии, — сказал Дик. — Она самая добрая из фей, которые охраняли когда-либо бедных смертных. Она нас от всех бед спасла. Хоть матушке, конечно, придется латать мою рубашку.

— Сирены стащили мою ленту! — похвасталась Кристи.

— Драконы искусали мою ногу! — сказала с гордостью Барби.

— Великаны набили мне шишку! — пожаловался Вилф.

— Ведьмы дергали меня за косу! — сообщила Одри.

— А Эмили снесла яичко, — сказала Сильвия. — А Дик всех спас и яичко тоже.

— Крутое яйцо хорошо для салата, — сказал Дик. — Разрезать на дольки и пустить, словно белые с золотом лодки, на зеленую гладь моря... Знать бы только, как его сварить.

— Сварить? — повторила Сильвия и, прищурившись, посмотрела себе под ноги.

Тут и они увидали костер, на котором бурлила в ведерке вода. Почему-то раньше они его не заметили. Дик подошел и опустил в ведерко яйцо.

— Какой у вашего дедушки щит прекрасный! — сказала Сильвия.

Малыши засмеялись, а Дик ответил:

— У него нет ни детей, ни внуков, но щит у него прекрасен, как его мечты. Другого такого не найдешь в целом свете!

И он улыбнулся Одри. Но она только с грустью взглянула на Рыцаря, а потом на Дика и кивнула головой.

*

Солнце зашло за тучку и выглянуло снова.

— Салат готов, — сказала Одри.

Из листьев салата она сделала блюдо и выстлала его свежевымытым луком, а сверху уложила разрезанные пополам бело-красные редиски и золотые с белым яичные дольки, похожие на лодки на зеленом море.

Но сэр Джон ее не слышал.

— Сердце мое взыграло в предчувствии подвига, — сказал он.

И, взяв Одри за руку, продолжал:

— Милое дитя, я иду на подвиг, о котором так долго мечтал. Я дал тебе слово и не вернусь, пока не найду реку Муррей, а в ней — твой мяч.

Одри взглянула ему в глаза и отвечала:

— Я тоже дала тебе слово и пойду за тобой.

И она побелела, как розы, что вянут в саду.

Но сэр Джон покачал головой.

— Я должен идти своей дорогой один, — сказал он.

И, повернувшись к Дику, добавил:

— Присмотри тут за Одри, пока меня не будет.

— Постараюсь, сэр, — сказал Дик Доветт.

— Я бы остался и помог тебе, — сказал сэр Джон-Мечтатель, но щит мой наконец сверкает как должно, и я хочу исполнить данное мной слово.

Одри опустила голову и прошептала, что мяч ей теперь совсем не нужен.

— И все же, — сказал сэр Джон, — я должен найти его.

И он поднялся.

— Что ж, — сказала Сильвия, — этот ручеек впадает в реку Муррей.

И она указала на ручей, из которого все они только что вылезли.

Дик спросил, не поест ли сэр Джон на дорогу салата. Но Рыцарь отказался. Пожав Дику руку и расцеловавшись со всеми на прощание, он повернул в лес и скоро скрылся из виду, только его щит сверкнул в лучах заходящего солнца.

Кристи поглядела ему вслед и тихонько шепнула Барби:

— Но ведь мы нашли реку Муррей и прошли ее всю.

И Барби шепнула в ответ:

— Да, он пошел совсем не туда.

А Сильвия загадочно улыбнулась.

*

Отведя детей по домам, Дик и Одри шли в сумерках к своей деревне. Вдруг Дик достал что-то из кармана и протянул Одри.

— Что это? — спросила она.

— Подарок, — сказал Дик. — Я нашел его в ручье.

Одри радостно вскрикнула:

— Ах, это мой мячик! Вот дети и цветы на зеленой стороне, звезды и феи — на синей. Он совсем не выцвел! Блестит и сияет, как новенький!

Она подбросила мячик в воздух, поймала, поцеловала с синей стороны, потом — с зеленой и положила себе в карман.

Пересказала с английского Н. ДЕМУРОВА

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

РЕДКАЯ МАРКА

В нашей коллекции есть непальская марка, на которой изображен древний буддийский бог. Эта марка досталась нам целой, остальные — в разорванном виде. Но мы бережем и эти кусочки. Капитан Перо внимательно рассмотрел их и сказал, что одна из марок — величайшая редкость. Почему он так решил? Найдите тот кусочек марки, который подтверждает это.

Это очень интересно,
Сообщите ряд и место!

Лупа и Пинцет.

Карандаши передали мне перехваченную у Резинок записку с пятью загадочными строчками:

СМЕБДВОЕДРЬВ
ППЯТАНТЕНИРА
ЦУКАБАУТНР
ГОМОНАРИДЛЛА
ВДИОКОРБРАЕЗ

Рядом мелко-мелко было написано:

Из этих строчек пять зверей
Изгнать ты должен поскорей,
И зашифрованную весть
Сумеешь сразу же прочесть!

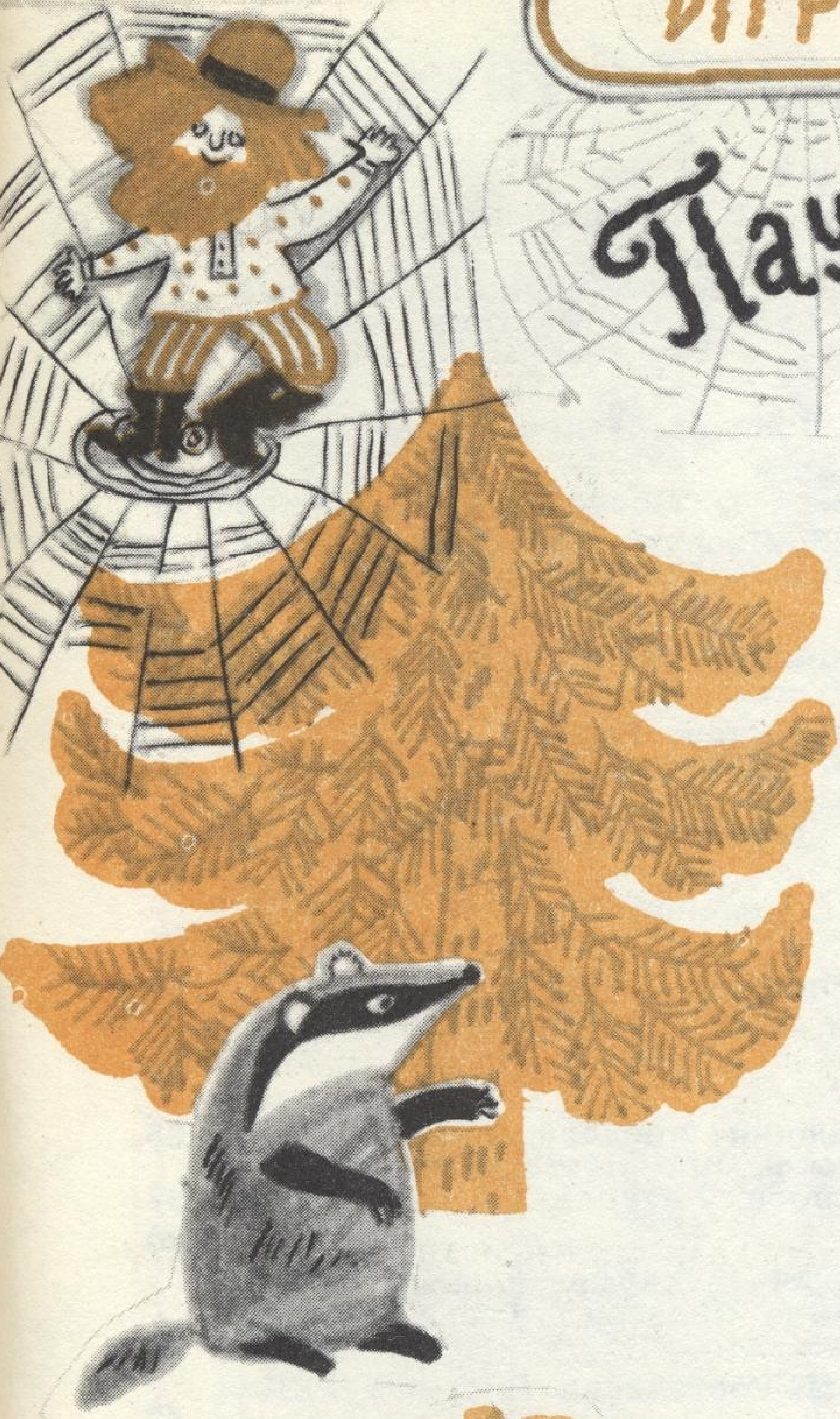
Помогите мне, ребята, разобраться в шифре!

ТЕАТР ТЕНЕЙ

Никогда я не скучаю,
Не скучаю и сейчас,
Тени рук я изучаю,
Провозился целый час.
Вы, конечно, догадались,
Что за тени получились?
Сам проверь их на стене,
Нарисуй и вышли мне.

Живживка.

Пауки и синицы



Зайчонок едет на такси,
Куда он едет, сам спроси.

Медведь лежит в густой тени,
Его за лапу не тяни.

В подарок белочке овца
Несет четыре леденца.

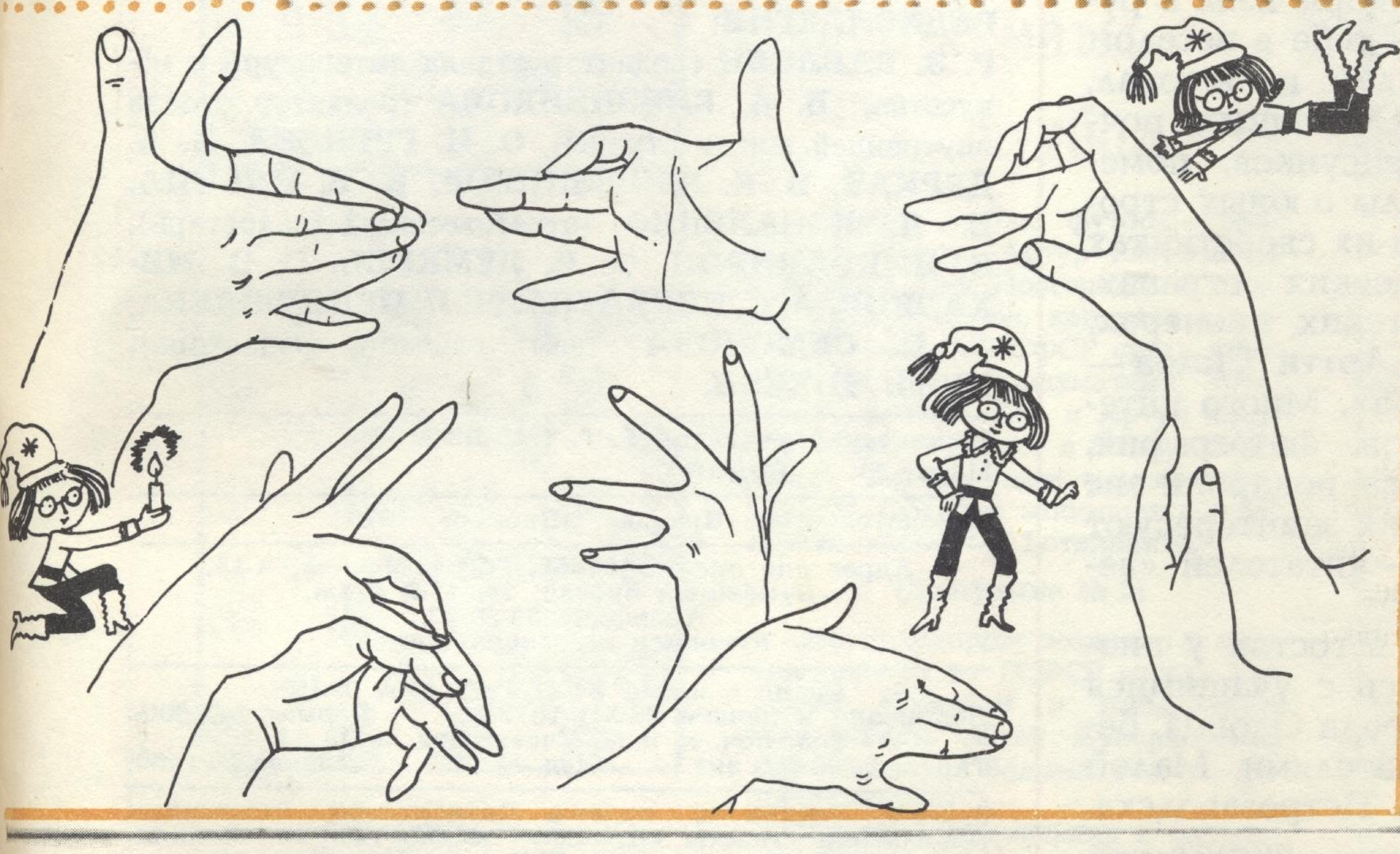
Избушку строят два клопа,
Звенит топор, летит щепа.

Ворчит под елкою барсук:
— Ужасный шум! Ужасный стук!

Хочу спросить я учениц:
— Скажите, сколько здесь синиц?

Хочу спросить учеников:
— Скажите, сколько пауков.

(Подсказку шепчут пауки:
— Ищите нас в конце строки...)



ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 1

Игры Лупы и Пинцета

Из Новой Каледонии в Австралию все яхты добрались благополучно.

Где подарок. Кубик № 1.

Игры Деда Буквоеда

Чьи стихи? Иволга, колибри, страус, щегол, филин, аист, сокол, какаду.

Наши гости

«КАМАРАТ» («Товарищ») — так называется журнал словацких пионеров, издающийся в Братиславе. Он много и интересно рассказывает о жизни советских пионеров. Чтобы воочию увидеть, как работают и учатся наши пионеры в юбилейном году 60-летия Октября, подробно поговорить с ними, расспросить их, в СССР приехала редактор отдела науки журнала «Камарат» тов. **Г. Мензаторисова**. Она побывала в московских школах, выезжала в Ярославль, в Тбилиси, Гори, Телави. Интересный и деловой разговор о том, что надо делать, чтобы и дальше крепить дружбу между нашими журналами, состоялся у нас в редакции «Пионера». И вот результат: недавно в журнале «Камарат» появилась первая статья «КИД — Москва», под нею подпись — Г. Мензаторисова.

«ФРЁЗИ» — так называют свой журнал пионеры ГДР. Это название состоит из начальных слогов двух немецких слов: «fröhlich» — («веселый», «радостный») — и «singen» («петь»). Иначе говоря, взял в руки «Фрёзи» — значит, быть тебе в веселом настроении! Веселье весельем, но журнал, кроме множества цветных, смешных, почти мультипликационных рисунков, помещает и серьезные материалы о юных строителях социализма в ГДР и их сверстниках в братских социалистических странах. Чтобы рассказать о советских пионерах, приехала в нашу страну **Лотти Симон** — сотрудник журнала «Фрёзи». Много интересных рассказов, очерков, фотографий, детских стихов и рисунков подарили мы ей. Надеемся, многие из них заинтересуют наших немецких друзей — читателей «веселого» журнала.

Лотти Симон побывала в гостях у пионеров Карелии, встретилась с учащимися школы-интерната № 10 города Олонца, беседовала с юными слушателями Малой лесной Академии города Петрозаводска.

Летописец «ПИОНЕР»ский

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы о Конституции
Священный долг. — В. Степаненко. Рисунок И. Красулина . . . 1
Те, кто сегодня на посту. Граница. Над вечным огнем. — Стихи Б. Дубровина. Рисунок А. Борисова . . . 2
Ты, я, наш отряд
Дорогами войны. — Рисунки В. Костицына . . . 3
С комсомольским билетом
Опаленные огнем. — О. Московая, И. Павленко . . . 6
Приказ комиссара. — Ю. Яковлев. Главы из повести. Окончание. Рисунки С. Трофимова . . . 8
Сами о себе . . . 20
Малая пионерская энциклопедия. Фотографии В. Гусева, Я. Шахновского . . . 21
Штаб пионерских активистов «Горн»
Наше звено. — Фотографии В. Гусева . . . 23
Всесоюзный штаб Тимура
«Светлячки». — М. Сергеев. Рисунки Е. Шабельника . . . 24
Лыжня. — Рассказ К. Саранчина. Рисунок В. Костицына . . . 27
Зачем и почему? — Рисунки Н. Доброхотовой . . . 30
Лаборатория — океан. — Л. Бреховских. Рисунок Ю. Родина . . . 32
Красная тетрадка
Операция «Подснежник» продолжается . . . 35
Про древний род сосны, про поэта-лесовода Лебкова. — Ю. Крутогоров. Рисунки Ю. Бондаренко . . . 37
«Кораблик» . . . 40
Буэнос диас, Рикардо! — Документальный очерк М. Эспера. Окончание. Перевод Г. Гаева. Рисунки А. Борисова . . . 42
«Переменка» — Ведет Н. Ростовцева. Рисунки Е. Шабельника . . . 47
Звуки, буквы, слова
Слова-иллюзионисты. — Л. Успенский. Рисунки А. Вовиковой . . . 48
Листья будущего лета. — Повесть Т. Поликарповой. Рисунки Б. Гуревича . . . 50
Игротека «Пионера»
Играем вместе. — В. Артамонова. Рисунки Е. Шабельника . . . 63
Международный пионерский клуб «Товарищ» . . . 64
Что нам читать? . . . 68
Надо же кому-то это сделать! — Сказка Э. Фарджон. Рисунки Н. Доброхотовой . . . 70
Ума палата. — Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой . . . 78
Летопись «Пионера» . . . 80

На обложке:
Музей боевой славы героической Советской Армии в Москве. Рисунок А. Борисова.

Главный редактор **С. А. ФУРИН.**

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО** (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1978.

Адрес для писем: **101459. ГСП-4. Москва, А-15. Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.**
Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 24/XI 1977 г. А 09315.
Подписано к печати 28/XII 1977 г. Формат 84×60 1/8.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 276. Заказ № 1460.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Чемпион мира

Братьев Юсуповых четверо. Тимуру—девятнадцать лет, Артуру—скоро восемнадцать, Ильнуру — девять, Эльдару — восемь. И все они любят шахматы. Старшие братья в свое время занимались в шахматном клубе Московского Дворца пионеров, Ильнур и Эльдар сейчас тренируются в одной из секций этого клуба.

...В австрийский город Инсбрук съехались сорок семь молодых шахматистов из Европы, Азии, Америки. Советский Союз представлял студент Московского государственного университета Артур Юсупов. В этом трудном соревновании он одержал восемь побед, пять партий закончил вничью и, избежав поражений, заслуженно завоевал звание чемпиона мира среди юношей.

Пешкин, как всегда, был на этих соревнованиях, он сам горячо поздравил Артура.

И вот что рассказал Артур Пешкину:

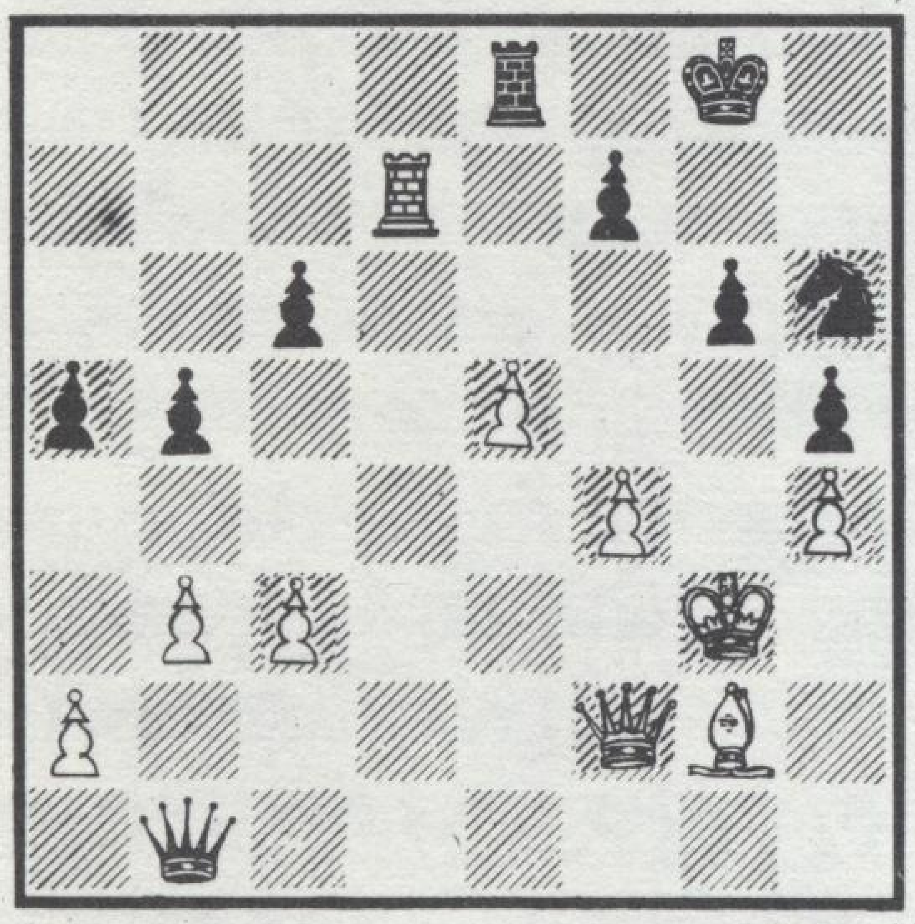


Диаграмма № 1

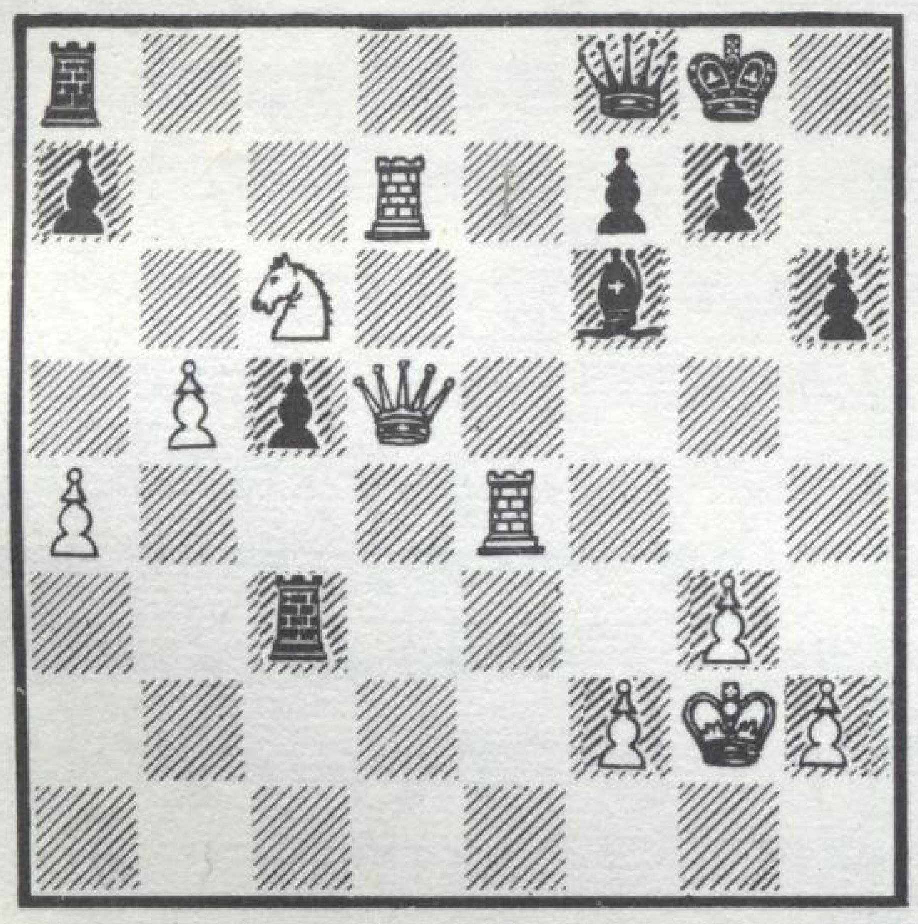


Диаграмма № 2

— Я очень любил шахматы, много занимался, не раз испытал горечь неудач, но не отступал. Очень уж мне хотелось научиться хорошо играть!

В десять лет он стал перворазрядником, пять лет спустя — кандидатом в мастера, лидером команды Дворца пионеров.

Два года назад в соревнованиях на приз «Комсомольской правды» Артур добился лучшего результата во встречах с гроссмейстерами: набрал три с половиной очка из шести возможных и даже... победил чемпиона мира Анатолия Карпова в сеансе одновременной игры с часами.

«На чемпионате мира,— говорит его тренер, международный мастер Марк Дворецкий,— Артур превосходил своих соперников общим пониманием шахмат, умением верно оценить позицию, составить правильный план».

Перед вами отрывок из партии **Артура Юсупова,** игравшего с югославским мастером **Петаром Поповичем.**

(Диаграмма № 1)

На первый взгляд положение белых надежно: активно расположена ладья на d7, атакованы пешки ферзевого фланга. Но Юсупов учел, что белого короля можно атаковать. Партия продолжалась так:

36... Крh6—g4 37. Фf2—d2 Фb1—g1! 38. Лd7—d8 Ле8: d8 39. Фd2: d8+Крg8—h7

Черный король надежно укрыт, а белый вынужден отправиться в рискованное путешествие.

40. Фd8—d4 (Плохо 40. Фd7 ввиду 40... Фf2+) 40... Фg1—h2+ 41. Крg3—f3 Фh2 : h4 42. Крf3—e2 Фh4—h2 43. Крe2—f1 c6—c5! 44. Фd4—e4 Фh2—g3 45. Крf1—e2 Фg3—f2+ 46. Крe2—d3 Фf2 : a2 47. Фe4—b7 Фa2 : b3.

Белые сдались.

Шахматы... и футбол

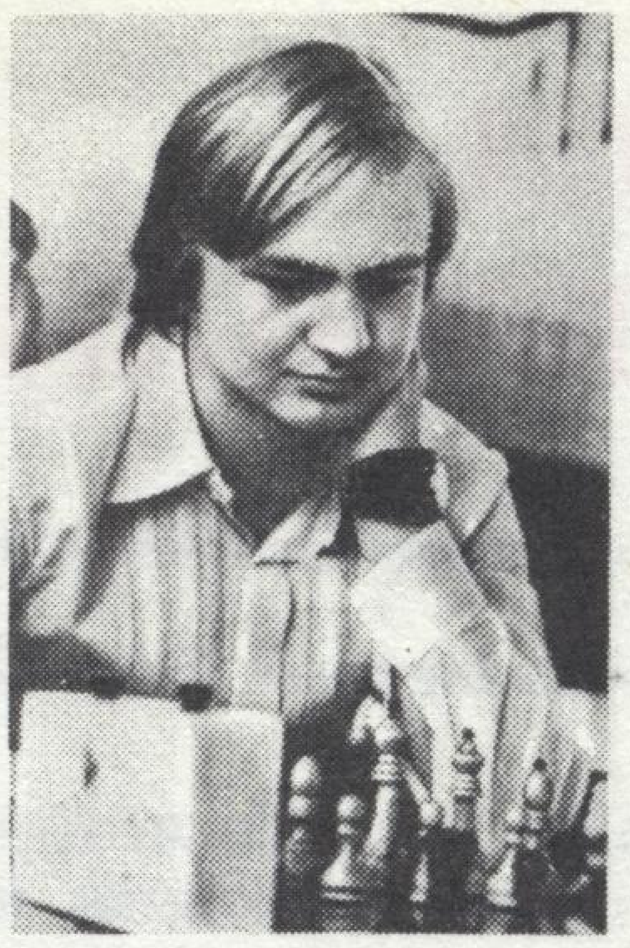
— Очень люблю футбол,— признался как-то Артур Юсупов. И школьник 10-й Новгородской школы Сергей Ионов, кандидат в мастера, чемпион РСФСР среди юношей, увлекаясь шахматами, тоже любит футбол. Как и Артур Юсупов, Сережа играет в позиционном стиле, хорошо ведет маневренную борьбу. Оба они занимаются в заочной школе М. Ботвинника.

(Диаграмма № 2)

Это положение возникло в партии первенства РСФСР между **Сережей Ионовым** и горьковским школьником **Витей Купоросовым.** Сережа, играя белыми, быстро добился победы.

Составьте примечания к окончанию этой партии и пришлите свои анализы Пешкину. События развивались так:

32... Лc3—c1 33. Кc6—e7+ Крg8—h8 34. Кe7—f5 Лa8—d8 35. Лd7 : d8 Сf6 : d8 36. Фd5—d7. Черные сдались.



Артур Юсупов.

Конкурс Пешкина

Пешкин предлагает вам задачи чешских мастеров Карела Мусила и Людека Чимбурека.

(Диаграмма № 3)

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

А в следующей позиции белые, начиная игру, дают мат в три хода.

(Диаграмма № 4)

Пешкин желает вам, ребята, успеха! Он ждет ваших писем.

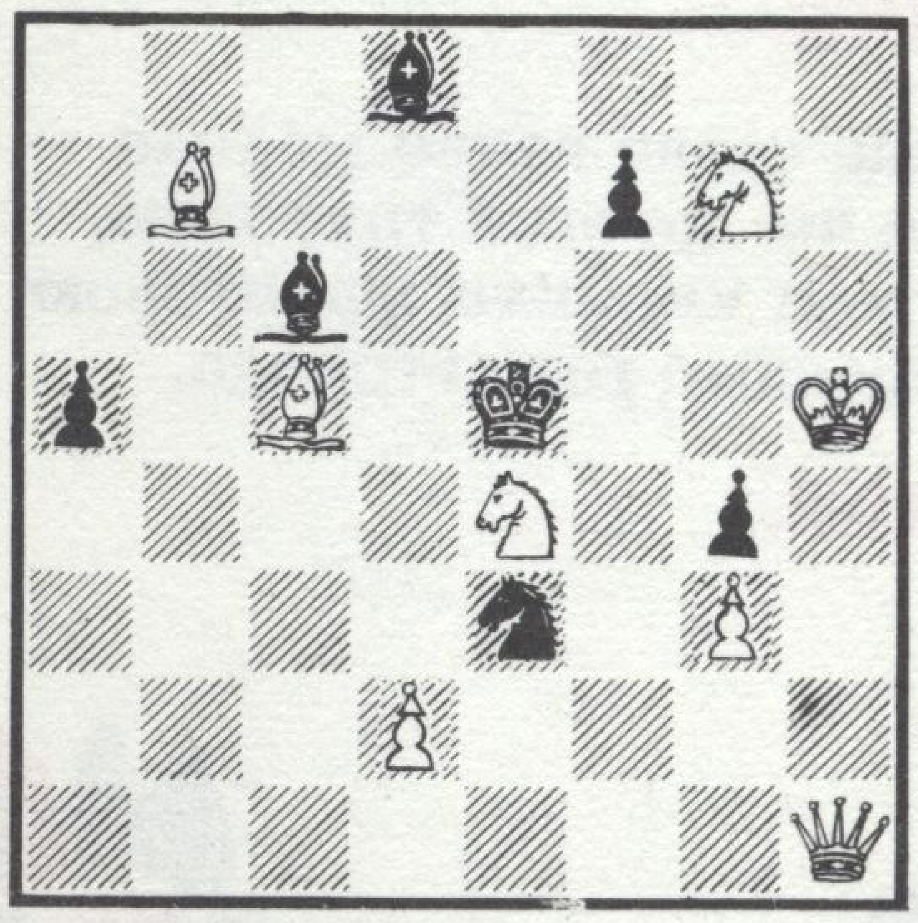


Диаграмма № 3

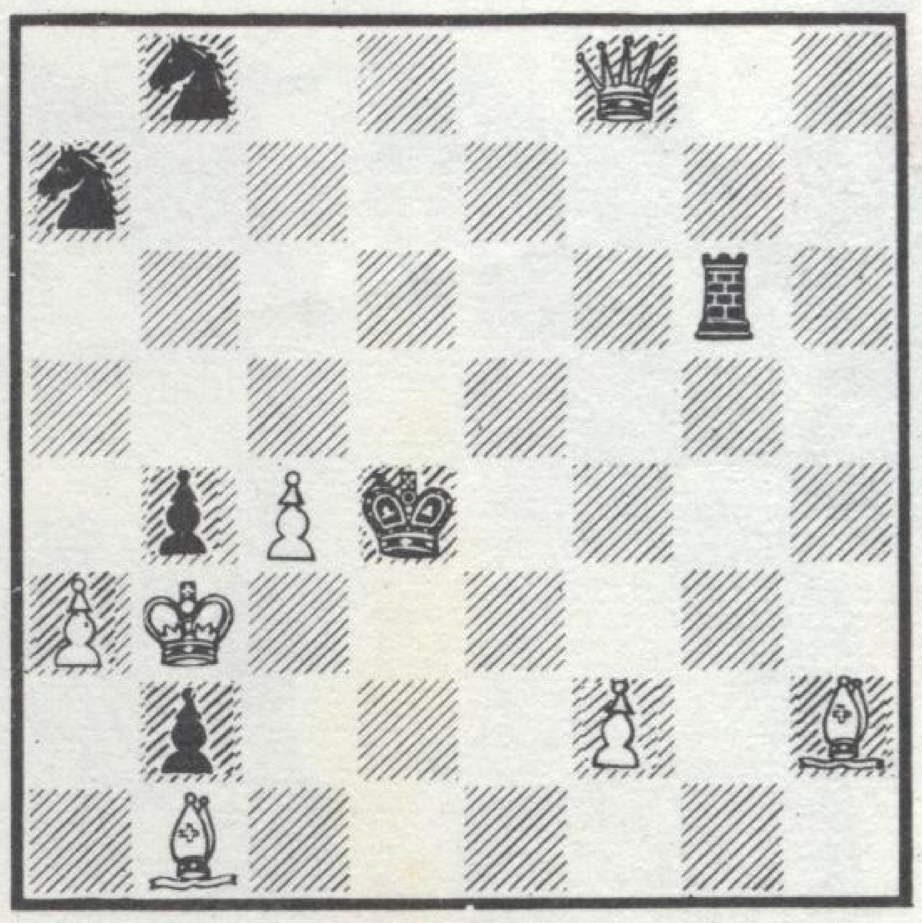


Диаграмма № 4

ПЕСНЯ О ГОРОДАХ-ГЕРОЯХ

Стихи Ефима **ШКЛОВСКОГО**

Музыка Михаила **ПРОТАСОВА**

Уходят в глубь истории года
Со славою военной, как солдаты.
Но остаются с нами даты,
Знамена и герои-города.

ПРИПЕВ: Москва и Ленинград,
Керчь, Новороссийск,
Киев, Волгоград,
Севастополь, Минск,
Одесса, Тула, Брест —
Герои-города!
Мы отдаем вам честь
Всегда.

Шла на Отчизну черная орда,
Но поднялись дружиною единой
Народы Родины любимой
И славные герои-города.

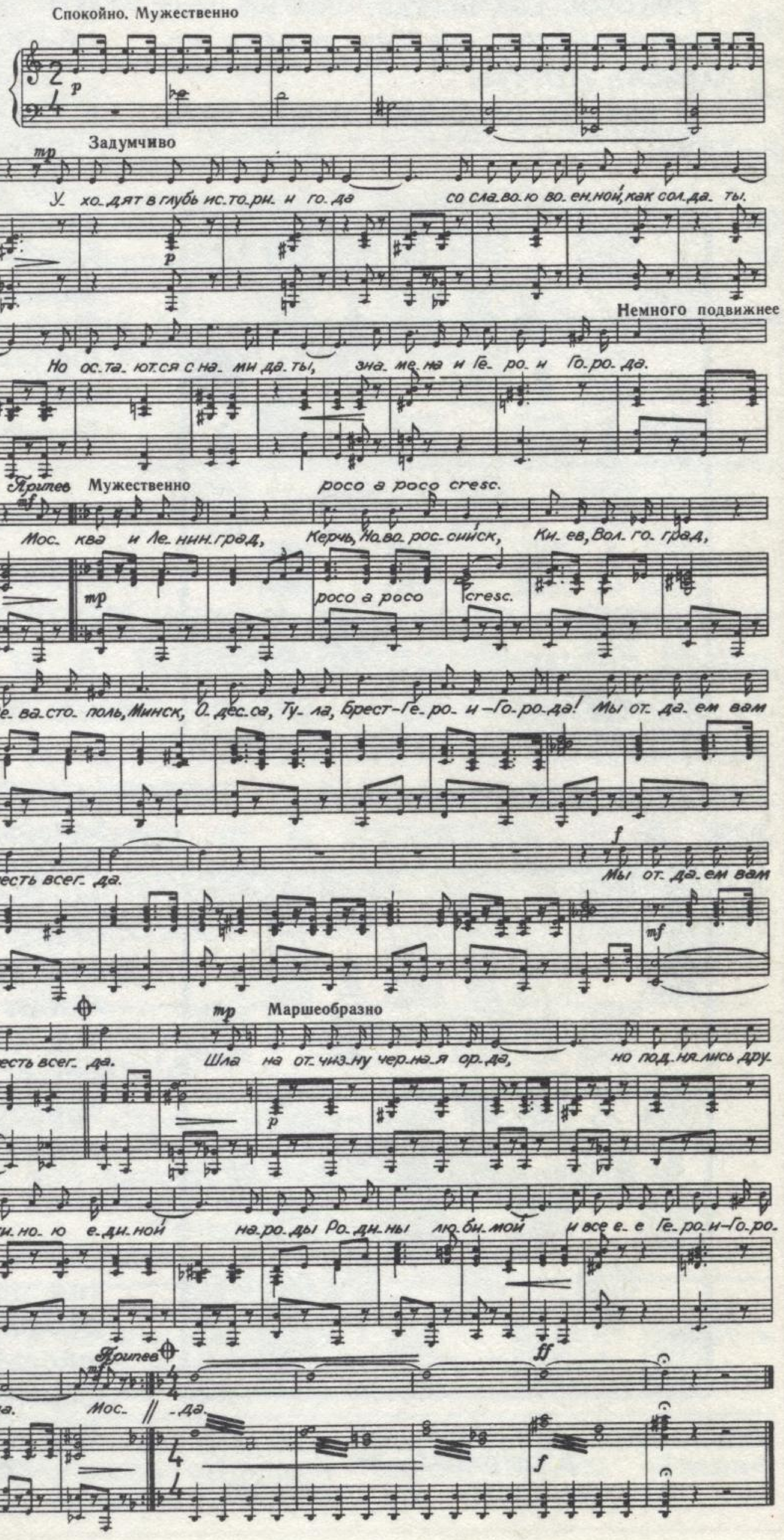
ПРИПЕВ.

У ваших стен героем был солдат.
Бойцами стали женщины и дети.
И вас поэтому столетья
Зачислили в герои-города.

ПРИПЕВ.

И ваша слава вечно молода —
Идете вы дорогой трудовою,
Как шли когда-то фронтовою,
Прекрасные герои-города.

ПРИПЕВ.



Цена 25 коп. Индекс 70694